

Валентин Вандышев

ВАРСАВА,
или ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

УДК – 130.121: 130.33: 133.1: 141.82

ББК – 86.3-5-я73.3

В-17

Рецензенты:

И.В. Карпенко – доктор философских наук, профессор
Харьковского национального университета имени
В.Н. Каразина;

Н.Г. Кононенко – доктор медицинских наук, профессор
Сумского государственного университета.

Вандышев В. Н.

В 17 ВарСава, или Жизнь после : монография / В. Н. Вандышев. – Киев :
Кондор-Издательство, 2016. – 360 с.

ISBN 978-617-7278-74-9

В романе представлен образ оригинального мыслителя Г.С. Сковороды и основные идеи и принципы, изложенные самим философом в беседах с учениками и приверженцами его учения. Приведена история идеи возвращения к жизни умерших, особенности миропонимания видных отечественных ученых и политических деятелей на рубеже XIX-XX в., социально-этические идеи Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, К.Э. Циолковского, деятельность русских учёных, впервые осуществивших глубокий научный прорыв в деле воскрешения.

Роман представляет собой яркий образец интертекстуального художественного произведения с элементами оккультизма и мистики. Он будет полезен специалистам в области истории науки, философии, биологии и медицины, а также всем ищущим Истины.

У романі подано образ оригінального мислителя Г.С. Сковороди, основні ідеї і принципи, викладені самим філософом у бесідах з учнями й прибічниками його вчення. Подано історію ідеї повернення до життя померлих, особливості світосприйняття ряду вітчизняних учених і політичних діячів на перетині XIX-XX ст., соціально-етичні ідеї М.Ф. Федорова, В.С. Соловйова, К.Е. Ціолковського, діяльність російських учених, які вперше здійснили глибокий науковий прорив у справі воскресіння.

Роман є яскравим зразком інтертекстуального художнього твору з елементами оккультизму й містики. Він стане в нагоді фахівцям у царині історії науки, філософії, біології й медицини, а також усім, хто прагне Істини.

ISBN 978-617-7278-74-9

© Вандышев В. Н., 2016

© худ. Переломов А.Ю., 2016

© Кондор-Издательство, 2016

**К истинным ценителям творчества
Григория Саввича Сковороды
(1722-1784)**

В романе продемонстрирован ряд аспектов практической философии целостного учения выдающегося мыслителя XVIII в. Г.С. Сковороды. Содержание его основных идей и принципов изложено живым языком самого философа в беседах с учениками и друзьями. Из содержания романа становится очевидным отношение Сковороды к животрепещущим проблемам смысла жизни, познания и возможности воскрешения.

Значительную часть романа составляет изложение истории идеи воскрешения, особенность подхода и практической работы по воскрешению известных русских учёных и политических деятелей XIX – первой четверти XX в. В этом контексте подробно освещены философско-нравственные и социально-эстетические идеи Н.Ф. Фёдорова, В.С. Соловьёва, К.Э. Циолковского и др., которые определили направление деятельности учёных тайной лаборатории. Именно там впервые в истории были сделаны научные открытия, способствовавшие осуществлению клонирования, трансплантации, а также найдены средства, существенно продлевающие жизнь человека. Всё это стало реальным на пути реализации идеи русского космизма о необходимости и возможности воскрешения всех, живших прежде.

Роман будет полезен всем, кто убеждён в могуществе творческой и дерзновенной научной мысли, кто желает знать историю без изъятий, а также специалистам в области биоэтики и биомедицины.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

*Мы здесь не для того,
чтобы исполнять чьи-то ожидания.*

Когда новая философская идея входит в мир, её встречают по-разному разные люди.

Один человек с жадностью ухватится за любое философское произведение в стремлении выяснить, насколько оно поддерживает его собственные взгляды. Для такого человека сама философия имеет незначительную важность. Её основная ценность будет заключаться в подтверждении ею его идей. Если работа оправдывает его ожидания в этом смысле, он примет её с энтузиазмом и вцепится в неё мертвой хваткой с самой безрассудной приверженностью. Если же – нет, он, скорее всего, отложит книгу с отвращением и разочарованием, с чувством, словно автор нанес ему обиду.

Другой начинает смотреть на книгу весьма скептически, как только он обнаружит, что она содержит нечто, чего он до сих пор не читал, не слышал или над чем сам не задумывался. Он, вероятно, отметит, как несправедливое, обвинение в том, что его отношение – это верх самодовольства и нетерпимости. Но, увы, это так и есть, потому что человек закрывает свой ум перед любой истинной, которая по трезвому размышлению могла бы изменить и его личную жизнь.

Обе эти категории людей сами себе заслоняют свет, опираясь на свои «незыблемые» идеи и принципы. Малый ребенок в этом отношении – прямая противоположность взрослым. Он не пропитан непреодолимым чувством надменного знания, он не обязан выглядеть мудрым или скрывать своё незнание предмета за презрительной усмешкой. Малый ребенок откровенно невежествен, он свободен от предвзятых мнений, а потому он в выс-

шей степени обучаем! Он воспринимает всё с тем очаровательным отношением доверия, которое называется «детской верой» и в котором нет и тени сомнения.

Во всех школах, которые призваны дать человеку высшее знание, ученика учат прежде всего забыть всё, чему его учили до сих пор. **Здесь следует культивировать то состояние ума, который верит, что всё возможно.** Всеми фибрами своего существа человек должен сознавать, что сейчас он видит мир через стекло, а значит, — смутно.

ОТ АВТОРА

Начало истории моего отношения к личности и творческому наследию Григория Саввича Сковороды можно отнести к 1973 году, к осени, когда я, студент первого курса философского факультета Киевского университета, приступил, еще сам не ведая того, к профессиональному овладению философской наукой, к многообразным философским штудиям. Именно тогда, той осенью, в продажу и поступил двухтомник его сочинений, приобретённый и мною. Говорить о каком-то особенном моём интересе к работам этого мыслителя в то время не приходится.

Ситуация изменилась к началу 1990-х. И это естественно, поскольку появилась возможность соотнести философские мысли Григория Саввича с общим контекстом философствования XVIII века. В значительной мере интерес к его творческому наследию был связан с моим знакомством с оккультной литературой и с астрологией. Весьма неожиданно для себя, но с огромным восторгом я обнаружил, что Г.С. Сковорода оставил свой след даже в истории европейского оккультизма и алхимии. Я начал внимательнее вчитываться в тексты мыслителя, пытаюсь понять то, на что не обращали внимания мои более авторитетные и известные коллеги. Что-то из осмысленного я имел возможность осветить в своих статьях и тезисах, что-то в своих учебниках философии. Были у меня и определенные, как я сегодня это вижу, прозрения.

С 2002 года я начал организовывать сковородиноведческие конференции. Проведение научно-теоретических конференций вообще существенно изменяет представление об исследуемой теме: приходят и приезжают коллеги, демонстрируют своё видение, некоторые (не часто!) порой приятно удивляют новизной и своим энтузиазмом. Без этого конферен-

ции были бы не интересны. Проведя несколько подобных конференций, несколько раз посетив место последнего пристанища Г.С. Сковороды, я окончательно укрепился в своём решении представить своё личное видение содержания философско-теологического учения Философа.

В декабре 2007 года мы в Сумском государственном университете проводили Международную конференцию, посвященную очередной годовщине со дня рождения Григория Саввича Сковороды. На этот раз с коллегами мы отправились на Полтавщину – в с. Чорнухи, на родину философа.

Среди участников конференции была большая группа коллег-философов из Польши. Прошла оживленная экскурсия по музею Сковороды, потом мы отправились в местную школу, где перед учителями и общественностью выступили со своими сообщениями участники конференции. Когда обмен мнениями закончился и мы собрались уезжать, ко мне подошёл пожилой мужчина, который представился учителем этой школы в отставке. Он поблагодарил нас за интересные выступления, выразил удовольствие от того, что здесь было много польских философов. Спросил меня, в какой мере я знаком с творчеством Г.С. Сковороды. Я уклончиво ответил, что организовал нынешнюю конференцию, его философское учение отражено в моих работах. Судя по всему мои разъяснения вопрошающего в какой-то мере удовлетворили.

– А хотите, я передам вам кое-что интересное? – спросил меня учитель в отставке.

– Смотря что и как это будет, – уклонился я от прямого ответа.

– Видите ли, многое написано о Григории Саввиче, о его учении, о его окружении..., – начал он.

– Да, да, конечно, – прервал я отставного учителя, торопясь скорее закончить разговор.

– Хорошо, я вижу, вы торопитесь. Путь до Сум не ближний. Не буду вам говорить ничего лишнего. Я много лет собирал материалы о Сковороде. Многое раздал, многое отдал в местный музей...

– Да, в экспозиции есть интересные материалы, – поддержал я его.

– Но у меня есть кое-что более существенное, – загадочно улыбнулся отставной учитель.

Из дальнейшего его рассказа я узнал, что в начале 1970-х на родине философа Сковороды побывали многие из тех киевских ученых, кто готовил материалы для празднования 250-летия со дня его рождения. Среди них был и кандидат философских наук И.В. Иваньо. Именно ему учитель-краевед предложил тогда ознакомиться с содержимым бережно хранимых материалов. Бегло просмотрев тексты, Иван Васильевич подытожил: «Много мистики. Трудно укладывается в тесные рамки нашей реальности». А немного помолчав, добавил: «Да и не ко времени». Учитель просил хоть что-то из этих текстов опу-

бликовать в виде дополнительных материалов к собранию сочинений Г.С. Сквороды, но Иваньо был категорически против, хотя не против был забрать тексты в свой личный архив. В итоге учитель ничего ему не отдал.

– Откуда эти тексты? – спросил я.

– История длинная. Судя по всему, написаны тексты в разное время, начиная с последних лет жизни Сквороды. К этим текстам приобщались В.Н. Каразин, Н.Ф. Фёдоров и ещё некоторые известные люди. Насколько мне известно, в конце 1928 года их предлагали харьковскому профессору Д.И. Багалию, объясняя, что обнаружили их в Москве. Время было трудное, профессор не пожелал приобрести их за вполне умеренную цену, идейно не приняв их содержания. К тому же он сказал, что всё важное о Г.С. Сквороде уже написано два года назад. Потом тексты в 1936 году достались моему отцу, учителю математики, от начальника райземотдела, который вскоре сгинул безвозвратно в недрах «спецорганов». Сам же отец мой погиб на фронте, можно сказать, в последние дни войны. Мать бережно хранила папку и передала её мне лишь, когда я стал студентом. Поэтому я начал читать эти материалы уже будучи студентом Полтавского педагогического института. Было это на рубеже 1940-50-х. Сразу, по молодости, величия мыслителя я не воспринял, но уже значительно позже жизнь и дела Григория Саввича, моего земляка, меня задела за живое, заинтересовали. Тогда и я, в свою очередь, начал собирать материалы о нем... Кое-что из бытовых вещей той эпохи удалось собрать в округе, какие-то воспоминания и пересказы о философе... Действительно, я согласен с доцентом Иваньо, раньше при махровом социализме тексты эти были неприемлемы. Но сейчас... – мой собеседник здесь остановился и задумался.

– Что сейчас? – прервал я его молчание, видя нетерпеливые призывы моих коллег, собравшихся у машины.

– Я внимательно слушал ваше выступление, ваши реплики. Думаю, что сейчас вы, да, пожалуй, вы могли бы довести дело до конца. Поэтому я готов передать вам эти оригинальные материалы, не требуя взамен никаких обещаний. Верю, что они вас заинтересуют и вы найдете им достойное применение.

В итоге мне были вручены материалы, завернутые в плотную бумагу тех времен и того образца, в какую в своё время в советских гастрономах заворачивали докторскую колбасу.

На этом и расстались.

Правда, уже вдогонку мне учитель в отставке бросил:

– Благодарение всеблаженному Богу, что трудное сделал ненужным, а нужное нетрудным.

Тогда же по итогам поездки в Чорнухи и странного «гостеприимства» тамошних властей у меня появился повод задуматься и ещё над одним вопросом: «Почему Сковорода никогда после своего ухода из дома не посещал родные места?» Ответ я нашёл очень скоро, был он сформулирован самим Григорием Саввичем, был конкретным и недвусмысленным.

Самое интересное началось потом, после того как я прочитал подаренные мне в Чорнухах материалы. Как оказалось, жизнь подбросила мне удивительные загадки, впрочем, дав определенные ключи и для разгадок. Истории идей самобытного философа XVIII века Г.С. Сковороды и не менее самобытного мыслителя XIX века Н.Ф. Федорова вдруг неожиданно предстали в своей последовательности и целостности, будучи связанными с Харьковским университетом.

Конечно, пытаясь дать картину жизни и учения Г.С. Сковороды и Н.Ф. Федорова, пришлось проби-

ваться сквозь словоблудие и фантазмы многих прежних толкований. Отсюда и трудно рассчитывать на доброжелательное и объективное принятие этой работы со стороны некоторых писателей, заскорузлых в своём «деле». Но иного пути нет.

Многое пришлось уточнять в означенных выше рукописях и очерках, опираясь на известные исторические факты. Ряд моментов, вызывавших у меня внутреннее субъективное неприятие, я оставил без изменений, понимая, что авторы их знали, о чем пишут.

В итоге и получилось, что хотя я и не брал на себя никаких обязательств, книгу подготовил и издаю. Истинно: «Рукописи не горят».

Часть первая

*Когда вас нельзя использовать,
вы становитесь личностью.*

Ошо Раджниш

Варсава

Глава первая. НАЧАЛО

Натус вступил в земной мир ноября 22 дня, года 1722, поздно вечером, около полуночи.

Спустя исчисленный срок, на исходе 1763 года, Григорий Саввич Сковорода, преподаватель Харьковского коллегиума сидел на низенькой скамейке возле жарко натопленной печки в комнате руководителя хора, где хранились музыкальные инструменты, где он часто любил беседовать со своими учениками. И сейчас Сковорода вёл неторопливую беседу с одним из юных любознательных учеников своих, обучавшихся в коллегиуме. Благостное тепло от «грубки» резко контрастировало с холодной дождливой погодой за окном. В этот год зима трудно вступала в свои права: временами резкие порывы ветра вдруг обращали сыплющийся с неба снег в мелкий назойливый дождь. Вслушиваясь в шум ветра и дождя за окном, Григорий Саввич неторопливо отвечал на многочисленные вопросы Прокофия. В какой-то момент Григорий Саввич достал откуда-то из потайного кармана лист плотной бумаги, бережно разгладил его, замолк и задумчиво улыбнулся. Судя по внешнему виду пожелтевшего и сильно потёртого на сгибах листа, он многократно подвергался внимательному изучению и представлял для старчика немалую ценность. В центре листа был изображён большой квадрат, внутри которого находился меньший. Соединялись эти квадраты одинаковой формы треугольниками. Вокруг главного рисунка находились многочисленные заметки, написанные мелким каллиграфическим почерком. Было очевидно, что заметки делались автором в разное время.

Помолчав некоторое время, юноша обратился к учителю:

— Что значит сей гороскоп, Григорий Саввич?

— А значит он то, что одной ночью в начале декабря одна чудесная женщина принесла миру младенца. И ког-

да спустя немного времени, придя в себя, мать посмотрела в окно, она увидела узкий серп уходящей Луны. И почувствовала она, что младенец её не надолго задержится в отчем доме. И ещё, её материнское сердце подсказало ей, что рано уйдёт он по широкой мирской дороге. И как и эта Луна, уходящая в никуда по вечной своей вселенской дороге, никогда не вернётся в отчий дом.

– Почему так, Григорий Саввич? Почему почувствовала и почему не вернётся сей сын в отчий дом? Да и Луна-то ведь движется по пути извечному, по пути известному. Значит, что и ваш путь известный?

Сковорода внимательно взглянул на юношу:

– Родительница рассказывала мне... Помню, мы прощались, я уходил на учёбу в Киевскую Академию... Она вспоминала как в ночь моего рождения тихо падал мелкий снег, как благоденствовала природа, как переживала мать за моё будущее, какие виделись ей образы...

– Ну я думаю, что образы её виделись ясные, правда ведь, Григорий Саввич? А гороскоп, что предвещает сей гороскоп ваш? Можно мне на него взглянуть?

– Всякий гороскоп предвещает многое хозяину его, но дело в том, чтобы суметь понять самому свою долю, своё предназначение, – заметил Сковорода, неторопливо и бережно складывая лист и возвращая его на место.

– Но вы-то, вы, Григорий Саввич, вы поняли его? И почему вы сейчас доставали свой гороскоп, что вы хотели увидеть?

– Любопытен ты, Прокофий! Но это и неплохо. А увидеть я хотел, где и как буду я проживать свой очередной год жизни. Но образ этого года грядущего, – это уже моя судьба и моя тайна.

– Извините, учитель, я понял вас. А вот у меня с генеталиологией никак не получается. Да нам её и преподавали-то кое-как. Вас учили лучше?

Вопрос юноши повернул мысли Сковороды к воспоминаниям о былом, ко времени учёбы в Киеве. Учебное дело в Академии тогда было поставлено образом, который

определил архиепископ Рафаил Заборовский в 1736 году. Он составил тогда особую «инструкцию» для профессоров и студентов, согласно которой в четырех младших классах главное внимание обращалось на изучение языков: латинского, греческого, польского и славянского. Первый класс назывался «аналогия», или «фара». Второй класс назывался «инфима». В этих двух классах обучались чтению и письму на всех вышеупомянутых языках и занимались первоначальным грамматическим разбором. Следующие два класса носили название «грамматики» и «синтаксими» и здесь ученики входили в детальное изучение грамматики и синтаксиса. Кроме языков в этих классах проходили катехизис, арифметику, нотное пение и музыку. Этими четырьмя классами заканчивалась низшая школа, и ученики переходили в среднюю.

Средних классов было два: «пиитика» и «риторика». Курс обоих классов проходил в течение одного года. Из класса риторики ученики переходили в высшее отделение Академии, состоявшее из двух классов – философии и богословия. Курс философии изучался два года, курс богословия четыре года. До перехода в философию учащиеся назывались учениками, по переходе в философию, – получали название студентов. Во главе Академии стоял ректор (он же и настоятель братского Богоявленского монастыря). Ректор преподавал «богословию». Ближайшим помощником ректора был префект, преподававший философию. Каждый из остальных классов имел своего преподавателя, преподававшего в нём все предметы. При переходе из класса в класс учеников экзаменовал преподаватель того класса, в который ученики переходили. За поведением учеников следил суперинтендант. Его помощниками были визитаторы, посещавшие квартиры учеников, живших вне братского монастыря, сениоры, старшие в ученических общежитиях, и цензоры, следившие за поведением учеников в церкви.

В классе ученики занимали места по успехам. Кто учился лучше, сидел впереди. Кто учился хуже, того отсажива-

ли назад. Богатство и знатность не имели в школе значения: все ученики были равны и различались только способностями и прилежанием. Классы были очень многочисленны. Для облегчения труда преподавателя выбирались наиболее прилежные ученики, которым, поручалось наблюдение и надзор за успехами их товарищей и которые обязаны были перед началом урока проверять их познания. Эти старшие ученики назывались аудиторами. Выслушав каждого из порученных им товарищей, они под личной ответственностью отмечали на особом листе его знания и незнание и представляли этот лист учителю. Всякое послабление со стороны аудитора строго наказывалось: виновный лишался аудиторского звания, а иногда подвергался и телесному наказанию. На каждую неделю назначались по порядку четверо дежурных, из которых двое должны были записывать тех, кто плохо стоял в церкви или вел себя неприлично на улице и вообще в чем-либо был неисправным. Другие два должны были пораньше прийти в школу, подмести пол, затопить печку и сидеть у двери, записывая тех, кто поздно приходил в школу.

Особенное внимание в Академии обращалось на изучение латинского языка. Воспитанники всех младших классов обязаны были говорить между собою непременно по-латыни. Нарушители этого правила подвергались штрафу. Для возбуждения большего интереса к занятиям практиковались разного рода соревнования. В младших классах допускалось состязание в домашних письменных работах. Ученик писал на своей тетради имя того товарища, с которым желал вступить в состязание или которого считал несправедливо аттестованным выше себя. Если претендент оказывался правым в своем притязании и одерживал победу, он получал требуемое. Если же терпел поражение, то подвергался наказанию по усмотрению соперника. В высших классах, начиная с философии, экзаменов не было. Вместо экзаменов здесь практиковались диспуты. Диспуты были еженедельные, домашние, без посторонней публики. Сам профессор становился иногда

в положение дефендента, позволяя каждому из студентов возражать против уроков, прочитанных им в течение недели. Иногда же в присутствии или при участии профессора воспитанники вступали в диспут друг с другом по поводу того или другого вопроса, затронутого профессором.

Особенною торжественностью отличались годовичные диспуты. Председательствовал на них сам митрополит и непременно присутствовали на них знатнейшие лица города. Когда митрополит и знатнейшие гости занимали свои места, префект подносил им разрисованные тезисы предстоящего диспута.

Вспомнились Григорию Саввичу некоторые из множества тех тезисов по философии, по логике, по физике и метафизике: «Цель философии – доставление человеку возможного счастья на земле, познание истины и усовершенствование человека в добродетели»; «Предмет логики – существенный: настроить деятельность рассудка; формальный: излагать к тому известные формы»; «Разумная душа творится и входит в человека от самого Бога и по существу своему бессмертна»; «Метафизика есть наука, предметом которой служит естество, чуждое всего материального», «Бог есть существо, существующее само по себе: но бытие Его усматривается из явлений». Особенно по душе были Григорию, а посему наибольший интерес и участие вызывали диспуты по этике. Среди разных тезисов были: «Этика – есть наука, которая имеет предметом своим деятельность воли, направленной к нравственному добру», «Дикие звери не действуют с определенной целью», «Кто выходит на дуэль, тот не доказывает этим никакой доблести», «Нет никакой знакомой причины, по которой бы человек мог лишиться себя жизни».

После некоторой паузы Григорий Саввич внимательно посмотрел на Прокофия:

– Да, нас в Киеве учили лучше, а у нас в коллегиуме ныне звездозаконием особо не восхищаются... А зачем пастырю сия наука? Суета и ненужное беспокойство... А так, глядишь, и до епископа дослужишься.

– Не хочу я быть епископом, а хочу быть мудростию подобным вам, готов много учиться, да вижу, что в Харьковском коллегиуме мечтам моим сбыться не суждено, – с грустью умоzakлючил юноша.

– Вот этого говорить не надо. Если поступки твои будут разумными, если ты будешь настойчив и доброжелателен к другим, если воля к знанию будет превыше всего, быть тебе истинным учителем. Но помни: ибо как лекарства не всегда приятны, так и истина часто бывает суровой. И нет таких, которые бы всегда полезное сочетали с приятным. А следовало бы учиться этому...

– Епископом быть не хочу! – твёрдо возразил юноша. – Но я не останавлиюсь, я буду упорно искать знания.

– Ты обиделся на мои слова. Но не будь категоричен: умный епископ может сделать много полезного и в своём служении Господу, и для развития просвещения и науки. Я бы хотел, чтобы Харьков прославился как город академический... Но кто это сделает, и когда?..

Прокофий замолчал, подошел к окну, глядя во двор. Глядя сквозь реденькие капли воды, которые стекали по стеклу вниз, он молвил:

– Григорий Саввич, я обещаю вам, что буду стараться. Еще я заметил на листке пометки, но увидел я и то, что там несколько раз крупно выделяется цифра три. Она важная?

– Однако наблюдательный ты, хлопче. Все числа одинаковы, хотя, конечно, для разных людей имеют разное значение. Ты обратил внимание на тройку... Да, это важное для меня число. Да и то, подумай, родился я третьего декабря, декабрь – двенадцатый месяц и тоже тройка, а 1722, подсчитай, тоже сводится к тройке. Так что родился я под числом три.

– Я слышал, – это так по Пифагору? Но почему 3 декабря? Ведь родились вы сегодня, в ноябре?

– Я беру по принятому европейскому счислению времени, понимаешь?

– Да, теперь понимаю. Но эта тройка как-то в вашей жизни сказывается?

Григорий Саввич улыбнулся:

– Сказывается, ещё какказывается! Не забывай, что три тройки – это девятка, а девятка – число совершенное.

– А ещё, Григорий Саввич, я хотел бы научиться говорить так ладно, так уместно и так убедительно, как вы.

Сковорода, продолжая улыбаться, ободряюще заметил:

– Многого ты желаешь, но и это возможно. Есть такая наука, риторикой называется. Будешь и её ты изучать. В библиотеке коллегіума есть достаточно трактатов по риторике. Почитай.

– Риторика, – задумчиво произнёс Прокофий. – А что сия наука значит? Можно ли постигнуть её без учителей?

– Без учителей, наверное, непросто, – в свою очередь задумался Григорий Саввич. – Риторика – это особое искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются тех предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого. И риторика, и диалектика не относятся непосредственно к области какой-либо отдельной науки. А по большому счету все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять.

– И что, поддерживать и отрицать, оправдываться и обвинять можно одинаково легко? – с некоторым удивлением переспросил Прокофий.

– Да. Но всё дело в том, что в этих случаях одни поступают случайным образом, другие же действуют согласнo со своими способностями, развитыми привычкой. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему. Ведь мы можем рассмотреть, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководствуются привычкой, так и те, которые действуют случайно. Понятно, что подобное исследование – это дело искусства. А всякому искусству следует настойчиво учиться. Тебе сие понятно?

– Понятно, – поблагодарил Прокофий учителя за доброе слово к нему и отправился на вечернюю молитву.

А Григорий Саввич снова достал свой гороскоп и предался размышлениям. Взгляд его остановился на пятой обители, где его приветствовала Венера, свидетельствуя об уладах, могущих быть полученными от глубокой науки. Гармоничный к Венере Меркурий из обители писательского труда

и недалних путешествий напоминал о том, что пришло время размышлять над тем, что предвещает ему образ «прохожего». Гармоничная карта рождения и радовала и печалила мыслителя. Анализ показывал, что успех неотвратим, но кому в этой стране нужен его интеллект, его талант? В то же время стеллиум Солнца, Юпитера и Сатурна, расположенный в углу, именуемом Mezembria, понуждал к выводам категоричным: надо оставаться на Слобожанщине. Ибо только здесь, только на Слобожанщине будет его успех, здесь судьба его будет реализована наиболее гармонично. Венера благоприятно аспектировала угол Gloria Deus, она же и управляла им, что могло обещать духовную благодать и славу, и покровительство высших сил. А угол, именуемый Arctos, указывал на ту сферу, в которой его могут ждать почести и успех. Меркурий свидетельствовал об успехах в поэзии и деле писательском, но будучи в соединении с Марсом, предвещал воинственность натуса на этом поле и многие трудности в деле восприятия трудов и мыслей его окружающими.

На какое-то время подвижник мысли задумался, и вспомнил Сковорода, что писал год назад своему любезному юному другу Михайлу Ковалинскому: «Stellaque,

quae sanctis dux erat ante magis!». И внутренним взором видел он как волхвы шли принести дары одному из тех, кто рождён был в священном племени, в племени избранных. Ещё раз развернул свою натальную карту Сковорода, явно видя себя среди достойных быть посвящёнными в самые глубокие тайны всех миров.

Знание, мудрость, истина, путь мыслителя... – вот что уже много лет занимало философа. И прекрасное небо, на котором сияет слава Христа, тревожило, вдохновляло, умиротворяло философа. Но что есть знание?

Казалось, ответ лежал на поверхности. Скольких человек, жаждущих знания, повидал он на своём пути. Были среди них и те, кто кичился таковым, профессорствуя или проповедуя с церковных кафедр; были и те, кто вдохновенно переступали порог Киевской Академии, рассчитывая с искренней верою схватить отпущенную им долю; были и те, кто, делая вид, что ищет знания, соискал тёплое место в церкви Христовой; были и те, кто рванувшись было с места в карьер, быстро остывали, впадая в пьянство и блуд; были и те, кто будучи «от истины», стали для Григория учителями и духовными ориентирами.

Почему одно и то же знание даётся многим, но воспринимается ими столь неодинаково, приносит столь отличные результаты? И неужели прав был краковский ректор Пётр Гашовец, который в своём «*Canones tabularum*», оценивая разные способности учеников, однозначно утверждал о материальности знания? – вот над чем думал ранее многожды и задумался философ в этот вечер.

Сковорода вышел на улицу. Мороз явно усиливался. Холодный ветер нёс в лицо его заряды снега; похоже, что зима начала, наконец, брать своё. Поплотнее закутавшись, он прошелся по двору, постоял возле молоденьких елей, которые на глазах всё более превращались в заснеженные пирамиды.

«Помешали ли мне обрести искомое мною знание? – снова задумался Сковорода. – Не всегда помогали, порой

препятствовали. Но я работал, а тому, кто работает помешать нельзя...».

Вспомнились и жаркие споры с Вацлавом Чепичем, старым профессором Карлова университета в Праге, который много сделал для становления его учёным и мыслителем, о чём всегда с благодарностью вспоминал Григорий Саввич. Ему много и часто Сковорода задавал вопросы о сущности знания:

– Есть люди, которые обладают тайным знанием, но не желают, чтобы оно перешло в общий поток жизни ради более успешной борьбы со злом, – заметил Чепич.

– Почему так? – спросил Григорий.

– Если ответить коротко, то здесь могут быть два ответа. Первый ответ можно свести к тому, что это знание во все и не скрыто. Второй ответ более категоричен: по своей природе это знание не может стать общим достоянием. С какого ответа начать? – спросил профессор Григория.

– Со второго!

– Хорошо. Важно понять, что тайное или древнее знание не может принадлежать даже многим, не то что всем. Это – закон, потому что знание, как и всё в этом мире, материально. Поэтому знание характеризуется всеми атрибутами материальности, среди которых и условие предела: в данном месте и при данных условиях количество знания ограничено. И морская вода, и песок пустыни, и волосы на голове человека – всё исчислено. То же и со знанием.

– Каждая эпоха, каждое столетие имеет свой объём знания? – перебил профессора Сковорода.

– Верно, и это мы можем увидеть даже просто наблюдая жизнь. Материя знания имеет разные свойства в зависимости от того, в каких количествах она берётся. Знание, воспринятое одним человеком в данном месте в больших количествах, даёт чудесные результаты. Если же знание в небольших количествах воспринято множеством людей, то оно может не то, что не дать никаких результатов, оно может даже иметь негативные последствия.

– В наше время не так много людей получают знания, обучаясь в университетах и колледжах, – задумался Сковорода. – Но что станет, если университеты и колледжи станут доступными для обучения многим людям?

Нисколько не задумавшись, профессор ответил:

– Это можно спрогнозировать уже сегодня. Если некоторое количество знания распределить среди большой массы людей, каждый получит очень мало, и это небольшое количество знания ничего не переменит ни в жизни каждого из них, ни в их понимании сути вещей. Хуже того, они будут себе искать кумира, авторитет, на которого они могут положиться. Иисус призывал опасаться лжепророков, и они придут, увы, придут.

– И сколько бы людей не получило это небольшое знание, в их жизни ничего не изменится, – повторил Григорий. – А не станет ли жизнь более трудной?

– Станет! Потому что материя знания будет с каждым поколением лишаться какой-то доли духовности, которая как раз и привносит устойчивость и осмысленность человеческому существованию в мире, – поддержал Григория Вацлав Чепич, старый профессор Карлова университета в Праге. – Гораздо выгоднее для человечества, чтобы знание хранилось среди узкого круга людей...

– Справедливо ли, господин профессор, что огромной массе людей может быть отказано в знании, чтобы другие могли получить большую часть его?

– На первый взгляд теория наша кажется несправедливой, незаслуженно лишая многих знания, делая их жизнь более печальной и тяжелой, нежели она могла бы быть.

– Я тоже об этом подумал, – сказал Сковорода.

– Но ты не подумал о том, что судишь о их положении ты, человек далекий от плебса, человек высокообразованный, знающий несколько языков, ищущий истины, сакрального знания, – резко заметил профессор. – А между тем, обстоятельства совсем не таковы. На деле огромное большинство людей не желает никакого знания, на деле эти люди отказываются даже от своей доли знаний. По-

смотри на этих людей во времена массовых безумств, каковы войны, восстания и прочее. В подобных ситуациях люди точно теряют даже те крупницы здравого смысла, которые им свойственны в обыденной жизни, они становятся автоматами, огромными массами отдаваясь полному уничтожению, теряя даже животный инстинкт самосохранения.

— Если знание материально, куда же оно девается в эти драматические и убийственные для многих времена? — почти механически спросил Григорий.

— Оно может быть распределено среди тех, кто понимает его ценность. В этом нет ничего несправедливого, получающие знание не присваивают чужого, они берут лишь то, что отвергнуто другими. Иногда возникает необходимость собирать знание. Показательно и то, что работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций.

— Данный аспект вопроса теперь мне ясен, — сказал Скворода. — Ясно мне, что толпа не желает знания и не стремится к нему, а поводыри её в собственных интересах ищут средства усилить страх толпы перед всем новым и неизвестным, воспитывая нелюбовь к новому...

Профессор Чепич с одобрением выслушал Григория и ободряюще смотрел на него. Григорий почувствовал, что можно задавать вопросы и дальше. И он спросил профессора:

— Возможно ли с достаточной долей определённости предвидеть катастрофы, удачи и трагедии в жизни отдельных людей и народов?

— Возможно, и даже очень точно. Для этого есть наука, генетлиалогия называется. Ты учился в Киевской Академии, там этому учат?

— Да, я учился науке о звёздах, — подтвердил Григорий. — И свой гороскоп я сделал.

— Покажи, — потребовал профессор.

— Но гороскоп, это... — замаялся Григорий.

— Твой гороскоп написан у тебя на лбу, — улыбнулся Вацлав Чепич. — Я вижу великолепный гармоничный тре-

угольник. А Вита у тебя в знаке служения, правда?! И писателем будешь знатным. Впрочем, жизнь тебе уготована сложная... Продолжать?

Григорий молча достал из кармана свой рисунок натальной карты и подал его профессору. Внимательно взглянув на карту, профессор вернул её обратно владельцу:

– Придётся поправлять. Но ничего, приходи ко мне, буду учить тебя. Станешь знатным мантисом!.. Приобретение или передача истинного знания требует огромного труда и больших усилий как со стороны того, кто получает, так и со стороны того, кто отдаёт. Обладающие истинным знанием, делают всё, чтобы передать это знание возможно большему числу людей, чтобы подготовить их к восприятию истины. Но помни, Григорий, никому нельзя передать знание силой. Желаящий получить знание, должен сам предпринять первые усилия.

– Я приду, я хочу пророчествовать по звёздам!

Профессор одобрительно кивнул головой и помолчав добавил:

– Да, нужно учиться у того, кто знает...

И другой разговор вспомнился Сковороде, когда Чепич дал ему почитать книгу «Человек-машина». При этом профессор заметил, что добыл эту книгу, отпечатанную в Лейдене, с невероятным трудом, поскольку она запрещена и церковью, и светскими властями.

– Ты только подумай, Григорий, вот до чего доходят нынешние философы-натуралисты! Правда, порой они высказывают хотя и страшную, убийственную, но ведь и в значительной мере правильную мысль: человек – это машина. Мне известно, что книгу эту написал врач – Жюльен де Ламетри. Почитай, скажешь своё мнение. Это как раз имеет отношение к той теме, что мы обсуждали, о распределении и добывании знания.

Сковорода внимательно читал книгу, остро осознавая, что представления автора о мире, о познании, о человеке и Боге глубоко и принципиально отличны от его собственных. Ламетри достаточно аргументировано привлекал в

качестве авторитетов не только известных учёных-натуралистов, но и Декарта, который первый блестяще доказал, что животные являются простыми машинами.

Особенно неприемлема была для Сковороды убежденность де Ламетри в том, что человеческое тело – это особый часовой механизм, построенный с таким большим искусством и изощренностью, что он способен жить и двигаться даже в случае повреждения или засорения некоторых деталей его. Рычаг всех движений человека автор усматривал в сердце, которое является рабочей частью человеческой машины. Решение же вопроса о душе и беспокойство, вызываемое этой химерой, полагал Ламетри, должно предоставить невеждам. С изрядной долей фатализма автор книги призывал покориться неизбежному неведению относительно нашей судьбы и нашего происхождения.

Спустя несколько дней Григорий обсуждал с профессором Вацлавом Чепичем философскую подоплеку «Человека-машины»:

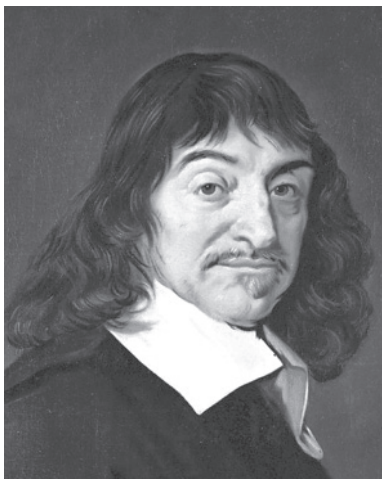
– Автор считает, – начал Григорий, – что вполне естественно быть машиной, но при этом чувствовать, мыслить, уметь отличить добро от зла так же, как голубое от жёлтого, словом, родиться с разумом и устойчивым моральным инстинктом.

– Да, автор этот, безусловно, дерзостью своей отличается. Но он прав в той мере, в которой человек предстаёт перед нами как сложная машина, подобно мушкету либо ветряной мельнице.

– Так он, по вашему мнению, правильно мыслит? – удивился Сковорода.

– По моему мнению, он мыслит ограниченно, – заметил Чепич, – но с точки зрения его атеистической и натуралистической логики, он прав. Правда, он, как и многое другое, поверхностно понял и того, на кого ссылается как на авторитет...

– Вы имеете в виду Картезиуса, – не совсем уверенно заметил Сковорода.

Рене Декарт

– Да, я веду речь о Декарте. Оказионализм этого философа как раз и предполагает ответ на вопрос, почему многие, – здесь Чепич несколько задумался и уточнил, – почему в подавляющем большинстве своём люди не наделены интеллектом, действуют как машины, выполняющие весьма ограниченный набор движений, проживая жизнь подобно сложным автоматам.

Перебрав несколько книг в шкафу, профессор раскрыл одну из них, начал сосредоточенно её листать, явно желая найти какое-то важное для себя место. Наконец, удовлетворённо хмыкнув, начал читать, лукаво поглядывая на Сковороду:

– Послушай Декарта: «Я постараюсь объяснить машину нашего тела так, чтобы у нас было так же мало оснований относить к душе движения, не связанные с волей, как мало у нас оснований считать, что у часов есть душа, заставляющая их показывать время».

– Тогда выходит, что и вы видите в человеке прежде всего мыслящую машину, – засомневался Сковорода.

– Нет, нет, – оживился Чепич. – Здесь надо выбирать чётко: или человек – существо мыслящее, или человек – это машина! Само понятие «мыслящая машина» абсурдно! Все люди, которых ты видишь, все люди, которых ты сможешь узнать впоследствии, – всё это машины, которые работают под влиянием внешних воздействий. Они рождены машинами и умрут машинами.

– Может ли человек перестать быть машиной? – воодушевился Сковорода.

– Это правильный вопрос, – улыбнулся Вацлав Чепич, старый профессор Карлова университета в Праге. – Мож-

но перестать быть машиной, но тогда надо знать машину. Настоящая машина не может знать себя. А машина, которая знает себя, – это уже не машина, так как она начинает проявлять **ответственность за свои действия**.

– Что же, человек не ответственен за свои действия? – поспешил задать вопрос Григорий.

– **Человек**, – резко подчеркнул это слово Чепич, – ответственен. Но вполне ли отвечает за свои слова Ламетри? Подумал ли он о том, сколько смуты, неуверенности и отчаяния он вносит своей работой во многие ищущие души?

– И что же тогда?

– А тогда... А тогда, – он сам просто машина.

Пронесшиеся в голове воспоминания ободрили, вдохновили, настроили Григория Саввича на радостный лад. Он в очередной раз вышел во двор вдохнуть свежего воздуха. Мороз явно усилился, небо прояснилось, ветер утих, и только реденькие пушистые снежинки падали с неба.

Юпитер ярко блистал посередине неба среди созвездия Тельца, точно о чём-то переговариваясь с переливающимся красно-синими цветами Альдебараном. Мерцающие сонмища звёзд веселили сердце мыслителя, внося покой в его душу.

Спустя непродолжительное время Григорий Саввич вернулся в помещение. Подбросил дров в грубку, прилёг на кровать, но сон всё не приходил к нему, в голове по-прежнему роились мысли и смутные образы – то ли из прожитого, то ли из прочитанного. Подумал о своём юном друге, с которым встречался утром. Подумал, что уместно было бы именно с ним и именно в эту ночь поделиться сокровенным. Философ встал с постели. Зажёг свечу. Достал лист бумаги и начал выкладывать свои мысли чёткой вязью латинских и греческих слов:

«Мир дому наидражайшего Михаила!

Когда-то в эту ночь родила меня мать на свет.

В эту ночь появились первые признаки моей жизни.

В другую ночь, Христе, боже мой,

Во мне родился твой, святой дух,
Ибо напрасно родила бы меня мать,
Если бы ты не родил меня, о свет мой, жизнь моя!

Вернувшись в свой музей и вспомнив о дне своего рождения, о котором напоминал мне один друг и собственная память, я начал думать о том, как наполнена несчастиями жизнь смертных. Мне показалась совсем не бессмысленной тьма-то догадка, будто только что рожденное дитя сразу же начинает плакать потому, что уже тогда оно точно предчувствует, на какие беды придётся ему впереди наражаться.

Размышляя об этом наедине, я решил, что неприлично мудрецу ту ночь, когда он, родившись, начал плакать, отпечать бокалами или какой-то иной бессмыслицей; напротив, я и теперь едва не заплакал, думая о том, какое это несчастное творение человек, которому в этом киттерийском сумраке мирской глупости не блеснула искра света Христового.

[...]

Будь здоров, наидражайший из всех!

Твой соотавариц по учёбе Глед. S.

November 22, 1763, поэтии».

Глава вторая. ВЕНА. БУДДИСТ

В самом начале знойного лета 1769 года, прекратив свою учительскую миссию, ушел Григорий Саввич в глубокое уединение. Недалеко от Харькова, в месте, называемом Гужвинское, расположился он, желая приступить, наконец, к главному делу своей жизни. Названное место находилось в поместье Земборских, которые были настроены в отношении учителя весьма доброжелательно.

На сочувственные слова самого В.М. Земборского, огорченного тем, что Григорий Саввич окончательно решил отказаться от преподавания, что решил отойти в уединение, Сковорода заметил:

– Василий Михайлович, друге мой, не переживай так и не огорчайся. Пойми, самые темные внутренности есть то бездна дум наших, вод всех она шире и небес. Хоть и мал внутренний мир наш, невидим и неприступен, а однако же управляет он нами и движет нашу плоть. И подчиниться порывам его должно.

– Так-то оно, так, Григорий Саввич, но ведь многие добрые дела свершил бы ты еще на ниве преподавания.

– Возраст мой – это время подведения итогов, вкушения плодов от работы своей прежней. Вот ныне я и стану подводить итоги, одену мысли своя в крыла веры и любви божией. И спасибо тебе за приют. А пребывать я пока буду на пасеке, хатка там вельми пригожая...

Так началась работа над первым философским трактатом «Наркисс». Подзаголовок же работе дал Григорий Саввич: «Разглагол о том: узнай себе».

Писалось ему легко. Мысли споро ложились на листы бумаги. Спокойное состояние души не нарушали ни страсти, ни суета, ни пустые разговоры о сиюминутном, о проходящем. При всяком удобном случае Василий Михайлович Земборский старался скрасить его одиночество. Однако скоро он выучился чувствовать насколько уместно его присутствие, приятна ли нынче его компания уединившемуся.

Однажды, посетив Григория Саввича теплым июльским днем, он приятно был обрадован тем, что перебрав исписанные листки, философ подал ему несколько, испросив его мнение о написанном. Пока Земборский старательно вчитывался в текст, наслаждаясь красивым крупным разборчивым почерком, отшельник прогуливался под сенью больших деревьев.

– Прочитал я, Григорий Саввич, но думаю, что надобно мне объяснить многое. Трудна для меня сия грамота.

– А что более всего трудно? – спросил Сковорода.

– Так дал же ты мне отрывок про истинного человека, про воскресение. Вот ты пишешь: «Довольно надивиться не могу, если всяк человек, так рождается, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свыше рожден». Думается мне, что прожив жизнь, войдя в возраст, способен думающий человек поразмыслить по крайней мере, что есть юность, да и сравнить ее со своим нынешним положением. Но как это можно родиться человеку другой раз?

– Вот, вот, Василий Михайлович, в другой раз, истинно говорю, родиться человеку не дано иначе как свыше.

– Ну так ведь мы и рождаемся по воле божией, по воле высшей, – заметил Земборский. – А другой раз родиться нам не дано!

– По воле высшей и свыше, – не одно это. Да, однозначно не дано, но если человек понял, что он несовершенен, если он осмыслил, что смерть и брение не одно и то же, тогда он жаждет воскресения!

– Однако, Григорий Саввич, чтобы воскреснуть, надо вначале умереть?! Не правда ли?

– Верно, глаголешь, хотя понимаешь, что телесно умерши, трудно рассчитывать на телесное же воскрешение, – улыбнулся Сковорода.

– Тогда, что же следует понимать под воскресением? – в недоумении переспросил Земборский.

– А понимать сие следует так: воскресение – это падшего пробудить и поставить на ноги. И Иисус, и Павел

многожды говорят: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых...»

– Значит, Григорий Саввич, выходит так, что вначале надо пробудиться; но ведь мы-то и спим не во все время. Взгляни, дел сколько людьми делается!

– Прекрасно, друге, Василий Михайлович! Вот и выстроилось у нас нечто разумное: вначале восстать от сна, пробудиться, потом умереть, потом родиться... Понимаешь меня?

– Не понимаю.

– В Евангелиях, если читать их с размыслом, много раз найдешь, как там говорится о необходимости пробуждения: «... **бодрствуйте и молитесь...**», «... **говорю всем: бодрствуйте**». Часто найдешь и о потребности родиться. Говорит Учитель, свет наш божий, и о возможности умереть. Сложи все сказанное воедино, поразмысли.

– Трудную задачу задал ты, Григорий Саввич. Одно дело читать, другое дело понимать.

Внимательно посмотрев на собеседника, Григорий Саввич начал разъяснять ему свою идею. «Умереть» – это означает освободиться от множества ограничений и привязанностей, которые удерживают человека в его обычном положении. Ведь в своей обыденной жизни человек привязан ко множеству глупостей, к вещам, часто отождествляет себя с вещами и эмоциями, со страданиями. Человек должен освободиться от этих привязанностей, от множества бессмысленных обязательств, которые он дает себе самому и другим. Как заставить умереть в себе **то, что берёт** на себя все эти обязательства?

Здесь Земборский прервал философа:

– Постой, вот как прикажешь понимать **то, что берёт**? Это душа человека?

– Нет, – это не душа! В человеке есть много маленьких человечков, каждый из которых в то или иное время, в той или иной ситуации чувствует себя хозяином всецелого человека, берет на себя обязательства от имени всего человека. А потом человек спрашивает себя: «Как я мог

наобещать? Как я мог согласиться? Как я мог себе позволить такое?» Бывает с тобой, друг мой, такое?

– Я вполне понимаю тебя, Григорий Саввич, бывает и со мной такое, – согласно закивал головой Земборский.

– Поэтому у человека путь один – пробудиться, понять свою полную беспомощность, свое бессилие перед этими человечками, подчинить их себе всецелому.

– Как это можно сделать, Григорий Саввич? – в недоумении переспросил Земборский.

– А здесь не требуется особой философии. Надо понять свою жизнь на простых примерах и фактах из собственной жизни. Подобно Наркиссу надо посмотреть на себя со стороны, взглядеться в себя, узнать себя, а тогда человек увидит в себе много такого, от чего он придет в ужас. Вот тогда он и начнет пробуждаться.

– А потом необходимо умереть?

– Ну, до этого еще очень далеко. Когда человек решит отбросить от себя всё, что его ужаснуло, он увидит, что сделать того не может. Так он увидит и свое бессилие, и отсутствие в себе своего собственного, и то, что он всё «свое» достиг благодаря подражанию другим и заимствованию от других.

– Может так стать, что человек смирится с тем, что узнал, станет каяться и будет жить как прежде... – задумался Земборский.

– Да, бывают моменты прозрения у многих людей. Здесь уместно вспомнить притчу Христа о сеятеле. Но кто-то, действительно, начинает каяться, а потом кается по привычке, забыв почему начал; другой забывает сразу же... Но мы не о тех говорим. Говорим мы о тех, кто начал постоянно осознавать свою беспомощность. Тогда такой человек обретает смелость «умереть». Начинает это на самом деле, что человек решился отказаться навсегда и всерьез от такого в себе, что мешает собственному росту.

– Что это может быть, Григорий Саввич? – взволновался Земборский.

Сковорода задумался, внимательно рассматривая своего визави. Легкий ветер шумел в кронах деревьев, монотонно жужжали пчелы, откуда-то доносилось спокойное воркотание диких голубей. Наконец, он заговорил:

– Вот эти все маленькие человечки в нас, все эти ложные наши мысли о себе, всё это мешает жить нам. Мы мыслим свою особенность, верим в свою силу сознания сущего, думаем, что можем делать, что мы решаем что-то... Но какая нам польза в том, что имеем плоть и кровь, зная, что им должно опуститься во истление? И не есть ли мы разве всего-навсего мечта, сон, смерть и суета? Неужто суждено нам погибать без конца? – вот о чем думать должен разумный человек.

Земборский почувствовал настроение Сковороды и ничего более не спрашивал. Тот же, перебирая отобранные от гостя листы «Наркисса», прочитал:

«О премногобѣдственное ж наше состояніе, если все-на-все одно только есть тлѣнное без вѣчности, если, кроме явнаго, ничего не имѣется в нем тайнаго, в чем бы существо наше, как на твердом основаніи, задержалось, если всяческая суть суета и всяк человѣкъ живущій».

– Но до этого, Григорий Саввич, ты говорил о том, как можно умереть? – недоумевал Земборский.

– Я и сейчас об этом говорю. Медленно пробуждаясь, делая постоянные усилия, человек может принять решение умереть раз и навсегда, – подчеркнул Сковорода. – Но прежде надо понять, что сон, в котором протекает наше бытие, – особенный сон. Мы живем точно замороженные...

Внезапно Сковорода прервал свою речь. Он вслушался в свои собственные слова: «Сон, замороженные...» Сознание его вдруг прорезало воспоминание: Вена, 1748 год, известный в городе постоялый двор, ранняя весна, вечер, шумные немецкие и мадьярские компании за столами... И один незнакомец, который этим вечером также зашел на постоялый двор. Это был немолодой человек. Он сразу же обратил внимание на себя своим азиатским обликом, явно неевропейском покрое одежды, походкой и тем как

он держал себя. Нашёл свободное место на широкой скамье, положил циновку и поджав под себя ноги уселся за стол. В это время Григорий Саввич сидел в дальнем углу за столом и при колеблющемся свете массивных свечей что-то читал из Цицерона. Как и остальные завсегдатаи заведения он обратил внимание на вошедшего; но это отвлекло его лишь на минуту и он снова углубился в чтение...

Земборский по изменившемуся поведению философа почувствовал, что надо уходить:

– Я, наверное, пойду теперь, отдыхай, Григорий Саввич?

– Да, Василий Михайлович, иди. Что-то я притомился...

Земборский ушел, а Сковорода вновь вернулся к прерванной нити своих воспоминаний.

... Зачитавшись, задумавшись Григорий не заметил как постепенно кутилы разошлись на отдых. Подняв голову, он обнаружил, что в помещении остались всего несколько человек, да он с новым гостем, который закрыв глаза и беззвучно шевеля губами перебирал нанизанные на шнур деревянные бусы. Хозяин дремал за своим столом у буфета.

Спать Григорию не хотелось, и он начал внимательно рассматривать гостя. Тот открыл глаза, улыбнулся ему и положил бусы в свою походную сумку, всем своим поведением демонстрируя готовность познакомиться.

Сковорода приветливо кивнул «монголу», как он для себя назвал незнакомца. Тот подошел, подал руку, они обменялись приветствиями, познакомились. Григорий, желая поддержать разговор, заметил:

– Вот читаю Цицерона «О старости».

– Знаю я этот трактат, – заметил Хофуку. – Люди тяжело принимают мысли о старости, они нуждаются в ободрении, потому что никогда всерьез не думали о жизни.

Начался общий разговор о том, где бывали, что видели. В известной мере, упреждая вопрос Григория, как он оказался в центре Европы, Хофуку, не особенно вдаваясь в подробности, рассказал о своем странствии на голландском паруснике из Индии в Испанию, откуда он перебрал-

ся в Италию. Слушал лекции по астрономии, теологии, философии и медицине у самых авторитетных профессоров в Болонье и Падуе; позже перебрался в Париж, где несколько лет изучал различные науки в тамошнем университете. Впрочем, восторга от европейской науки не испытал, ибо многое, почерпнутое в монастырских школах у себя на родине, Хофуку ценил выше:

– Более всего для меня неприемлемо то толкование личности и учения Иисуса Христа, которое распространено в европейской культуре. Вот ты сейчас перечитываешь книгу о старости, о состоянии человеческого бытия, которого боятся как конца жизни. В этом смысле совершенно абсурдно распространенное толкование христианского учения о вечной жизни и о воскресении. Ошибка вашего восприятия времени состоит в том, что вы произвольно выпрямляете сразу несколько кривых линий: жизнь человека, жизнь человеческих сообществ, жизнь человечества как целого, жизнь Земли, жизнь Солнца. Европейская наука и культура вообще считают эти линии параллельными, более того – соизмеримыми, оценивая различного рода и значимости события в одних и тех же единицах времени.

– Я согласен с тобой, что время и вечность различны по сути, – заметил Григорий. – Но сотворенное Господом время протекает одинаково для всех творений Его, к числу коих в равной мере можно отнести и человека, и Солнце.

– Законы времени и вечности – это такие законы, которые не связаны с логикой. Для их изучения мало четырех действий арифметики, надо уметь постигать их иррационально, не апеллируя к «фактам»...

– Подожди, – перебил Григорий рассуждения Хофуку, – скажи мне, как ты понимаешь жизнь вечную, бессмертие, ибо ты ведешь, чувствую я, к этому?

– У нас принято говорить о том, что цель эволюции человеческой души – достижение состояния Брахмы, которое есть **Вечное Теперь**. С этой точки зрения душа человека, то есть внутреннее существо человека, внутреннее существование, временным вместилищем которого явля-

ется тело, представляет собой искру Брахмы, семя Брахмы, которое, раскрываясь и развиваясь, может достичь состояния Брахмы точно так же, как жёлудь, прорастая и вырастая, становится дубом, принося, в свою очередь, подобные жёлуди.

Здесь Хофуку замолк, давая возможность Григорию высказаться. На какое-то время оба замолчали. В зале практически никого уже не оставалось, кроме них. Хозяин прошелся по залу, затушил свечи, оставив две, которые тусклым своим колеблющимся светом оживляли помещение, бросая по стенам и углам причудливые тени. Наконец, Скворода прервал затянувшееся молчание:

– Думаю, что в последнем твоём рассуждении скрывается нечто нелогичное, даже, скорее, ошибка. Ибо если окончательное прибежище души есть Вечное Теперь, то почему ты говоришь фактически о некоем ряде, наподобие ряда прорастающих жёлудей?

Хофуку улыбнулся:

– Чудесно! Ты, я вижу, внимательно следишь за моей мыслью! Мало кто способен на такое...

– Не надо обо мне, – остановил его похвалы Григорий, – ты ответь по сути, ответь на моё возражение, так как аналогия с дубом, – можешь еще показать её и на бабочках и иных живых существах, – не содержит того состояния, которое ты подразумеваешь под «вечным теперь».

– Согласен, хотя ты, действительно, способен замечать противоречия и логические ошибки, – миролюбиво заметил Хофуку.

Они вышли на улицу, постояли под сенью раскидистой липы, потом присели на стоявшую у колодца скамью и Хофуку продолжил:

– В этой ситуации уместно сравнение Брахмы с рекой. Брахма триедин, а посему он является и её истоком, и самой рекой, а также и морем, куда впадает река. Капля воды в реке, которая возникла из источника, из Брахмы, хочет вернуться к Брахме. Брахма есть всё: он и река, и море, и исток. Однако вернуться к Брахме означает вер-

нуться к истоку; ибо в противном случае, если капля удовлетворится одним философствованием и созерцанием собственных возможностей, она может сказать себе, что уже пребывает в Брахме, ибо Брахма есть всё: поскольку Брахма представляет собой реку, – она уже есть Брахма; коль скоро она движется вместе с рекой в море, которое тоже есть Брахма, она приближается к состоянию Брахмы. Но суть дела в том, что в этом случае капля всё более удаляется от истока; а Брахма – это исток!

Сказав это, Хофуку опять прервал свою речь, задумчиво всматриваясь в нависшие над ними тёмные предгрозовые тучи. Начал накрапывать дождь и они поторопились вернуться в обеденную залу постоянного двора. Усаживаясь за стол, Сковорода заметил:

– Что же получается? Чтобы достичь единения с Брахмой, капля-душа должна вернуться к истоку?

– Да, должна вернуться к истоку, – поддержал его Хофуку. – Но как капле вернуться к истоку реки? Очевидно, только двигаясь против течения реки, против потока времени, ибо возвращение к источнику должно быть движением вспять, движением в прошлое, а не в будущее. Так возможно второе рождение, рождение свыше...

– Если я верно тебя понимаю, второе рождение – это возвращение из путешествия в будущее? – спросил Сковорода.

– В некотором роде так, – поддержал Хофуку. – Однако следует здесь различать будущее, настоящее и прошлое с точки зрения разных людей и разных времён.

– Конечно, конечно, – поддержал его Сковорода, – когда мы говорим о будущем, то это может быть лишь наше настоящее, но это – будущее для тех, кто более не жив уже. Поэтому капля-душа должна каким-то образом прилипнуть к прошлому, к тому времени, из которого она вышла ранее. И в таком случае, прилепившись, она будет знать то будущее, которого не могут знать те, кто только ещё пребывает в том настоящем, которое для вернувшейся души-капли есть уже не что иное как прошлое.

– Грегор, как хорошо ты понимаешь меня! – воскликнул Хофуку. – У меня складывается ощущение, что мы с тобой учились в одних монастырях, слушали одних и тех же гуру, выполняли одни и те же асаны, годами постились и медитировали рядом...

Но Скворода уже не слушал тех славословий, которые раздавались в его адрес. Он торопливо достал из своих сакв книгу, которую он любил более всех на свете, книгу, с которой он не расставался уже несколько лет. Он развернул Библию и сразу же нашёл то, что хотел:

– Послушай Хофуку, – начал он. – Ты вспоминаешь своих гуру, но послушай и других: «И сказалъ Господь Моисею и Аарону на горѣ Орѣ, у предѣловъ земли Едемской, говоря: пусть приложится Ааронъ къ народу своему» (Чис. XX, 24).

– И вот ещё, – пролистав Библию, добавил Скворода: «Приблизилось время умереть Давиду, и завѣщал онъ сыну своему Соломону, говоря: вотъ я отхожу въ путь всей земли, ты же будь твердъ и будь мужественъ» (III Цар. II, 1-2).

Буддист внимательно слушал Сквороду, делая вид, что вполне разделяет его восторг. Однако уточнил:

– Что ты хочешь сказать, Грегор?

– Хочу сказать тебе, спасибо, ибо ты помог понять мне те места из Книги, над которыми я многожды останавливался и задумывался. Есть в Библии и другие схожие места...

– Да, ты нашёл правильные места, ибо как раз в этом и состоит путь перевоплощений в прошлое. «Путь всей земли» – это её прошлое; означает это то, что Давид вступает во время, что он идет в прошлое. Ты понимаешь это?

– Да, теперь это я понимаю. Подобно этому и то, что говорил Господь Моисею и Аарону.

– Отчасти подобно, – возразил Хофуку, – потому что отойти в путь всей земли – это означает ещё и освободиться от бедствий настоящего времени. Думаю, что ты понимаешь, Грегор, что отмеченные тобою места касаются людей не ординарных, но патриархов, пророков и вождей народа?

– Конечно, «перевоплощение в прошлое» требует чтобы человек пошел вспять основного течения жизни. Думаю, что это как-то связано со стремлением преодолеть зло, хотя не вполне пока это понимаю... – задумался Сковорода.

– Если причина зла находится в прошлом, бесполезно искать её в настоящем, – заметил Хофуку. – Человек должен идти назад, отыскивать причины зла и уничтожать их. Но кто и как способен сделать это? Видя частичную возможность ослабить плоды зла, Иисус и требует осмысленного раскаяния, а посему выше ценит раскаявшихся грешников, нежели фарисеев и книжников.

Восприятие и интерпретации сложной темы на какое-то время заставили собеседников замолчать, каждый задумался о своём. Наконец, Хофуку заметил, что пора отдыхать. Видя, что он намерен расположиться спать на скамье, Григорий пригласил его к себе, в небольшую каморку, где они остановились с одним из работников посольства генерала Вишневого. Хофуку поблагодарил Сковороду за приглашение, но был категоричен в своём решении спать на голой скамье. Поднимаясь по лестнице, Григорий вслух, скорее для себя, обобщил суть состоявшегося разговора:

– Я понял, что есть «жизнь после жизни» и понял, что «есть жизнь после жизни»! И ещё я понял, что задача мудреца вовсе не в том, что надлежит менять жизнь, но созерцать, понимая, что нельзя изменить то, что должно свершиться! **Поэтому и воскреснуть можно лишь для жизни прошлой.**

Хофуку, в свою очередь, улыбнувшись, поддержал его:

– Конечно, человек с сильной волей и в соответствующих условиях может изменить жизнь даже целых народов. Но обычно это долго не продолжается. А посему, истинному философу не следует уходить в суету сиюминутных событий, не следует привязываться к жизни!

Глава третья. «НАРКИСС». В. М. ЗЕМБОРСКИЙ

На следующий день, проснувшись, Григорий Саввич точно воочию увидел перед собой улыбающегося Хофуку. И слова его:

– Не следует уходить в суету сиюминутных событий, не следует привязываться к жизни!

И вспомнилось Сквороде то, чего память вчера не вернула. Точно что-то озарило его и вспомнился вопрос свой, вспомнились слова свои, тогда, много лет назад, сказанные с сомнением на лестнице:

– Быть прохожим?!

Но Хофуку ничего ему тогда не ответил. А вопрос быстро почему-то забылся...

Пройдя по росистой траве к речушке, умывшись, послушав пение птиц, полюбовавшись на игру света в кронах деревьев, Скворода вернулся к домику и приступил к скромной трапезе.

Несколько времени спустя, находясь под влиянием вчерашних воспоминаний, начал перебирать пока немногочисленные исписанные листы своего «Наркисса». Общая картина работы виделась Сквороде, но отдельные части писалось легче, иные труднее. Легко получились два первых «Разговора о том: знай себе». Доволен был «Разговором о истинном человеке или о воскресении», хотя после вчерашнего, неоконченного разговора с Земборским видел необходимость в поправках и дополнениях.

Он положил пред собой «Пролог». Просмотрел первый, второй, третий лист, остановился на четвёртом, едва начатом. Задумался над записанной им несколько дней тому фразой: «Он преобразуется во владыку всѣх тварей, в солнце». «Источник», «свет», «верующий», «человек», «солнце» – все эти понятия пытался он теперь выстроить в строгую логическую последовательность. Раскрыл Новый Завет, ища у Матфея. Нашёл: «Вы свѣтъ міра. Не можете укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажег-

ши свѣчу не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всемъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дела и прославили Отца вашего небеснаго» (Матф. V, 14-16).

Длительные размышления над священными текстами давно уже помогали Сковороде находить ответы на животрепещущие вопросы. Вот и в этот раз он вполне понимал Учителя, желавшего поведать, что слова «Вы свѣтъ міра» поучают **избранных** широко распространять воспринятый ими свет. Иисус предостерегал их не прятать свет Истины под покровом условностей, а жить и действовать так, чтобы мір, чтобы люди замечали свет внутри их – Свет Духа – и при его лучах нашли бы верный путь. Человек, в котором духовный свет горит, может возбудить свет разума в других. Свет из познаний возгорается от лучей Духа, исходящего из какой-нибудь души или посредством слова, или Писаний, или личного общения. Духовность заразителна! Распространяйте духовность, – вот что хочет сказать Учитель.

Григорий Саввич продолжал размышлять над развитием темы, а рука сама выводила одно за другим на листе бумаги соответственные слова, соединяя их в предложения, соединяя предложения, пронизанные светом постигающего знания. Завершая абзац, он написал подобно как у Матфея: «Вы свѣтъ міра». Но остановил перо, задумался, зачеркнул последние слова, и чувствуя в себе какой-то пока неизвестный, но в последнее время всё чаще проявляющийся голос, дал свободу руке, которая вывела на листе: «Вы есте свѣтъ мыру, сіестъ солнце». Прочитав, Григорий Саввич удовлетворённо улыбнулся и начал с новой строки: «О лицомъры!». Несколько погодя он встал из-за стола и вышел в сад к пчёлам, которые тихо жужжа, неустанно продолжали делать каждая своё небольшое, но важное для мира дело.

Присев на достаточно согнившийся уже пенёк, Григорий Саввич вновь предался воспоминаниям. Почему-то нынче его снова не отпускал тот удивительный человек из дале-

кого времени его европейского житья-бытья. Вспомнилась толстая рукопись, с которой не расставался Хофуку: «Основы Миросозерцания Индийских Йогов». Книгу эту он часто ему цитировал, настаивая на том, что существует лишь одна истинная Оккультная Философия. Именно от него первого и услышал Сковорода последовательное изложение оккультной философии, никогда окончательно не исчезавшей в европейской культуре, хотя и сильно потеснённой развивающимися светскими науками. Хофуку утверждал, что как раз эта философия проявляется повсюду: стоит постигнуть Истину, и тогда она послужит ключом к раскрытию различных дверей, ведущих к тайной фазе одной и всех религий и философий. Много веков тому назад отцы-йоги разрешили загадку Вселенной, и с тех пор наивысшие устремления человеческого разума лишь подтверждали, доказывали и поясняли основную Истину, высказанную этими достопочтенными мудрецами.

Вновь и вновь возвращаясь к тому дивному и плодотворному периоду своей жизни, философ доставал из своей памяти слово за словом. Перевернул лист, на котором сейчас писал, и почувствовал, что и фразу: «Он преобразуется во владыку всѣх тварей, в солнце» тоже написал практически механически. Почему?

И как это несколько раз случилось в последние дни, пред ним точно воочию предстал улыбающийся Хофуку, который говорил:

– Всё дело в том, как мы развиваем наши тела. Плотское наше тело подчинено огромной массе физических законов, оно состоит из земных материалов и после смерти прах наш возвращается в прах земной. Природное наше тело – это второе тело, оно более долговечно при определённых условиях. Иначе это тело можно назвать эмоциональным или звёздным. Его можно и должно развивать. Будучи развитым, оно выводит человека из-под власти земных законов. Впрочем, человек и без природного тела может производить впечатление духовной особы, обманывая и самого себя, и окружающих.

– Каждому человеку под силу развить природное тело? – спрашивал Сковорода.

– Нет. Есть люди с физическими и психическими изъянами, – им это недоступно. Но и из числа способных к этому лишь единицы реализуют свои потенции. Но неизмеримо более трудно развить в себе тело третье – духовное или ментальное. Если это удаётся человеку, он добивается того, что все его мыслительные функции повинуются сознанию и воле. И тогда этот человек обретает такое тело, которое состоит из материи Солнца, что позволяет ему существовать уже и после смерти менее долговечного звёздного или природного тела.

– Человек сам становится солнцем!? – вдохновенно и даже восторженно переспросил Сковорода.

– Да, он подобно Солнцу становится владыкой всех тварей... – внимательно всматриваясь в глаза Сковороде, сказал Хофуку. – Но это ещё не всё...

Долго и умно учили тогда Сковороду Хофуку и Текей науке формирования высших тел. И многое удалось.

Вспомнилось Григорию Саввичу и то, как четко, исходя из основ своего оккультизма, Хофуку обсудил блаженства Нагорной проповеди Учителя, по записям Матфея. В одну из тех нескольких встреч-бесед, которые Сковорода провёл с Хофуку, он спросил его, как он понимает суть блаженств. Судя по тому, что тот стал объяснять ни на мгновение не задумавшись, тема была ему либо известна ранее, либо она была в русле привычного ему учения.

– Начнём с первого? – спросил он. – «Блаженны нищие духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное».

– Да, – подтвердил Сковорода.

– Грегор, пойми, этими словами Иисус указывал на Сокровенное Учение, что тот, кто откажется от тщетной славы и мелкого честолюбия сего міра, окажется на пути Самосознания, сознавания существенного, Внутреннего, – суть Духа.

Первым порывом, который обуял Григорию, было желание спорить. Он вспомнил «Православное Испове-

дание...» Петра Могилы, его обширные толкования всех девяти блаженств. Митрополит Киевский определённо говорил о том, что первое блаженство содержит в себе учение о богатстве и вещах мирских: если они приходят к кому обильно, по благодати Божией, тот должен ими пользоваться не так, как полный господин их, но как управитель, и не должно желать их с чрезмерною жадностью сердца...

Уже было начав возражать, Григорий удержал себя. Он понял, что Пётр Могила остановился на первой части толкования, глубоко разъяснив материальное, но ничего не сказав о Духе, подобно, как это сделал Хофуку вслед за столь чтимыми им отцами-йогами.

– А второе блаженство: «Блаженны плачущие, ибо они утѣшатся», как ты объяснишь? – обратился Сковорода к Хофуку.

– И этими словами Иисус указывал на оккультное учение, что те, которые настолько продвинулись, что вполне сознавали безумие человеческого тщеславия и соответственно страдали, как все стоящие над міром, над толпой, и горевали, сознавая безумие и тщетность всего, для чего люди так усиленно борются, в конце концов получают утешение «в покое, превышающем всякое постижение», даруемом лишь тому, кто сознаёт Царство Небесное в самом себе, – пояснил Хофуку. – Вспомни, Грегор, в сколь разных контекстах поясняет Иисус, что есть Царствие Небесное.

Многое уяснил для себя Сковорода из общения с Хофуку, и сейчас, замислив и писательский свой труд, и новый образ жизни, он настойчиво двигался по избранному пути.

От воспоминаний надо было уходить, ибо спокойное течение мыслей, с которым он пребывал в уединении, на этот раз было прервано приходом Земборского.

– Григорий Саввич, я вот всё ношусь с теми мыслями, которые мы с тобой вчера обсуждали, – начал тот с места в карьер. – Ты закончил тем, что сон, в котором протекает наше бытие, – особенный сон. Мы живем точно завоженные...

– Да, действительно, многое мешает нам пробудиться от условностей материальной жизни, – меланхолично поддержал Сковорода гостя, ещё вполне пребывая в плену своих воспоминаний.

– Но я вот ещё почему пришёл с утра пораньше, – занялся Земборский. – Григорий Саввич, книжечку тут я вчера нашёл в своих бумагах, а откуда попала ко мне, не помню. Взгляни, что это за евангелия такие новые обьявились?

Земборский подал Сковороде тонкую книжечку в одну восьмую листа. Судя по качественному переплёту, чувствовалось, что переплетали её с любовью. Григорий Саввич взял в руки книжку. Листы её были исписаны чётким полууставом, заглавные буквы выписаны в цвете. Прочитал: «Евангелие от Фомы». Начал не спеша перелистывать, и вдруг, точно какая-то сила остановила его взгляд на том, что он только что уяснял для себя: «Иисус сказал: Будьте прохожими». И снова память услужливо подсказала ему то, что забылось. Вспомнил Сковорода, как Хофуку говорил ему об этом евангелии, а также и о другом – от Филиппа. И это – «Евангелие от Филиппа» – оказалось в книжечке. Но прежде, чем Сковорода перевернул страницу, с которой оно начиналось, взгляд его остановился еще на одном стихе: «Иисус сказал: тот, кто нашел мир и стал богатым, пусть откажется от мыра». Тексты заинтересовали философа и он продолжал листать и перелистывать.

Земборский с интересом наблюдал над тем, как Сковорода листал книжку, как переворачивал страницы, возвращаясь к прочитанному. Наконец он не выдержал и спросил:

– Интересные евангелия? Встречался с ними раньше?

– Слышал о таких, но читать не доводилось, Василий Михайлович. Многое из написанного здесь мы найдём в четырёх известных, но есть и мысли новые, неканонические, которые требуют внимания... Оставишь мне книжку на время?

– Конечно, читай. Но, будь добр, ответь мне на те вопросы, которые вчера мы с тобой начали обсуждать.

– Да, – поддержал его Скворода, – мы вчера говорили о том, что надобно пробудиться человеку, но прежде надо понять, что сон, в котором протекает наше бытие, – особенный сон.

Здесь Скворода остановился, собрался с мыслями и начал объяснять Земборскому, что сразу пробудиться полностью невозможно. Сначала надо научиться пробуждаться ненадолго, понять, что есть силы, которые этому препятствуют. Эти силы держат нас в состоянии очарования, поддерживают наши фантастические видения, по-нуждают нас постоянно обольщаться тем или иным, входить в разные образы, иначе говоря – воображать.

И снова остановился Скворода, и снова ему вспомнился Хофуку, и вспомнилось то яркое слово-понятие, которому он научил: **кундалини**. Но упоминать в разговоре с Земборским о кундалини он не стал.

– Сжигает человека сила воображения, Василий Михайлович. Фантазии порой оказываются сильнее мира живого, мечтания воодушевляют человека и забывает он о мире реальном, и остаётся он в нынешнем его состоянии. Но когда человек по-настоящему проснулся, когда пришел в ужас от того положения, в котором он есть, тогда он готов к тому, чтобы «умереть»! Ну а уж потом человек способен и родиться к новой жизни. Но это трудно.

– Понятно, Григорий Саввич, почти понятно, – поправился Земборский. – Но тогда возникает ещё один вопрос – о смысле, о цели жизни и прочая, и прочая.

– Верно, поэтому и оснований для пробуждения человек не находит. Но и начав, человек видит, что сколько бы усилий он не прилагал, всё остается таким, каким было. И он останавливается... Ты сам, Василий Михайлович, должен для себя установить, чего ты хочешь более всего на свете.

– А ты, Григорий Саввич, ты для себя достаточно установил?

– Установил, установил, – улыбнулся Сковорода.

Оба они молча присели на колоду, задумались. Сковорода, точно продолжая отвечать Земборскому, вспомнил давешнее письмо, которое он писал Михаилу Ковалинскому вскоре после своего очередного дня рождения. Всякий натус, который всем сердцем искал божественную истину, несомненно, найдёт и увидит то, что увидеть могут глаза не всех людей, а лишь блаженных. Познание истины – завершение всего ибо она самая приятная из всего. Иметь в себе Дух Святой – это означает видеть Истину Божию, которая единственно и есть Истина. Если её видели Аристотель и его последователи, то они – блаженные, если нет, они **безумные философы**. Я же твёрдо знаю, что я всего себя посвятил исканию одной лишь божественной истины. И я уверен, что в конце концов успех будет, ибо чего не победит честный труд? И разве не приятно трудиться, когда мы рождены для этого?

Сковорода посмотрел на задумавшегося Земборского и заметил:

– Если во мне нет ничего, кроме жара сердца моего, то я доволен этим, так как **страстное желание** божественной истины происходит от Святого Духа. Этим я живу, над этим с охотой тружусь день и ночь, в этом я решил, дорогой Василий Михайлович, умереть, хотя я уже ранее умер для **мира**, чтобы когда-то подняться во славу с Христом.

– Жаль, Григорий Саввич, – **я не таков**, – с грустью отозвался Земборский. И подумав, добавил, – **пока не таков**.

– Но ты можешь стать таков, – заметил Григорий Саввич. – Выгони из груди всякую смертную заботу, вымой грязь из сердца. Грязь – это то, что земное, а что видимое, то земное. Если ты зажжешь в своей груди огонь настоящий и искренний, то сгорит всё, что в ней есть земного, чтобы ты когда-нибудь стал чистым сердцем и увидел Бога, **Бога и Истину**, которая делает блаженными те глаза, которые её узрят.

– Погоди, погоди, это ты прямо как из Матфея. Как это там, дай припомнить. А, вспомнил: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога узрятъ».

– Истинно, истинно, сие есть обращение Учителя, его уверение, что «непорочным всё непорочно», – что непорочность собственного сердца и признание Внутреннего Бога ведёт к познанию Бога во всём. «Кто познал Бога в себе, познает Его во всём», сказал древний персидский писатель. И истинно тот познает Бога, где Он существует, а это везде.

– Понятно теперь ты говоришь, Григорий Саввич, да трудно сие к исполнению, – с нескрываемой горечью отзывался Земборский.

– Нет, не трудно, если подумать. Я когда-то писал своему любезному юному другу: приучи себя к тому, чтобы каждодневно через глаза или уши попадало в твою душу что-то не только из Святого Письма, а и то, что увидишь из случайных событий, пережевывай, размалывай и, насколько сможешь, претворяй в питательный и спасительный сок, как животное, которое должно быть принесено в жертву **Богу**. Для тех, кто исполнен духом искания истины, Бог даже из бесплодных скал творит божественную и самую прекрасную поросль.

– Спасибо тебе, Григорий Саввич, за дружеские напутствия. Необычный ты человек, и слова многие твои необычны, хотя внешне и звучат просто... Да наука твоя трудна. Многое, наверное, передумал ты, прежде чем смог мне всё это поведать так связно и легко. Спасибо!

– Бывай, друже, Василий Михайлович. А я пока возвращусь к любезной моему сердцу Библии, подумаю, что-то и запишу...

Земборский ушёл, а Скворода продолжал сидеть и думал о том, следовало ли вообще столь пространно говорить со своим гостем о вещах тайных, о святине.

Снова вернула его память в то время, когда с жарким доверием отнёсся он к мудрости Хофуку и многознанию его, пронизанному светом постигающей оккультной философии. И товарища Хофуку вспомнил – Текея.

– Грегор, – говорил Текей, – пойми, что самое важное в деле познания заключается в том, чтобы владеть собственным физическим телом. Если твоя посадка тяжела, ты утратишь своё «я», твой ум станет где-то бродить, и в твоём теле не будет тебя. Так не годится! Мы должны существовать вот здесь, именно сейчас. Всё должно существовать в нужном месте и правильным образом, тогда нет никаких проблем. Когда наши тело и ум будут в порядке, всё прочее окажется в нужном месте, и будет существовать правильным образом.

И пристально глядя ему в глаза, Текей молвил:

– В этом заключается секрет буддизма.

И хотя и Хофуку, и Текей были странствующими людьми, Сковорода ясно понимал, что они были цари, не скитальцы. И тогда, от них, пошла у Григория та неуёмная просветлённая жажда искания Истины, которая и поныне вела его по жизни. И с тех пор понимал он то, о чём писали и Лука, и Матфей, и Марк, ссылаясь на Учителя: «Истинно говорю вамъ: есть нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь, которые не вкусятъ смерти, какъ уже увидятъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ» (Марк IX, 1).

И царственность была не только в словах, но и во всём поведении буддистов. Царство Небесное, Царство Божие для них означало внутренний круг человечества, избранных, знания и идеи этого круга. Хофуку учил Григория тому, что Святое Царство существует только для царей и священнослужителей.

– Грегор, я спрашиваю тебя, – пронизывая своим испытующим взглядом Сковороду, спрашивал он, – священнослужитель ты или нет? Царь ты или нет? Монархи науки – вот князья истины, и их власть скрыта от толпы, как и их молитва. Цари науки – это люди, которые знают истину, и которых истина сделала свободными согласно особому обетованию, данному одним из самых могучих из всех посвятителей – Иисусом.

И порадовался нынче за самого себя Григорий Саввич, что неустанно шёл по пути истины, что понял всех тех до-

стойников, с которыми свела его жизнь в годы приобщения к европейской науке в университетах Вены, Праги, Кракова, а и просто в «университетах», всех, кого следовало слушать. И понял он, чтобы достичь Царства Священного, должно соблюсти несколько условий: разум, просветлённый изучением; неустрашимость, которую ничто не в состоянии остановить; воля, которую невозможно одолеть; благоразумие, которого ничто не может отменить.

Солнце давно перевалило уже за полдень, наступила самая жаркая часть июльского дня, когда Сковорода встал с колоды и отправился в дом. Сел за стол, разложил листы «Разговора 7-го о истинном человеке или о воскресении». Первая страница последнего листа была почти исписана, хотя места оставалось ещё довольно для трёх строк.

Философ начал писать: «Сего-то **человѣка**, если кто уразумѣл, тот и возлюбил и сам взаимно любезным здѣлался и едино с ним есть... »

Перевернув лист, продолжил: «... так как прилѣпившійся брeнiю и сам есть землею и в землю возвращается. А познавшій нетлѣннаго и истиннаго **человѣка** не умирает, и смерть над ним не обладает, но со своим господином вѣрный слуга вѣчно царствует, раздѣвшись, как из обветшалыя ризы, из земныя плоти, надѣв новую, сообразну его плоти плоть, и не уснет, но измѣняется, приняв вмѣсто земных рук нетлѣнныя, вмѣсто скотских ушей, очей, языка и протчiих всѣх членов истинныя, сокровенныя в Богѣ... ».

**Глава четвёртая.
ТРИ МИРА, ТРИ ОБРАЗА,
ТРИ СЛОВА.
Г.Г. УРЮПИН**

Летом 1790 года пребывал Сковорода в Великом Бурлуке, гостил в просторном доме Якова Захаржевского. Места те были пустынные, отдалённые от Харькова. Философ радовался жизни, с восторгом созерцал луга и рощи, внимал пению птиц. Много и упорно работал над тем, чтобы мысли свои обобщить, наиболее ясно и недвусмысленно выразить. Уточнял некоторые места и понятия в своих рукописях, иные переписывал, иные восстанавливал по памяти.

Друзья его и почитатели всячески старались ублажить старца Григория Варсаву Сковороду, как в ту пору с удовольствием любил величать себя сам философ. Не оставляли его своим вниманием и необходимыми для скромной жизни угощениями Георгий Георгиевич Урюпин – харьковский купец, Пётр Фёдорович Пискуновский – харьковский аптекарь, харьковские купцы Артём Дорофеевич Карпов и Стефан Никитович Курдюмов и другие люди, с которыми был дружен Сковорода. Особенно тёплые отношения во все 1780-е годы и в начале 1790-х сложились у Григория Саввича с иереем Яковом Правицким, служившим тогда в с. Бабаи.

В июне приехал на несколько дней в гости к Сковороде Георгий Урюпин. Беседуя на разные темы, они часто прогуливались по окрестностям, а устав, присаживались на пни или просто на траве, скрываясь от жаркого солнца под развесистыми деревьями. Урюпин неплохо знал работы Сковороды, некоторые из них имел в списках. В одной из бесед, которая началась во время очередной прогулки, была затронута тема сквородиновского учения о мирах, которую хотелось понять Урюпину. Он спросил Сковороду:

– О трёх мирах, о которых вы говорите в «Иконе Алкивиадской», писали раньше философы?

Сковорода удовлетворённо улыбнулся:

– О мирах писали и ранее, я вовсе здесь не первый. Но тема сия весьма сложна и многообразна. Впрочем, я вам Георгий Георгиевич всю поясню. Думаю, что лучше, если мы сядем за стол, возьму я свои записки, так будет сподручнее.

По возвращении домой, обратившись к листкам рукописи, они продолжили начатый разговор.

– Григорий Саввич, вот вы пишете, что люди высоких фамилий должны повсеместно, а в мыслях до Бога касающихся, особенно должны находить истину, и противоборствовать суеверию. Но и пишете о том, что библия, аки седмглавый дракон, весь земной шар покрыл суеверием. Усматриваю я здесь некоторое недоразумение.

– Дело в том состоит, – Георгий Георгиевич, – что надобно преодолевать суеверие, докапываясь до истины. А для этого надо знать предмет. Вы спросили меня о том, как следует понимать мои мысли о трёх мирах. Я объясню вам это.

Молча полистав свои рукописи, Сковорода не спеша, точно и сам вслушиваясь в свои слова, начал излагать суть учения. Он говорил о том, что непросто дать общую картину всех существующих представлений о Боге, природе и человеке. Большого успеха мы добьемся, если обратимся к фундаментальным началам, к известным тринитарным представлениям о мире. Именно руководствуясь таким подходом, мы обнаружим то, что объединяет и разводит в искании истины таких ранних мыслителей как Пифагор, Гераклит или Платон. Памятуя о важной роли человека в познании мира, они исходили из признания триединой сущности мира. Первый есть всеобщий и **мыр** обительный, где всё рождённое обитает. Его древние называли макрокосмом, вселенной, космосом. Состоит этот мыр из многочисленных **мыр-мыров** и есть он **великий мыр**. Второй – символический или библия. А библия есть **мыр символический**, потому что в ней собраны фигуры небесных, земных и преисподних тварей. Как монументы призваны

они ввести нашу мысль в понятие вечной природы, которая скрыта в тленной, преходящей материи подобно тому как рисунок в красках своих. А третий мир – микрокосм или **мырик, мирок**, или человек.

Урюпин прервал неторопливую речь философа вопросом:

– Об этом именно так и писали древние философы?

– Нет, о мире среднем, о мире символическом, как его называю я, они не писали. Точнее, они писали иначе. Об этом мире, поскольку он существует наряду с макрокосмом и микрокосмом, они писали как о **духе**, о мире духовном, о мире божественном.

Несколько помолчав, Сковорода добавил:

– Мне представляется, что расхождение в представлениях о тройственной сущности мира у философов и мыслителей определялось в значительной мере их видением среднего члена триады.

Урюпин сосредоточенно внимал словам Сковороды, и тот продолжил изложение темы. Философ говорил о том, что тема сферы господства разумного поднималась как в философии, так и в религиозных учениях. Возможно, первый подход к осмыслению понятия – это представление о душе как одной из важнейших составляющих человеческого естества, связующей конечное, телесное бытие человека и начало духовное – безначальное, бесконечное.

Бесконечное представлялось мыслителям прошлого в различных формах: Космос, Логос, Бог, Макрокосм, Вселенная. Понятие о том, что человек и макрокосм взаимосвязаны и живут по одним и тем же законам ясно определено в оккультно-герметическом «Что вверху, то и внизу», а также и в библейском «И сотворил Бог человека по образу и подобию Своему». Таким образом оказываются взаимосвязанными две формы реальности.

– Можно ли сказать, что душа и сознание суть одно и то же? – спросил Урюпин.

– Нет, – отвечал Сковорода, – ибо душевные порывы вообще могут быть неожиданными. Сознание же – это

действие души, которое происходит со знанием, на основе знания и оно не может быть случайным. В итоге оказывается, что именно душа, действующая «со знанием», выступает средоточием способности человека соотнести представления о микрокосме и макрокосме.

– И древние так полагали? – уточнил Урюпин.

Не отвлекаясь, Сковорода заметил, что Гераклит учил о текучей природе явлений вселенной и видел там постоянный закон. Разум показывает нам, что всё находится в состоянии постоянного изменения. Первоначальная сущность всех вещей – огонь, как выражение процесса непрерывных изменений. Изменяется всё в мире не произвольно, а согласно незыблемому закону – Логосу, всемогущей судьбе. Гераклит учил, что вечный круговращающийся огонь есть бог, судьба же – Логос, созидающий сущее из противоположных стремлений. Логос – это особое тело вселенной, он пронизывает всю её субстанцию. Человек обладает двумя средствами познания истины: чувственным восприятием и логосом. Для человека с грубой душой глаза и уши – плохие свидетели. Этот человек не причастен божественному разуму. Ему не дано познать истину.

– Отсюда триада Гераклита такова: **космос** (вечно живой огонь) – **Логос** – **человек**, – заключил Сковорода. И видя некое недоумение на лице Урюпина, продолжил. – Через посредство Логоса, связующего мир божественного промысла и человеческое познание, и возможно постижение вечного, абсолютного.

Далее Сковорода объяснил Урюпину как понимали тройственное учение о мире профессора в Киевской Академии. Знаковой виделась ему фигура Симеона Полоцкого, одного из первых выпускников Академии. В своём сочинении «Венец веры» он согласно традиции разделял мир на три части: «мир первообразный» – Бог, «макрокосм» – природа и «микрокосм» – человек. Симеон был уверен, что познание Бога невозможно обыденному представлению, а познание природы необходимо для совершенствования жизни человеческой. Истина, утверждал

он, может быть отображена мыслью, облачена в словесную форму и выражена в конкретном действии. Средний член его триады – Бог, является связующим между миром материальным и миром человека. Познав первообразы, человек поднимается на уровень постижения Истины. Но возможно это лишь в откровении, в неистовстве веры.

– А что писал по этому случаю Феофан Прокопович? – поинтересовался Урюпин.

– Думаю, что он мыслил в этом вопросе подобно Симеону, – улыбнулся Сковорода. – А я пошёл по сути дальше. Я вижу, как через мир Библии осуществляется связь двух материальных, двух телесных миров – макрокосма и микрокосма. Библия – суть знание боговдохновенное. Это – знание прекрасного храма премудрого Бога, мыра сего. Это знание может приходить и из наблюдения за миром внешним и из сердца человека. Но принципиально важно, что мир Библии – это мир знания, хотя для большинства непросвещенных – это всего лишь мир, который вводит в познание форм, *in formatio*.

Полистав одну из своих рукописей, он начал читать, точно обращаясь к Урюпину:

– «Знай, друг мой, что Библиа есть **новый мир** и люд божій, земля живых, **страна** и **царство любви**, горній **Іерусалим**; и сверх подлаго азіатскаго, есть **вышній**. Нѣт там вражды и раздора. Нѣт в оной республикѣ ни старости, ни пола, ни разнствія – все там общее. Общество в любви, любов в Боге, Бог в обществе. Вот и колцо **вѣчности!**»

Прекратив чтение и подумав несколько, Сковорода продолжил:

– Положение человека особенное, потому что он находится между двух миров. Человек – существо телесное, а потому он отзывается на космические влияния, которым подвластна и планета наша. А поскольку человек еще и существо с божественной искрой, то развитие его может происходить сознательно. Дух человека через мир библейский, через мир знания связывает нас с миром горним Божьим и с миром праха земного.

Сковорода приумолк. Урюпин с нетерпением ждал продолжения разъяснений.

– Могу утверждать, – продолжил Сковорода, – что через понятие Библии как мира символического в тринитарную схему мира вводится понятие мира разумного, мира творческого. Тогда **вселенная** или макрокосм – это творение Божие; **Библия** – это мир знания, а **человек** – это микрокосм и тоже по сути своей есть творение Божие. Но человек наделён божественной способностью творить и тем соучаствовать в деле божественного творения, укрепляя с Божьей помощью разум, по-гречески, помните, это называется *поос*. А разум своей силой способен изменять и мир внешний и мир внутри человека.

– А вселенная разумна? – не удержался от вопроса Урюпин.

– Однако разговорились мы сегодня, – улынулся Григорий Савич. – Очевидно, что существует фундаментальное воздействие человека на природу посредством своего разума. Признаю, что человек культурный желает осознать форму и гармонию во вселенной, ощущая, что люди существуют в определенных и важных взаимоотношениях с природой. Это дало человеку возможность развивать скотоводство, земледелие, создавать инструменты и машины. Но человек, как существо разумное и на данном этапе эгоистичное, думает, что вся природа создана и существует лишь для удовлетворения его потребностей в еде, одежде, жилье и удовольствиях.

– Так разум человеческий – это сила позитивная? – не унимался любопытствующий Георгий Урюпин.

– Георгий Георгиевич, добрый вы человек, опыт имеете изрядный жизненный... – заметил Сковорода, не торопясь отвечать и находясь в размышлении. – Да то хочу сказать вам, что разум человеческий может быть направлен на добро или на зло. А посему вы и сами можете легко определить, когда он есть сила позитивная...

После обеда прилёг Григорий Саввич несколько отдохнуть. Предоставленный самому себе, сидя за столом, на

котором лежали рукописи Сковороды, Урюпин сосредоточенно вчитывался в тексты. Временами он потирал рукой то виски, то затылок, временами что-то повторял вслух. Иногда вставал из-за стола и прохаживался по просторной комнате.

Дождавшись, наконец, когда философ встал от своего дневного отдыха, Урюпин вновь приступил к нему с накопившимися вопросами. И снова попросил разъяснить ему о мирах.

– Так я же вам вроде бы достаточно объяснил, – заметил Григорий Саввич.

– Объясняли вы мне, Григорий Саввич, одно, да не объяснили другого. Ведь всякий раз вы и в текстах своих, да и в письмах мне, миры эти по разному называете: мыр, мир, мір. Где-то я вас понимаю, но думаю, что порой весьма неверны мои суждения.

– Ах, вы об этом! Действительно, для меня достаточно важно, как и о каких мирах я говорю. А посему следует давать и другую тройственную картину мира, которая принципиально разнится от той тринитарной, о которой мы говорили с самого утра.

Далее Григорий Саввич приступил к изложению и разъяснению особенностей языка своих трудов. Из сказанного им следовало, что употреблением различных понятий: мыр, мир, мір он желал показать особенности человеческого мировосприятия:

– Слово «мыр» я использую тогда, когда хочу дать определение мира материального, мира телесного, мира временного и преходящего. Это достаточно ясно из того, что я писал, например, в Песне 28-й из «Сада божественных песен»: «Что пользы человеку, аще приобрящет мыр весь, отщетится же души своей?» или в «Благородном Еродии»: «... возлюбив суету мыра сего паче бысерей...». Ещё в «Наркиссе» я многожды «мыр» обозначал то как идол поля Деирского, то как улицу Мелхолину, блудницу вавилонскую. Брахманы сей мир называют «майя».

Когда же я говорю «мир», то для меня это есть точно определение мира души, нравственного состояния уми-

ротворённости, мира и покоя в душе человека: «... душевной мир приготавливается издали, тихо втайне сердца растёт и усиливается...». И когда я говорю, что Библия есть **новый мир**, то я говорю о том, что даёт она душе человеческой.

Ну, а что касательно «міра», то вы, Георгий Георгиевич достаточно знаете сие понятие как понятие о сообществе людей, об окружающих нас людях. Знаете достаточно, как трудно людям договориться порой и о простых вещах. Два кота в мехах скорее поместятся, нежели два начала поместятся в міре. Потому что мір всегда проживает в раздвоении, по-разному понимая и что есть «мыр», и что есть «мир». Поэтому и слабо человечество в силах своих. Учитель говорит: «Я на то родился и на то пришел в мір, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». Но мало кто внял Учителю. Недаром говорит евангелист Иоанн: «Многое и другое сотворилъ Иисусъ; но еслибы писать о томъ подробно, то, думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ».

— Да, конечно, я понимаю это значение слова, Григорий Саввич, ибо известно, что «на міру и смерть красна». И спасибо Вам за столь подробные пояснения. Без них многое мне навсегда так и осталось бы неведомым, — искренно благодарил Урюпин философа, пожимая его руку.

— И мне приятно было пофилософствовать с вами, Георгий Георгиевич, — отвечал Сковорода.

Уже начав раскланиваться перед отъездом в Харьков, Урюпин замялся и спросил его:

— Григорий Саввич, вы знаете, я читал ваши работы, но многого из того, что вы сегодня мне рассказывали и разъясняли я там не нашёл. Я плохо читал?

Сдержанно улыбаясь, Сковорода заметил:

— В моих работах есть все слова и мысли, нужные мне для того, чтобы высказать свою философию. Всё дело, очевидно, в форме. Думаю, что оформить прочитанное каждый должен в меру своих знаний и способностей.

И ещё не раз приходилось Сковороде разъяснять своим друзьям сущность своего учения о мирах. Так, однажды, когда он пребывал в гостях у Петра Фёдоровича Пискуновского – харьковского аптекаря, у которого собиралось много охочих послушать философа, его спросили о мире видном и невидном, целом и сокрушаемом. Вопрос этот вдохновил Григория Саввича, подвинул к глубоким размышлениям ввиду того, что человек, задававший вопрос, знал многие его работы.

– И здесь мы никак не убежим от трёх миров, – посерьёзней философ. – Мир видный – это мир явленных нам вещей, мир феноменов, как учит ныне немец Кант. Мир же невидный – то есть сущность, внутреннее естество вещей, до которых надо доходить разумом, созерцая их вначале и многожды. Философ как раз и имеет своей целью доходить до естества вещи. Но и тот, кто созерцает природу либо небо над головой также желает дойти до сути. Опять же между миром невидным, миром ноуменов, и миром видным находится ещё один мир, который находит своё отображение в голове у человека. Этот мир – это мир первообразов, мир неизменных и изначальных идей, этот мир сотворён неведомой нам божественной силой. Если человек готов принять в себя знания этого мира, он их получит. Но может их получать и тот, кто не знает и не готов.

– Как это возможно? – спросил Наеман Петрович.

– Очень часто во сне входим мы в этот мир, он приобщает нас к тому, что было прежде, что есть ныне, что будет потом. Да только многое ли мы помним и понимаем из того знания, что подсказывает нам священный интеллект?

– Почти ничего, – поддержал Сковороду Степан Курдюмов. – Хотя порой бывают сны, которые я помню долго.

– Рассказывают о снах, в которых содержатся пророчества, которые и сбываются, – заметил Пискуновский. – Как же возможно, Григорий Саввич, что сны пророчествуют?

– Есть такие сны с очевидными пророчествами. Поэтому и возможны они, Пётр Фёдорович, что даётся в них знание надлежащее, знание не от мира сего. Как раз это и есть один из путей, которым вводится сознание человека в поле божественных мыслей.

– И фантазии человека – это тоже выход в поле божественных мыслей? – спросил Курдюмов.

– Придумать человек может много интересного, как полезного себе и людям, так и ненужного, а то и опасного. Но возможно это потому, что человек не выходит за пределы определённого Творцом, – с очевидной уверенностью молвил Сковорода.

– Значит, наши фантазии не выходят за рамки божественного мира первообразов? – уточнил Наеман Петрович.

– Мы можем достаточно уверенно говорить о природе наших фантазий. Едва ли человек столь разумен, чтобы даже и пофантазировать мог самостоятельно, – ответил Сковорода. – Есть множество обычных желаний и мечтаний, которые находятся в пределах разумного, поэтому они относятся к миру первообразов, а посему могут приходиться в голову многим людям.

– А есть и какие-то иные? – не удержался от очередного вопроса Наеман Петрович.

– Есть и иные, – улыбнулся Сковорода. – Не всегда ведь человек разумен, порой разум его смущён бесами, мало ли чего он тогда напридумывает...

Присутствующие от такого ответа удовлетворенно рассмеялись. Неудовлетворённым однако оказался всё тот же Наеман:

– Вы сказали, что мир первообразов, мир неизменных и изначальных идей сотворён неведомой нам божественной силой. И знания этого мира доступны человеку. Значит, можно подумать, что в тех знаниях может быть и неразумное?

Нисколько не задумавшись и не задержавшись с ответом, хотя и горько усмехнувшись, Сковорода пояснил присутствующим:

– В мире неизменных и изначальных идей, сотворённом Господом, Творцом всего сущего, не может быть неразумного. Но может случиться, и это бывает тогда, когда Господь решает наказать человека, что Он лишает того разума. Вот тогда человек оказывается лишённым входа в поле божественных мыслей, а потому вещает нечто несусветное.

Глава пятая. АРИСТОКРАТ ДУХА

В начале августа 1794 года, одержим болезнями старости и предвидя свою скорую кончину, приехал Григорий Саввич к другу своему, Михаилу Ивановичу Ковалинскому в село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла. Плохо было другу, вкусившему обращения в великосветских кругах, но утратившему жар истинного любомудрия; возжегшему разум светский, но усыпившему в себе доверие ко внутреннему голосу духа. Собрав свои мысли в малый круг желаний прибыл Ковалинский из столицы в деревню, надеясь найти там пристанище от житейского обуревания.

Остался он один, без семейства, без друзей, в болезни, без покоя и такого желанного соболезнования. Вникнув в суть произошедшего, понял Ковалинский, что не на камне основал он храм житейского своего счастья, но на песке. Именно таким и застал его Сковорода, мудрый дух которого подсказал ему по девятнадцатилетнему несвиданию, что плохо другу, дражайшему Михаилу.

Итак, цель поездки, которую предпринял семидесятиоднолетний учитель, определилась: побеседовать с Михаилом, дабы возбудить в друге его усыпленные силы разума и возвысить его желания, а заодно и передать другу рукописи свои с пояснением и завещанием. Читал сочинения свои учитель ученику ежедневно, а между чтениями занимал его рассуждениями о правилах и понятиях, которыми должен руководствоваться человек, ищущий истины.

Внимательно слушал Михаил учителя своего, внимательно читал переданные ему рукописи, задумывался и спрашивал:

– Григорий Саввич, сравнивая «Наркисса» и «Потоп Змиин» я вижу многие изменения, касающиеся воскрешения и бессмертия... Здесь вы пишете и о «приложении к костям», и о «прозябании костей, яко трава» и о многом ином, о чём мы ранее с вами не разглагольствовали. И что же, – это буквально так? – спрашивал Михаил.

– Нет, не буквально. Видишь ли, кости сии не те суть, что рассыпаются в аду. Иезекииль утверждает, что совокупляются кости: кость к кости, каждое отдельное к составу своему. Но можно ли сие вполне освещать? Что это даст черни? Лишь вопросы возбудит, даст черни орудие для борьбы против нас же.

– А те, кто поймут превратно, что они сделают? – задумался Ковалинский, испытывая большое смятение от слов учителя.

– О, они сделают многое на телесном плане, ибо на другом плане не знают, – отвечал Сковорода. – Все грядущие беды людей от невежества. Должно понять, что собирать знание следует самому. Когда я это понял, я отошёл окончательно от грязной черни. Не раз я тебе говорил, что смерть духовная – несчастье. Помнишь, умер игумен, народ плакал, давая пример юношеству. Печально, но как раз юношество у нас более всего портится примерами неразумных мужей и старых людей. Ты и сам сейчас это хорошо понимаешь. Поэтому я вновь повторю: насколько можешь стремишься отдаляться от ужасно развращенной черни!

– Но можно ли прилагать это определение ко всем людям?

– Вовсе я не имею в виду **всех** людей, – подчеркнул Григорий Саввич. – Я говорю о людской черни: честолюбивой, раздражённой, самолюбивой, лживой и завистливой. Именно последнее – это самое худшее. Ты не можешь найти одного друга, не найдя вместе с тем двух-трёх врагов. Лжива и завистлива чернь! Таковы те, кто на тебя обижаются и тебя ненавидят, они недовольны своей судьбой, завидуют, злятся, а если и хвастают, то дабы не показать своего убожества.

Вечером 25 августа, ставшие привычными в последние дни беседы Григория Саввича с Михаилом Ковалинским продолжались. Они прогуливались по молодой роще, созерцающая тёмное небо, густо усеянное яркими звёздами.

– Смотри, Михаил, видишь ты как ярко сегодня Антарес? – обратился Сковорода к Ковалинскому.

– Где он, пока не вижу? – переспросил Ковалинский.

– Смотри туда, видишь точно змею, а в хвосте её яркая звезда, Унук алб Хай называется или Хвост змеи? А немножко левее и чуть ниже и Антарес расположен. Увидел?

– Да, увидел. Сегодня очень тёмное небо, на нём великолепно блистают звёзды, – задумчиво проговорил Михаил, глядя на Сковороду.

– Так это же ночь Новолуния; сегодня особенно хорошо видны звёзды. Смотри, как блистают и Спика (уже закатывается), и Арктур. Как я всегда радуюсь в такие августовские дни, любуюсь и небом и любимым мною Арктуrom!

– Почему Арктуrom?

– Это благородная звезда. Чувствую, и знаю, близок он мне по духу...

– Григорий Саввич, когда-то давно вы писали мне о небе видимом, о прекрасном первом небе. Но писали вы и о более достойном для божественного созерцания небе другом. Я думал тогда, что понимаю, но сегодня так не думаю...

Сковорода задумался, припоминая что-то, собираясь с мыслями:

– Верно, дражайший Михаил, писал я, и говорил я, о небе ином, о том **небе**, на котором пылает слава Христа; о том **небе**, где собраны те, кто уклоняется от дел мёртвой черни для дел небесных. Что-то об этом можно понять, обратившись к астрологам, что-то – из науки божественной.

Ученик придвинулся ближе к Сковороде, готовый слушать дальше. И Григорий Саввич продолжал говорить ему о науке небесной. Когда человек находится на ранних стадиях своего развития, большое значение имеет его окружение, которое даёт ему поддержку и основу в виде жестко определённых законов и обычаев. Но когда человек стал сам себе законом, когда он укрепился в желании делать добро лишь по причине самого добра, тогда он уже не связан долгом следовать жесткому влиянию «своих

звёзд», он освобождается от того влияния, которое называют судьбой. Тогда человек добровольно подчиняется законам, которые знает и понимает, он сознательно работает над влияниями, которые познал как совершенное средство для достижения совершенства.

– Но небо, вы говорили о небе! Куда оно делось?

– Небо никуда деться не может, – вразумлял учитель. – Но «раздвинув» первое небо, видимое небо звёзд, Зодий и планет, человек поднимается над этим небом и становится солнцем, которое светит другим. В другом небе действуют иные законы, недоступные слабому разуму развращённой черни, а потому они представляются чудесами, когда становятся воплощёнными в нашей земной жизни.

– А искание философского камня или превращение всех вещей в золото и соделание состава из него, чтобы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет – это отсюда, это возможно? – вдохновился Ковалинский.

Сковорода улыбнулся:

– Сие есть остаток египетского плотолюбия, которое будучи уже не в силах продлить жизни телесной, при всех мудрствованиях своих нашло способ продолжить существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий.

– И что, никак нельзя продлить жизнь человеческую на несколько тысяч лет? – настаивал Ковалинский.

– А зачем надобно жить человеку столь долго, Михаил? – ответил вопросом на вопрос Сковорода.

– Хорошо, я не говорю о том, надо ли, я хочу знать, возможно ли достичь этого?!

– Да, возможно, – твёрдо заверил его Сковорода. – Два пути есть на телесном плане. Первый, – это напитать тело человека чем-то таким, что позволит ему оставаться неизменно живым и одинаково деятельным. Египтяне раньше имели такое знание, такие средства, что позволяли это обеспечить. Потом знание утратили, начали делать мумии. Хотя в традиции йогической и буддистской возможно и самому мифифицирование.

– Как это? – не удержался от вопроса Ковалинский.

– А так, что йог или буддийский монах, удалившись от мира, медитируя и голодая, на протяжении двух-трех месяцев постепенно умирает, превратившись в мумию, которая может сохраняться сотни лет, будучи объектом поклонения правоверных. Впрочем, – такие случаи крайне редки.

Ковалинский с сомнением покачал головой.

– Второй же путь, – продолжал Григорий Саввич, – это научиться ремонтировать человека подобно тому как мастер вместо одной изломанной деревянной спицы ставит в колесо новую, либо вместо изношенного обода ставит новый к прежним спицам.

– А, – это, наверное, они имели в употреблении философский камень. Я что-то слышал об этом. Умели превращать все вещи в золото, делать из одного состав, что продлевал человеческую жизнь... – не отступался Ковалинский.

– Умели они, Михаил, и второе делать когда-то, да оскудело знание у потомков. А мумии – это отголоски былого знания и умения...

– Но философский камень, Григорий Саввич, можно ли сделать философский камень? – с нескрываемой надеждой вопрошал Ковалинский учителя.

– Алхимики умели превращать многие металлы в золото, но проблема была, как сохранить соделанное; фиксатор нужен, космический фиксатор, – отвечал Сковорода. – В Праге встречался я не с одним знающим человеком...

Испытывая сильное нетерпение, Ковалинский уже начал теребить Сковороду за рукав:

– Нашли, сделали фиксатор?

– Сделали, сделали, – успокоил Сковорода Ковалинского, уклоняясь от более подробных объяснений.

Ответ однако заставил его на время замолчать. Вспомнились Вена и Прага, напряжённые дни исканий и находок, многочисленные и многочасовые беседы с учёными мужами, работа в библиотеках, посещения пражских астрологов и алхимиков, «пудра проекции», прозрения

в связи с экспериментами с «космическим фиксатором», горячие диспуты и грусть от расставаний и утраченных возможностей.

– И потом, почему ты, Михаил, заговорил о продлении жизни? Смерти испугался? Страх попутал?

– Разве о себе я подумал, Григорий Саввич.

– Тем более, зачем думать обо мне? Неужто я похож на человека, которому чуждо искусство умирания? Человек разумный должен заблаговременно приуготовить себя и к старости, и к смерти. Здесь важно обеспечить в своём сердце душевный мир. Много лет тому победил я в себе тот страх, который более всего угнетает и молодого человека, и зрелого – страх нищеты. И уже много лет назад я победил в себе и страх смерти.

Во всё продолжение разговора Михаил Ковалинский очень внимательно слушал своего учителя. Хотя чувствовалось, что обуревали его и иные затаённые мысли. И точно, продолжая начатый несколькими днями ранее разговор, он спросил:

– Григорий Саввич, мы давеча говорили о знании. Если знание так же телесно и так же ограничено по своему объёму, как и серебро в земле, тогда возможно такое время, что знание, как и серебро это, вообще окажется на сохранении у какой-то части людей, которые успели его собрать и спрятали в сокровищницах своих. Возможно ли такое?

– Такое не то что возможно, такое станется в какие-то времена. И то прими во внимание, что мы с тобой видим на протяжении недолгого времени. Количество книг в библиотеках увеличивается, увеличивается и количество преподавателей, которые учат по этим книгам...

– Здесь, наверное, нет ничего нового, – перебил речь учителя Ковалинский.

– Не скажи, друг мой, как раз это и есть новое. Помнится мне, много говорил я со многими людьми о сути знания, о способности человека к знанию. Буддисты, учёные из Индии, с которыми мы говорили о разном, и о зна-

нии в том числе, уверяли меня, что в те давние времена, которые предшествовали нашему...

Здесь Григорий Саввич прервал свою речь, задумался, с досадой покачал головой, точно что-то напряжённо припоминая, наконец лицо его прояснилось и он заметил:

– Да, вспомнил, наше время они называли Кали-югой, временем невежества, раздоров, вражды. И вот, в предшествующие времена люди не нуждались в том, чтобы записывать то, чему их учили. У них была великолепная память, а потому и имеющееся знание передавалось от поколения к поколению, от учителя к ученику, от отца к сыну. А в начале Кали-юги память и способности людей оскудели, знание стали записывать, появились рукописные тексты, потом их стали переписывать переписчики, частично каждый искажая и дописывая по своему невежеству, а потом появилось и книгопечатание, которое поспособствовало тому, что в книгах многократно и одинаково подавалось знание, которое могут воспринимать многие люди, – улыбнулся Сковорода. – Хотя одну и ту же книгу каждый читатель волен понимать так, как он к этому способен.

– Так книга, – это же хорошо, Григорий Саввич, – удовлетворенно заметил Ковалинский. – Многие люди, а чем дальше, тем больше их смогут получать из книги знание, радоваться своему просвещению, просвещать других...

Сковорода строго посмотрел на Ковалинского, точно желая умерить его восторг, и промолвил:

– Мы привыкли употреблять слова, не всегда задумываясь над их смыслом. И я вот неоднократно говорю «знание, знание...». А между тем, ведай, я это слово используя, имея в виду разный смысл. Когда учитель передаёт знание ученику, он имеет целью удостовериться, насколько точно тот понял его, а для этого есть ряд средств. И когда отец учит чему-то сына, то он желает знать, насколько тот его понял, и ищет средств удостовериться в том, что его поняли. И тогда ученик или сын тоже становятся носителями части знания учителя или отца, которое прошло через

их сердце, через понимание. Ты меня сейчас понимаешь, Михаил? – обратился Сковорода к своему собеседнику.

– Да, Григорий Саввич, я понимаю, что есть *verba magistri*, слово учителя, которое ученик должен нести в себе с пониманием и быть способным передать его другому с тем же смыслом, с которым оно дано было ему.

– Я вижу, Михаил, что ты меня понял вполне. А теперь пойми и другое. Пойми, что если человек читает книгу, не слышав учителя, хотя бы подобного тому, который написал читаемое, то какие последствия будут от прочитанного? Для неопита понять написанное в книге по арифметике либо по риторике, либо по философии уже будет затруднительно. А что же он поймёт без учителя из книг священных?

Сковорода замолчал, вопросительно и несколько лукаво глядя на Ковалинского. И тот некоторое время помолчал, размышляя над словами учителя. Наконец, он спросил Сковороду:

– И какие же перспективы может иметь всё, о чём вы говорили?

– Это очень важный вопрос, я над ним думал много раз, споря сам с собой. Конечно, я лично не увижу того далёкого времени, когда будет много книг, много коллег-умов, а то и университетов. Но я чувствую, что это время наступит. И что тогда будет?

Ковалинский внимательно слушал учителя, желая не пропустить ни единого его слова. А Сковорода мысленно углубился в тему, вспоминая и давешние беседы с Вацлавом Чепичем, старым профессором Карлова университета в Праге, и де Ламетри с его «Человеком-машиной», и разговоры со своими многочисленными собеседниками, и свои думы наедине. Собравшись с мыслями Сковорода заговорил:

– Лет сорок тому я под влиянием одной прочитанной книги пришел к мысли, что автор её видит в человеке прежде всего мыслящую машину. Но мой собеседник, профессор, возражал, утверждая, что надо выбирать одно из двух положений: или человек – это существо мыслящее,

или человек – это машина! Профессор был уверен, что практически все люди, которых мы видим, – всё это не более чем машины, зависимые от влияния внешних воздействий.

Ковалинский протестующее замахал руками:

– Этого не может быть, человек не может быть машиной!

– Да, примерно так и я пытался возражать вначале, – улыбнулся Сковорода. – Но профессор был прав: можно перестать быть машиной, но только тогда, когда ты знаешь, что такое человек-машина. Но это к слову, Михаил. Тема нашего разговора – знание, перспектива обретения знания людьми. И картина вырисовывается мне весьма неприглядная.

– Почему неприглядная, Григорий Саввич?

– Потому неприглядная, что интеллигенции, то бишь разума в человеке мало. Больше же в человеке эмоции, инстинкта, что требует говорить больше о бытии человека. Человек, пребывающий на одном уровне бытия, мыслит иначе, чем человек развивающийся на более высоком уровне. Имея одну и ту же книгу, эти люди будут и относиться к ней по-разному. Человек, едва умеющий понять её, будет полагать, что он содержание этой книги уже знает, потому что он её прочитал и **имеет её в своей собственности**. Это и есть неприятное следствие владения книгой для низкого человека: он уверен, что лишь имея книгу, он уже имеет достаточное знание о предмете, о котором идёт речь в книге.

– А разве не так, разве не может этот человек, если у него появится потребность, перечитать эту книгу, – возразил Михаил.

– **Такой человек**, – подчеркнул Сковорода, – перечитывать не станет. Но если надо будет, он откроет на нужной странице, прочитает, и это будет **точно его** знание. Совсем иначе будет вести себя человек, находящийся на высоком уровне бытия, человек духовный. Книга для него – повод углубиться в тему, найти другую книгу, которая пояснила бы глубже; найти учителя, который знает лучше!

И если он с кем будет говорить по сути содержания этой книги, то будет не страницу искать, но из сокровищницы своего знания убеждать и разъяснять.

– Но перспектива-то, перспектива какова, Григорий Саввич!? – с нетерпением воскликнул Ковалинский. – Ведь вы говорите, что перспектива обретения знания людьми вырисовывается неприглядная... Что вы имеете в виду?

– Чувствую, что наступит время, когда условия жизни будут лишать человека необходимости много знать, когда его личные знания будут крайне незначительными, – проговорил Скворода, похоже сам же еще раз перепроверяя справедливость своих слов.

– Этого не может стать никогда! – решительно, с какой-то чрезмерной даже горячностью возразил Ковалинский.

– Может стать, вполне может, – спокойно заметил Скворода.

У Ковалинского сложилось ощущение, что учитель понял что-то очень важное, чего раньше не знал. Он не стал настаивать на разъяснениях, ожидая, когда Скворода заговорит сам. И немного спустя тот заговорил с каким-то даже безразличием и отрешенностью:

– Когда-то наступит время, когда Господь отберёт у плембса и знание, и понимание. Правда, тогда доступ к знанию будут иметь очень и очень многие, хотя в действительности знать будут очень и очень немногие. Это будет тогда, когда появится книга, в которой будут все ответы.

– Григорий Саввич, учитель дорогой, я вас не понимаю! Что вы такое сказали? Объясните! – точно спеша выговориться, заговорил Ковалинский.

– Погоди, погоди, Михаил, дай определиться, – с той же, непривычной для Михаила отрешенностью, заговорил Скворода. – Способных творить – мало. Способных знать – мало. Способных обезьянничать – много. Всё будет уже сделано. Зачем что-то знать.

– И всё равно, Григорий Саввич, учитель дорогой, я вас не понимаю!

– Я и сам не вполне понимаю, но сердце мне подсказывает, – начал Сковорода. – Я точно в каком-то сне наяву увидел вдруг странную книгу небольшую размером. И там всё было написано!

– Библию?! – подсказал Ковалинский.

– Нет, Михаил, не Библию. Но будет какая-то книга, в которой будет собрано много знания, многие человеки будут держать в руках эту книгу, будут ею пользоваться, но мало кто будет даже малую толику всей той массы знания, помещённого в эту книгу, понимать. Вот тогда окончательно и станет понятно, что человек – это машина

– Это будет одна книга для всех? – допытывался Михаил.

Помолчав, Григорий Саввич загадочно заметил:

– Какая это будет книга, время покажет. Буквы и слова были всегда, но могли ли думать эллины либо римляне о тех книгах, кои сейчас мы держим в руках... Но со времени дела Гуттенберга книга все больше и больше влияла на жизнь человечества. Король французский потерял голову на плахе из-за того, что книг стало много, способных читать книгу стало много. Отсюда и революция. И что, жить стало легче? Разве что недолго потешился иллюзиями плебс... А какие книги образом своим будут у наших потомков, подобно древним, знать мы не можем. Но будут те книги; много книг тех станет, очень много в каждой из них будет букв и слов! Настолько много, что и представить нам сегодня трудно. Но будет ли от этого больше радости и станет ли жизнь благостнее?

– Ну почему вы, Григорий Саввич, столь пессимистичны, – не унимался Ковалинский.

– Потому что материалистическое знание, знание о превосходстве телесного, о машине будет занимать почти всё место в тех книгах, – отвечал Сковорода.

– Разве плохо, если люди будут больше знать о машинах, если машины будут помогать людям в их житейских делах?

– Это не плохо. Но я тебе говорил уже, что в материи знания есть и духовное. А те, кто будут писать эту книгу будущего, основной акцент сделают на материальном.

– Думаю, что и духовное из той книги никуда не денется, – задумался Ковалинский.

– Михаил, друг мой любезный, духовное знание может передать своему ученику лишь живой мыслящий учитель. Никакая книга, написанная даже самым одухотворенным учителем, не сможет этого сделать без учителя.

– Григорий Саввич, будучи в Европе, да и в Петербурге, я прочитал не одну книгу нынешних просветителей. Они возвышают научное знание, разум, а д’Аламбер вообще отрицает всю прежнюю культуру.

– Интересно говоришь ты, Михаил. Я тоже читал их. Думаю всё дело в том, что сейчас начинает развиваться знание о природе, а эти науки лишены священного и возвышенного, лишены духа.

– Куда это может привести? – уточнил Ковалинский.

– Куда может привести? – повторил вопрос Сковорода. – Думаю, что краеугольные камни, скрепы, которые до сих пор держали европейскую культуру, рушатся. А это значит, что уровень мышления людей будет оскудевать, а масса вещей будет множиться.

На этом и разошлись спать. А на следующий день, утром 26 августа, Сковорода засобирався в дорогу, желая завершить свой жизненный путь на Украине. Друг упрашивал остаться у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в доме. Но Сковорода сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя Сковороду всем потребным, дав ему полную волю, по нраву его, выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чём ехать ему, представил ему для дороги, в случае надобности, нужный запас, говоря:

– Возьмите сие, может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплачивать...

– Ах, друг мой! – сказал он, – неужели я не приобрёл ещё доверия к Богу, что промысел Его верно печётся о нас и даёт все потребное во благовременность?

Ковалинский замолчал с приношением своим.

Расставаясь со своим другом, обнимая его, Сковорода промолвил:

– Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить её.

Глава шестая. МИР НЕ ПОЙМАЛ МЕНЯ!

В середине сентября 1794 года местопребывание своё определил Сковорода у помещика Ковалевского, в слободе Ивановка, верстах в пятидесяти от Харькова. Несмотря на частые недомогания, он бодро держался на ногах, благодушно подсмеиваясь над своей слабостью.

В первых числах октября в Ивановку неожиданно нагрянул Яков Правицкий. Обнимая учителя, он увидел его слабость и прослезился.

– Что это ты, брат, так расслабился, – ободряюще улыбнулся ему Сковорода. – Дух мой бодр!

Прогулявшись несколько по саду и гумну, оба вернулись в дом Ковалевского.

– Григорий Саввич, вижу я ваше спокойное отношение и к старости, и к смерти. Очевидно, что вы давно уже для себя решили здесь что-то важное, поняли существенное. А вот меня мучает давно уже вопрос о жизни вечной. Научите меня, как его решить, – заговорил Яков как только они вошли в комнату, где располагался Сковорода.

Выслушав просьбу Правицкого и сославшись на слабость, Сковорода прилёг на кровать:

– Вот только месяц назад задавался такими вопросами Михаил, а теперь уже и ты задумался... – отвечал Сковорода. – Тебя же, небось, прихожане самого об этом спрашивают?

– Спрашивают, да только то, что я им рассказываю, мне самому неприятно слышать, – с досадой заметил Яков. – Но вы-то знаете, Григорий Саввич. Вы не можете не знать! Помните, вы мне уже лет пять тому писали, что останок свой в себе уже давно видите... И в «Потопе Змийном» как чудно написали...

– Это так, Яков, я от этих слов не отказываюсь и ныне. Но ведь это **мой останок**, – подчеркнуто резко отвечал Сковорода, – мне его определять и оценки давать.

– Не обижайтесь на мои слова, Григорий Саввич, я вас спрашиваю как учителя и как философа знатного.

– Ну что ж, если как учителя... Тогда точно пофилософствуем, вспомним и «Потоп Змиин», и многое другое.

На несколько минут Сковорода, прикрыв глаза рукой, замолчал. Потом, опершись на руку, заговорил:

– Что значит жизнь вечная, если нет воскрешения?! Вот послушай, Яков, пророка Иезекииля, который говорит о том, что по воле Божией полны будут людьми опустелые города: «Такъ говорить Господь Богъ костямъ симъ: вотъ, Я введу духъ въ васъ – и оживете. И обложу вас жилами и выращу на васъ плоть, и покрою васъ кожею и введу въ васъ духъ, – и оживете и узнаете, что Я – Господь» (Иезек. 37, 5-6).

– Григорий Саввич, я знаю эти пророчества!

– Да, верю, что знаешь. Но ты, Яков, зная, не поверил! А посему, читай дальше и думай. Читай о том, как Иезекииль изрёк надлежащее пророчество, как произошёл шум и стали сближаться кость с костью своею, как жилы и плоть выросли на них, как покрыла их кожа сверху, но как не было в них духа. Читаешь?!

– Да, Григорий Саввич, читаю. Но неужели это возможно?!

– Читай дальше о том, как Иезекииль изрек пророчество духу, и как вошёл дух в воскрешенные тела, и как они встали, целое полчище, полные силы. Прочитал? И то читай дальше у пророка, как по воле Господа открыл тот гробы их, как вложил в них дух и поместил их на землю их. А если тебе, Яков, этого не достаёт для веры твоей, то открой пророка Исайю (гл. 26). И он поведаёт тебе о прозябших, яко трава, костях, об оживании мертвецов, о восстании мёртвых тел. Ибо роса Божия – это роса растений, роса жизни, и потому земля способна извергать мертвецов.

Несколько помолчав, Григорий Саввич продолжил:

– А теперь давай вспомним философа, которого церковь наша не знает, а если и знает, то не жалуется. Я имею в виду Демокрита из Абдеры. Учение его об атомах вовсе не противоречит библейским текстам. Философ этот учил о том, что всё телесное состоит из атомов – мельчайших, не-

делимых, неразрушимых частиц. Атомы же бывают трёх родов: из одних атомов составились камни; из других атомов – живые организмы; из третьих же атомов, которые самые маленькие, шарообразные и горячие – составились души этих организмов.

– Но атомы эти недоступны нашим человеческим ощущениям, – заметил Правицкий, глядя в сгущающиеся за окном сумерки. – И потом, из одних и тех же атомов могут слагаться разные тела, не правда ли, Григорий Саввич?

– Нет, неправда! – твёрдо отвечал Сковорода. – Ты только что читал о том, что кости мертвых (а это – прах!) в неизменном виде лежат упокоившись в земле, а жилы, плоть и кожа находятся там же, готовые к тому, чтобы покрыть собой кости.

– Я принимаю, я – согласен, – отозвался Яков. – А человек, обычный человек, сможет сделать то, что мог сделать пророк Иезекииль? Сможет, скажите, сможет, Григорий Саввич?

– Всё дело в вере, друг мой.

– А может так стать, что атомы эти складываются из чего-то более мелкого?

– Люди склонны домысливать, фантазии творить, первообразы произвольно создавать. Да только далеко не всем первообразам есть соответствие в подлунном мире, – с некоторым даже раздражением сказал Сковорода. – Атом же по природе своей божественной суть неизменен, он представляет собой целостную субстанцию, которую нельзя разрушить. Если бы случилось иначе, мир материальный прекратил бы свое существование. И только Господь Бог может по воле Своей, которую познать нам не дано, дать атомам иное назначение нежели то, которое мы ныне наблюдаем.

– А мумии египетские можно оживить? – спросил Правицкий.

– По сути они остаются живыми всегда в том смысле, что в них продолжается жизнь в формах, которые мы знать сегодня не можем. Но наступит время, когда или

знание людей, бывших прежде, станет известно и понятно, или же, руководствуясь идеями материалистической науки, учёные дойдут до **надлежащего** знания, которое позволит им вернуть мумиям жизнь, – твёрдо и уверенно сказал Сковорода, особо подчеркнув «надлежащего».

– Надлежащее знание – это знание не от мира сего, это то, которое от Бога? – уточнил Яков.

– Господь Бог дал человеку многие способности, сподобив и его к делу творения, – уклончиво отвечал Сковорода.

– Тогда, Григорий Саввич, скажите мне, есть ли в человеке живом или упокоившемся в Боге такое начало, которое неизменно сохраняет первообраз этого человека навечно? Ведь человека надо вернуть в плотский образ точно такой, каким он был в своей прежней земной жизни, не правда ли?

– О вечном, применительно к человеку, говорить мы не можем. Вечность – это обитель Бога. А что касается первообраза, которым наделил Господь каждого из нас, об этом говорить можно.

– В чём же он этот первообраз человека, как можно его созерцать? – упрямо торопил учителя с ответом Яков.

– Когда-то давно я искал ответ на этот вопрос. Читал у Картезиуса описание человеческого тела, читал о том, как он мечтал узнать, что представляют собой все части семени любого вида животных и человека. Он надеялся, что из этого удастся вывести чисто математически всю фигуру и строение каждой части искомого животного и человека. Он надеялся, что тогда удастся решить и обратную задачу: из знания особенностей тела вывести знание семени. Правда, при этом он ясно заявлял, что не желает быть обманутым ни обещаниями какого-нибудь алхимика, ни предсказаниями астролога. А между тем, оказывается, что первообраз, или семя, как его называет Картезиус, вполне можно созерцать. Я твёрдо уверен, – это натальная карта человека... Много времени провёл я в беседах со знатными астрологами и алхимиками и в Праге, и в Вене,

и в Ягеллонском университете, а они знали толк в этой сложной теме. Учителя у них были старой закваски, – с тихой задумчивой улыбкой молвил Григорий Саввич.

– Так значит гороскоп человека, сделанный при рождении его, и есть его первообраз!? – сильно удивился Правицкий. – А когда человек умирает, куда девается его первообраз?

– Первообраз человека запечатлён в каждой мельчайшей частице его естества: в кости, в плоти, в крови, в волосе. Никуда первообраз не девается. Карта рождения продолжает жить, как продолжает жить и человек, носивший её.

– Но ведь человека не стало, он умер! – воскликнул Яков.

– Смерть – это перерождение в другую форму бытия, – назидательно молвил Сковорода. – Более того, я должен тебе сказать, напоминая о словах почитаемых нами ныне пророков, что Господь сохраняет возможность человеку вновь восстать в телесном облике.

– Григорий Саввич, вы учили нас, что всё, что имеет начало, имеет и конец. Человек рождается под своей звездой, живёт, растёт и умирает. С самого своего начала он идёт к своему концу. И натальная карта рождения человека так же по смерти его не может жить долее. Если я правильно понимаю, то она может оставаться просто как некая картинка

– Нет, сын земли, это вовсе не так. Карта рождения несёт в себе и телесный, и душевный, и духовный первообразы человека. А посему, если и положено бренное тело человеческое в землю, то это вовсе не означает, что туда же отправлены и душа, и дух.

– Душа и дух этого же человека? – пожелал уточнить иерей Правицкий.

Григорий Саввич с видимым удовлетворением взглянул на своего ученика:

– Пойми, что по смерти человека тело его уже не является хозяином его души и духа, как это нам кажется в нашем

обычном представлении. Однако то, что есть душой, продолжает жить. А поскольку душа не может долго быть сама по себе, она в **надлежащее** время требует себе нового тела.

– И обретает его? – прервал речь учителя Правицкий.

– Да, обретает.

– Мне сие не понятно. Вы говорите, что нательная карта продолжает жить и после смерти человека, а опять же говорите, что душа, причастная жизни прежнего её хозяина, желает получить новое тело и получает его. Это не соответствует духу христианского учения господа нашего, Иисуса Христа.

– Я сказал, что в надлежащее время, во время, определяемое свыше, и тело, и душа нового существа человеческого входят в уже существующую карту подобно как рука входит в уже предназначенную для неё рукавицу.

– Как это может быть? – ещё более был поражён Правицкий.

– Открой Евангелие от Иоанна, главу девятую. Прочитай, что сказал и сделал Учитель наш.

Яков начал листать книгу, нашёл указанное место, прочитал, и заметил:

– Мне знакомо сие место, – это одно из чудес, сотворённых Иисусом.

– Верно говоришь, но подумай над тем, почему ученики спрашивают Равви о слепом от рождения, «кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Здесь ясно сказано: он, слепорожденный, был до того, как родился...

– Но тела, – забеспокоился иерей Правицкий, – выходит, что при одной душе может быть некое количество тел человеческих? Сие невозможно, никак невозможно!

Он вопросительно смотрел на Сковороду, ожидая понятных ему пояснений. Но тот не торопился с ответом. Более того, Григорий Саввич прикрыл глаза, всем своим видом давая понять гостю, что хотел бы отдохнуть.

Правицкий понял учителя, потихоньку встал и вышел.

На следующий день утром Яков вышел прогуляться в сад. Кое-где на деревьях ещё висели плоды. Подпрыгнув, он сорвал себе яблоко, обтёр его, и присев на пенёк с удовольствием вгрызся в сладкий сочный плод, мысленно продолжая разговор со своим старым учителем. Однако тревожить учителя не стал.

К обеду отдохнувший Сковорода встал к столу, где они имели возможность продолжить начатый разговор о жизни, о душе и о первообразе человеческом.

— Григорий Саввич, я вас спрашивал о том как возможно при одной душе несколько тел человеческих. И все эти тела, и бывшие прежде при душе, и последнее, они все суть тождественны? Вы именно так хотели сказать?

— Нет, Яков. Все означенные тела не тождественны. Мои учителя учили меня, что каждое очередное тело входит в действующую карту в разное время, подобно тому как для детской руки сделана одна рукавица, а для взрослой другая, а для старого человека и материал могут исходить иной.

— А когда случится так, что Господь сподобит всех вернуться в свои тела, когда восстанут из праха все жившие прежде, что тогда будет с душой? К кому она прилепится?

Но Сковорода не стал отвечать на этот вопрос. Точно продолжая какую-то ранее начатую свою мысль, он загадочно промолвил:

— Да, и человеческую жизнь можно продолжить. Один путь — это путь алхимии человеческого тела. Здесь достаточно знать, какие происходят процессы в человеческом теле, как превращаются питательные вещества, получаемые с едой в силу, которая делает нас подвижными, сильными и ловкими. Надо знать, как сделать усвоение этих питательных веществ наиболее полным, вводя в тело некое вещество, некий эликсир или пудру проекции, что поможет сохранить при этом жизненные силы как можно дольше. Знание этих веществ и правильное их употребление поможет сохранить работоспособной машину человеческого существа на многие столетия.

– Известны ли сегодня эти алхимические вещества, Григорий Саввич?

Сковорода согласно кивнул головой.

– Хорошо, а каков второй путь? – продолжить задавать вопросы Правицкий, видя, что учитель не спешит продолжать.

– Иной же есть путь, – это путь воспроизводства телесности...

Правицкий терпеливо ждал продолжения слов учителя. И несколько погодя тот продолжил:

– Всё дело в том, что каждая даже самая мельчайшая частица человеческого тела, – здесь Сковорода подчёркнуто прервал речь, – **и праха его**, содержит в себе тот божественный первообраз.

– Можно, я снова спрошу о мумиях египетских? – с некоторой нерешительностью обратился к учителю Яков.

Сковорода согласно кивнул головой.

– Если даже самая мельчайшая частица тела и кости сохраняет прообраз человека, зачем так много сил язычники употребляли на делание мумий?

– Мумии – это целые тела, которые возможно знать как прах известных людей, а отсюда можно идти к другим... – заметил Сковорода.

– Я слышал, что мумии – это особым образом приготовленные останки, в которых отсутствуют многие важные части и органы человеческого тела. Если даже и признать, что когда-то их станут возвращать к жизни, то где возьмут недостающие части и органы? – недоумевал Правицкий, точно он уже лично участвовал в деле воскрешения мумий.

– Ты ждешь исчерпывающих ответов, Яков. Но подумай над тем, как возможно, что на одном и том же клочке земли буквально рядом растут цветы ядовитые и травы, вылечивающие от тяжких болезней...

На этом загадочном ответе Сковорода остановился и не стал ничего говорить более. Несмотря на настойчивые дальнейшие расспросы Якова Правицкого, Сковорода не

пожелал дальше развивать начатую тему. Наконец, Яков не удержался от вопроса, который давно уже в продолжение разговора его неотступно преследовал:

– А вы хотели бы, Григорий Саввич, чтобы вас когда-то вернули опять в мир земной, в мир телесный?

– Сие от любого из нас не зависит, – сказал философ. – Но твёрдо знаю, карта продолжает жить...

На этом и расстались.

Практически весь октябрь 1794 года Григорий Саввич проводил в беседах и прогулках с немногочисленными гостями, которые посещали его в Ивановке. Особенно сблизился он с владельцем имения Андреем Ивановичем Ковалевским, который внимательно опекал его, стараясь всячески ублажить старчика.

Задолго до рассвета, ранним утром 27 октября Андрей Иванович проснулся неожиданно, влекомый неясной тревогой. Встав с постели, он не нашёл Григория Саввича спящим на своём месте. Встревоженный он вышел из дома и отправился на поиски гостя. Вскоре Ковалевский нашёл Сковороду. Сидя на толстой колоде на возвышенном месте близ рощи и гумна Григорий Саввич с сияющей улыбкой смотрел на полную Луну, которая чётко вырисовывалась на небе, собираясь вскоре скрыться за линией горизонта.

– Что вы, Григорий Саввич, так рано поднялись? Да и оделись легко, я же просил одеваться потеплее.

– Ничего, мне не холодно, сейчас пойду в дом. Понимаешь, погода меняется, вечером я, наверное, Луны не увижу, а хочется увидеть её полную наостанок жизни...

– Полноте, Григорий Саввич, что вы такое глаголете. Пойдемте со мной в дом.

Григорий Саввич с видимым сожалением встал с колоды, ещё раз бросил взгляд на уходящую Луну, и отправился вслед за Ковалевским. На протяжении всего дня они неоднократно вели продолжительные беседы. С лёгкой улыбкой старчик вспоминал разные эпизоды из своей жизни. Особенно часто возвращался к событиям далекой юности. Рассказывал о жизни в Петербурге, о придворной

капелле, о поездке в Венгрию и соседние страны, о своих встречах и беседах с тамошними учеными мужами. Разошлись поздним вечером. Небо было закрыто плотными тучами, Луны не было видно.

28 октября с утра моросил мелкий холодный дождь. К обеду он прекратился, сквозь разрывы туч временами проглядывало Солнце. К обеду кинулись искать Сковороду. Отправленный на поиски кучер нашел его на том же месте, где он накануне утром созерцал Луну. В руках старчик держал лопату и рыл яму. Встревоженный кучер доложил о сей его непонятной деятельности хозяину. Тотчас, пришедшему забирать его на обед Андрею Ивановичу, Григорий Саввич объяснил просто:

– Хочу, чтобы место сие стало местом моего последнего пристанища.

– Григорий Саввич, неужто мы не выполним вашу последнюю волю! Но живите ещё на радость тем, кому вы дороги и кем любимы.

– Нет, достаточно я пожил, пора уходить...

За обедом он был молчалив и спокоен. Покушал мало и, сославшись на усталость, пошел в свою комнату отдохнуть.

Спустя какое-то время в комнату к нему зашел Ковалевский. Григорий Саввич улыбнулся ему и жестом пригласил присесть в кресло:

– Андрей Иванович, прошу тебя предать меня погребению на том месте, которое я сам выбрал. И ещё прошу написать такое, – заметил он, подавая тому листок бумаги.

На поданном листке был написан текст эпитафии:
«Миръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Андрей Иванович внимательно прочитал написанное, задумался на минуту и промолвил:

– А не обвинят ли вас недруги ваши, исполненные злословия, Григорий Саввич, в гордости и кичении? Будут говорить о великой дерзости вашей, с которой вы даже и в мир иной отошли...

– Всякое будут говорить, Андрей Иванович, да только мне какое дело до того, – устало проговорил старчик.

– Мы жили с ними в разных мирах. Они поклонялись мамоне, говоря, что служат Господу, а я всю жизнь свою отдал служению пресветлой Истине. А некоторые будут говорить ещё и о том, что перед смертью раскаялся, признал свою состоявшуюся жизнь несправедливой, просил прощения перед всеми. Будут ссылаться на кого-то, кто слышал сие. Всякое будут говорить, Андрей Иванович, но как я не стал слушать их несправедливых речей при жизни, так уже не услышу и после. Будут, да, конечно, будут, Андрей Иванович, одни – копаться в письмах моих, искать в них вульгарное, называя его человеческим; другие возносить будут, станут делать икону из меня, желая сами стать иконоподобными.

Достаточно долго оба сидели, каждый думая о чем-то своем. Наконец, Григорий Саввич прервал затянувшееся молчание:

– Когда-то давно, высказал мне Хофуку очень сильную мысль: «Когда вас нельзя использовать, вы становитесь личностью».

– Да, вас, аристократа духа, завистники и просто недоброжелатели будут всячески унижать и поносить, – продолжил свою мысль Ковалевский. – Кто-то напишет о вас как о немощном старике, не знавшем ни начала своего, ни конца. Но верю, что придёт когда-то и ваше время, когда дадут должную оценку и мыслям вашим, и учению, и жизни. Ибо философа сможет понять только истинный философ!

– Спасибо на добром слове, но боюсь я, что скорее пользоваться мною будут, прикрывая несправедливые дела. Пойми, Андрей Иванович, безвозвратно уходит в небытие старая наука и культура. А разве люди, причастные новой науке, примут наши идеи? Нет, знаю что подгонять будут под удобное им. Невежество и носителей его, – грязную развращённую чернь, возвысят новые идолы, новые боги, которым чернь за это благодарно поклоняться будет. Люди наши таковы... Печально, но как раз юношество у нас более всего портится примерами неразумных мужей

и старых людей. И это юношество будет первым крушить всё, не ведая, что творят. Ты и сам об этом давеча неплохо говорил. Поэтому повторяю: стремись отдаляться от развращенного плебса. Грустно, но как бы не сделали и меня защитником и апостолом плебса мои неразумные хвалители. Поэтому и работы свои я раздал только самым верным и умным своим ученикам и друзьям, дабы не досталась псам святыня, как говорил боговдохновенный Учитель наш Иисус.

– А что, люди наши особенные?

– Возможно... Хотя думаю, они очень сильно поражены духовным сиротством.

Оба в задумчивости снова приумолкли. Наконец, Григорий Саввич, обращаясь к Ковалевскому, спросил:

– В грубке есть огонь?

– Конечно, Григорий Саввич, нынче холодно, мы протапливаем, чтобы дух живой постоянно шёл по комнатам.

Сковорода начал подниматься с кровати. Видно было, что это ему даётся с трудом. Ковалевский бросился помочь старчику. Тот став на ноги, подошел к столу и достал из ящика сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Он бережно разгладил его, трепетно всматриваясь в рисунок, молчал и задумчиво улыбался. Ковалевский заметил, что судя по внешнему виду потемневшего и сильно истёртого на сгибах листа, его многократно и внимательно изучали. Видно было, что для старчика представлял он немалую ценность. В центре листа был изображён большой квадрат, внутри которого находился меньший. Соединялись эти квадраты одинаковой формы треугольниками. Вокруг главного рисунка находились многочисленные заметки, написанные мелким каллиграфическим почерком. Было очевидно, что заметки делались автором до самого последнего времени.

– Что это, Григорий Саввич, гороскоп ваш? – не удержался от вопроса Ковалевский.

Философ внимательно взглянул ему прямо в глаза:

– Да, это моя Вита.

Сковорода медленно двинулся по комнате, прошел через коридорчик, приблизился к печке, попросил открыть дверку и вбросил в огонь этот потемневший и сильно истёртый на сгибах лист, где была расчерчена его Вита. Лист начал коробиться, еще более потемнел, вспыхнул и от него остался лишь сгоревший образ.

Ковалевский не пытался удерживать философа, но молча наблюдал за происходящим. Точно отвечая на его немой вопрос, Сковорода заметил:

— Теперь это мне больше не понадобится. Иди, Андрей Иванович, я отдохну немного. Жаль, Арктура я более

не увижу... Он много мне сопутствовал по жизни... Иди, друг, я буду уже отдыхать, — непривычно твердо сказал он, направляясь в свою комнату и протягивая хозяину слободы руку на прощание.

Так Человек готовился оставить сей мир...

Философ скончался октября 29 числа, поутру, на расвете, 1794 года.

Глава седьмая. УНИВЕРСИТЕТ. П. П. НИКУЛИН

Проводить в последний путь Григория Саввича прибыли многие ученики его, друзья и почитатели. Всё пространство вокруг могилы философа оказалось густо заполненным местными жителями и многими людьми, приехавшими из Харькова, либо пришедшими из окрестных сёл и слобод. В глазах многих из присутствующих стояли слёзы и нескрываемое горе от потери любимого учителя.

После свершившегося погребения, согласно традиции множество людей собрались в саду за поминальными столами, приготовленными помещиком Ковалевским. В то же время, люди близкие покойному собрались в доме помещика за столом, развёрнутым во всю просторную горницу. Естественно, что речь зашла о добродетелях, о талантах и мудрости Сковороды. Присутствующие делились своими мыслями по поводу наиболее запомнившихся им текстов философа, некоторые фрагменты, наиболее полюбившиеся им, пересказывали на память. Когда трапеза уже подходила к концу, со скамьи поднялся среднего роста, крепкий видом мужчина лет 45-47, который во всё время не произнёс ни слова, хотя весьма внимательно слушал всех, кто делился своими воспоминаниями и мыслями о деле и жизни Сковороды. Мужчина поднял руку, призывая собравшихся к вниманию, и произнёс:

— В тяжёлый для нас день собрались мы сегодня вокруг этого стола. В соответственный день наш учитель оставил бренный земной мир, но слово его остаётся с нами. Давно, лет тридцать тому, почитай, Григорий Саввич по случаю говорил мне, что умный епископ может сделать много полезного и в своём служении Господу, и для развития просвещения и науки. Уже тогда, преподавая в коллегиуме, Григорий Саввич хотел, чтобы Харьков прославился как город академический, чтобы был в нём университет подобный Карлову или Ягеллонскому. Господь сподобил

меня, а посему довелось мне вкусить науки и в одном, и в другом. Истинно говорю вам, чудное дело наука, – на одном дыхании произнёс мужчина. Помолчав чуть, он продолжил. – Но задавался учитель и вопросами риторическими: «А кто это сделает? А когда?» Что я семнадцатилетний подросток мог тогда ему ответить? Мог только пообещать, что буду учиться. Но сегодня, думается мне, наступил час начать исполнять желание учителя нашего и великого философа.

Здесь, прервав свою речь, выступавший замолчал, обвёл взглядом всех присутствующих и сел на своё место. В комнате на некоторое время воцарилось молчание, которое было прервано негромким вопросом Якова Правицкого, адресованным к своим соседям за столом:

– Кто сей человек?

Ответ, произнесённый Я.М. Захаржевским, услышали все присутствующие:

– Это профессор красноречия и философии Прокофий Петрович Никулин из Московского Университета. Однажды на моей памяти он приезжал к Григорию Саввичу в Бурлук.

Сразу же за столом началось оживление, обмен мнениями, одобрительные возгласы.

Воспользовавшись известным замешательством, не стовариваясь, Правицкий с Ковалевским подошли к Никулину, представились и начали извиняться за своё невнимание к гостю, приехавшему издалека. Тот успокоил их:

– Полноте, я приехал в последнюю минуту и рад, что успел проститься со своим любимым учителем. Весьма рад видеть любовь и уважение к моему дорогому учителю. А остальное приложится.

Здесь Правицкого осенило:

– Позвольте, вы приехали из самой Москвы?

– Да, а почему вас это удивляет?

– Господин профессор, это не может не удивить. Ибо в столь короткий срок невозможно узнать о кончине Григория Саввича, а тем более успеть из столичного города к

похоронам, – с удивлением заметил А.И. Ковалевский, поддерживая иерея.

Однако беседу втроём продолжить теперь они не смогли по причине того, что ко всем обратился Г.Г. Урюпин со словами:

– Спасибо, Прокофий Петрович! Вы затронули ту тему, которая волнует и меня, и многих здесь присутствующих. Создание Харьковского императорского университета – дело необходимое и возможное. И здесь, где ещё над всеми нами витает душа дорогого нашему сердцу Григория Саввича Сковороды, мы должны принять решение о создании такого университета.

Одобрительный шум и возгласы, составившиеся за столом, были подтверждением сказанному. Начался оживлённый обмен мнениями, сообщество разбилось на группы, где обсуждение и продолжилось. Постепенно начали прощаться друг с другом, с хозяином слободы и разъезжаться.

Когда в основном все разъехались, у Ковалевского появилась возможность продолжить начатый с Никулиным разговор. Судя по всему тот не спешил уезжать, поэтому Андрей Иванович пригласил его остаться в Ивановке, сколько он сочтёт нужным. Профессор с радостью принял это предложение. Помещик же, улучив минуту, повторил свой давешний вопрос о том, как узнал Никулин о кончине Сковороды.

– Сердце есть у человека, оно чувствует, – уклончиво отвечал Никулин.

Однако Ковалевский почувствовал в голосе гостя какую-то нотку, которая уверила его в том, что Никулин что-то недоговаривает. Почувствовал и тот его немой вопрос. Подумав, Никулин продолжил:

– Скажите, много ли осталось после Григория Саввича его бумаг? Могу ли я взглянуть на них, а, может быть, вы позволите сделать с оставшихся рукописей его списки?

– Григорий Саввич, насколько мне известно, раздавал свои работы и позволял их переписывать полковни-

ку Тевяшову Степану Ивановичу, Алексею Юрьевичу Сошальскому, Якову Михайловичу Захаржевскому, Федору Ивановичу Дискому и другим. Почти всё из написанного Сквородой есть у Якова Петровича Правицкого – иерея в Бабаях. Некоторые тексты есть и у меня. Отдать не отдам, но если захотите списать, списывайте на здоровье.

– Спасибо на добром слове, Андрей Иванович. Скажите, а вы уже разбирали бумаги Григория Саввича?

– Нет, но я их, пока все эти заботы с похоронами, на всякий случай надёжно уединил. А вы со многими работами учителя знакомы? – в свою очередь спросил он Никулина.

– Мы много говорили с Григорием Саввичем о его работах, говорили о мире и о человеке, о познании и науке, – несколько уклончиво отвечал Никулин на вопрос Ковалевского. – Если вы не против, я готов помочь вам разобрать бумаги покойного, поскольку содержание большинства его работ мне ведомо.

Ковалевский с благодарностью принял предложение профессора. Вечером, когда были сделаны все необходимые распоряжения по хозяйству, они приступили к разбору бумаг, оставшихся после Сквороды. Оказалось их не так и много к удивлению Никулина:

– Странно, совсем недавно Григорий Саввич имел много работ, – с нескрываемым удивлением проговорил он, глядя на Ковалевского.

– Да, работ было много, – поддержал тот, – пока он нынешним летом значительную часть их не отвёз Михаилу Ивановичу.

– Михаилу Ковалинскому? – уточнил Никулин.

Помещик согласно кивнул головой.

– Ну что же, давайте попробуем разобраться с тем, что мы здесь имеем, – взбодрился он.

В продолжение недолгого времени бумаги были разобраны, так как сам их автор и хозяин держал их достаточно в порядке.

Ковалевский почувствовал, что ни проделанная работа, ни достаточно беглый просмотр текстов не доставили удовлетворения гостю, а потому спросил:

– Вы искали какого-то особого материала? Говорите прямо, я от ученика Григория Саввича ничего скрывать не стану.

– Вспомните, не попадался ли вам на глаза, – может быть, Григорий Саввич при вас смотрел на него, – листок такой, с квадратами и треуголами? – с нескрываемой надеждой посмотрел профессор в глаза Ковалевскому.

– Я понимаю вас, вы говорите о гороскопе. Сжѐг он этот листок, свою Виту. – Помолчав, добавил, – В последний вечер своей жизни сжѐг.

– Ещё что-то сжѐг?

– Нет, только Виту. Другого не знаю.

– И вы не стали препятствовать ему? – взволнованно уточнил Никулин.

– Как я мог бы, – это его Вита, это его право оставлять нам или сжигать, – философски подытожил Ковалевский.

– Да, вы правы, – успокаиваясь, согласился гость.

– Прокофий Петрович, вы сказали, что сердце подсказало вам о том, что учителя не стало? У меня такое ощущение, что...

Никулин жестом остановил его:

– Ощущение у вас верное. Действительно, я приехал на похороны своего учителя, так как мои вычисления показывали, что надо ехать, даже если я и ошибаюсь. К несчастью, я не успел застать его в живых. А гороскоп Григория Саввича я хотел посмотреть, чтобы сравнить, насколько я научился искусству прорицания.

– Жаль, что он не оставил своего гороскопа, – посочувствовал Ковалевский.

– Как сказать, обычно знатоки науки о звёздах скрывают своё время рождения, а уж тем более свою карту рождения. Григорий Саввич здесь не стал исключением.

– А как же вам удалось так точно рассчитать его гороскоп? – в свою очередь, удивился помещик.

— Здесь нет ничего удивительного, так как в своё время учитель назвал мне почти точное время своего рождения. Приобретя достаточные профессиональные знания и опыт в деле прорицания, зная ряд ключевых событий его жизни, я построил его гороскоп. Несколько раз проводил ректификацию и почти не ошибся.

Долго проговорили Никулин и Ковалевский друг с другом, о ценности жизни, о нравственности и о многом ином, неоднократно возвращаясь к воспоминаниям о Григории Саввиче. Расстались далеко за полночь, пообещав себе, что сделают всё возможное и необходимое для учреждения университета в Харькове.

* * *

Мысль о создании в Харькове университета глубоко укоренилась в сознании многих учеников и сторонников мудрого старчика Сковороды. И спустя несколько лет по его уходу из жизни помнили они о пожелании философа.

Наиболее последовательным, вдохновенным и деятельным сторонником создания университета в Харькове стал русский человек, Василий Назарович Каразин, учёный и изобретатель с развитым гражданским чувством.

Неуёмная энергия Каразина, его жажда реформ в государственном управлении имели следствием шестимесячное заключение в Шлиссельбургскую крепость с последующей высылкой под надзор полиции на Украину. Здесь Каразин понял, что просвещение дворянства (и наиболее развитой части простолюдинов) имеет определяющее значение для развития благополучия общества.

И сам Каразин высоко ценил идеи старчика Г.С. Сковороды, и тогдашний город-

В. Н. Каразин (1773-1842)

ской голова Г.Г. Урюпин, поддерживающий Каразина в его начинании, был ближайшим другом и приверженцем проповедуемых Сковородой нравственных начал. Отличаясь замечательной гражданской честностью и смелостью общественного деятеля эти люди сумели подвинуть харьковское городское общество и многих помещиков окрестных сёл и слобод к пожертвованию на университет.

Задача создания университета была неимоверно сложной. Хотя Харьков и был губернским городом, и имел свои ярмарки и учебные заведения, но он не мог претендовать на учреждение университета по причине недостаточного насе-

ления, значительно уступавшему со своими восьмью тысячами Полтаве, Курску, Орлу и даже Белгороду. Естественно, что и городской бюджет оказывался недостаточным, недостаточным было и имеющееся благоустройство города. Впрочем, и государственная власть не видела такой необходимости, ввиду отсутствия университета не только в Киеве, но и в Петербурге.

Но, по-видимому, животворный дух Григория Савича продолжал витать над

округой. Так получилось, что как раз в начале означенного столетия в коридорах российской государственной власти состоялась встреча неординарных ярких людей — мыслителя Ивана Рижского, графа Северина Потоцкого и видного общественного деятеля Василия Каразина. В деле основания Харьковского университета главным помощником В.Н. Каразина стал Г.Г. Урюпин, который собрал с купечества до 70000 руб., сумму превышавшую в 7 раз весь годичный бюджет тогдашнего города. И в 1802 году дело начало ладиться: было получено Высочайшее

императорское благоволение. В 14-й статье «Предварительных правил народного просвещения» было установлено на вечные времена существование Харьковского университета, во уважение патриотического приношения дворянства и гражданства; желанья их иметь у себя университет. По Высочайшему благоволению 1803 года Харьковскому университету, одному из шести, будет принадлежать весь полуденный край. Активно противившийся созданию университета губернатор Артаков 3 ноября того же года был удален от должности. Благодаря учреждению университета, Харьковский учебный округ в те времена охватывал огромную территорию, включавшую Киевский, Одесский и Кавказский регионы.

Это время было и временем наиболее значительной, широкой и плодотворной деятельности в жизни Ивана Степановича Рижского. Он был приглашен в Харьковский университет попечителем Университета графом С.О. Потоцким еще 7 февраля 1803 года, а определение его в Университет публичным ординарным профессором российской словесности и красноречия состоялось 4 апреля 1803 г. Рижский возглавил особый Комитет по первоначальному устройству Университета. К делам Комитета относились: перестройки и пристройки в двух зданиях, отведенных под Университет, составление списков и приведение в порядок полученных из Петербурга книг и инструментов, устройство типографии, ботанического сада, приготовительного к Университету класса, прием студентов, заведование университетскими суммами, за-

И. С. Рижский (1759-1811)

боты о найме ремесленников, сношения с различными учреждениями. В результате день открытия Университета, 17 января 1805 года, стал праздником просвещения для города и для всего юга России.

В.Н. Каразин, пользуясь активной и плодотворной поддержкой И.С. Рижского – первого ректора Харьковского университета, доказывал возрастающую роль науки в жизни общества. В начале октября 1806 года состоялся знаменательный разговор двух этих знаковых в истории Харьковского университета фигур.

– Иван Степанович, вы знаете, я не большой приверженец чисто академической науки, – начал разговор Каразин. – Для меня важно, чтобы практически реализованы были многочисленные открытия и изобретения.

– Какие области практической науки, вы видите важнейшими ныне? – уточнил Рижский.

– Думаю, что можно и нужно исследовать метеорические явления, чтобы таким образом прогнозировать и регулировать в необходимых пределах погодные условия. Для этого необходимо создавать мировую сеть метеорологических станций. Вполне реально привлечь усилия наших землевладельцев для насаждения лесов, садов и рощ с целью совершенствования условий землепользования и получения устойчивых урожаев. Развитие химии и изучение электричества сулит большие перспективы. Уверен, что можно использовать электричество верхних слоёв атмосферы с практической целью...

Рижский похвально покачал головой:

– Планы у вас, скажу прямо, весьма амбициозные. А не думали ли вы о пределах человеческого познания, о границах, поставленных человеку его человеческой природой?

– Думал. И знаю, что пределов наук, особливо же естествоведения, никаких невозможно определить. Разум человеческий беспрерывно подвигается вперед, невзирая на все препятствия, – уверенно отвечал Каразин.

В продолжение всего последующего разговора двух учёных было обсуждено множество вопросов организа-

ции и развития научной и преподавательской деятельности профессоров и преподавателей университета. Особенное внимание было обращено на организацию врачебной работы, создание лабораторий, где могли бы экспериментировать врачи, биологи, химики и другие учёные, интересующиеся процессами, происходящими в живых организмах. Содержание беседы показало обоим, что они достойные друг друга соратники в общем деле. Как раз в тот момент, когда они обсуждали вопрос организации медико-биологической лаборатории, разговор их был прерван приходом городского головы Георгия Урюпина, который, как он выразился, зашёл «на огонёк». Пообещав не мешать, он внимательно слушая своих учёных собеседников. Впрочем, в какой-то момент он прервал своё молчание и сказал:

– Григорий Саввич в своих разговорах и работах затрагивал не только тему счастливой спокойной жизни человека, но и тему воскрешения человека, обращаясь к библейским пророкам. Конечно, учитель знал что говорил, но я думаю, что человек был бы намного счастливее, если бы он знал, что жизнь его может быть значительно продлена, – и добавил, – по крайней мере, если бы человек знал, что существует такая возможность.

Несмотря на скептическую мину, появившуюся на лице Рижского, Каразин с большим удовольствием и даже с явным восторгом поддержал слова Урюпина:

– Думаю, что задача воскрешения человека, возвращения наших отцов к жизни – это задача нынче неподъёмная и не может стоять в ряду реальных. Что же касается продления человеческой жизни, избавления человека от бремени тяжких заболеваний, то эта задача достойна того, чтобы ею заниматься в Харьковском университете.

– А я думаю, что это великая дерзость перед Богом, который дал ясно понять сие, поставив возле древа жизни ангела с огненным мечом, – запротестовал Рижский. – Вполне достаточно того, что природа во всём своём многообразии подобна богатой содержанием книге, из которой

человек обогащает свой разум и совершенствует свой опыт...

Оба, и Каразин, и Урюпин внимательно слушали ректора, ожидая, к чему же он клонит.

– А посему, я согласен с вами, Василий Назарович, что благодатной и богоугодной деятельностью университетских лекарей, биологов и аптекарей было бы лечение болезней, дабы продлились дни счастливой человеческой жизни, – умоzakлючил Рижский.

– Уже то хорошо, Иван Степанович, что вы принимаете идею продления человеческой жизни, – то ли шутя, то ли серьёзно заметил Каразин. – Да только поймите и другое. Удел человека быть разумным существом. Чем более он отличается от бессловесных, чем выше восходит, тем ближе он к своему назначению, следовательно, тем благополучнее. И ещё примите во внимание то, что Господь поставил ангела с огненным мечом к древу жизни уже после того, как Адам с Евой вкусили плода древа познания. А это – знаменательно! Значит, разумом человек может дойти до соделания того, что могло быть просто дано Богом как подношение ему.

Внимательно слушая обоих, Урюпин впрочем удовлетворённо закивал головой, явно не выражая поддержки ни одному из своих собеседников. Когда общий разговор закончился, при расставании Каразин отвёл его в сторону и спросил, мог бы тот дать ему список работы Сковороды, в которой идёт речь о возможности воскрешения.

– Это не более чем идея, – отозвался Урюпин. – Вы найдёте её у пророков. Иерей Яков Петрович Правицкий, вспоминая о своих беседах с Григорием Саввичем, ссылался на Иезекииля и Исаяю...

– Хорошо, я сегодня же перечитаю пророков. Но соответственные работы Сковороды вы всё-таки найдите возможность дать мне посмотреть.

Урюпин обещал и обещание выполнил.

* * *

В 1814 году при Харьковском университете была устроена хирургическая клиника, а годом позже – терапевтическая. К тому времени в университете преподавали и обеспечивали работу клиник известные профессора-медики и клиницисты В.Ф. Дрейсиг, И.Д. Книгин (Булгаков), П.С. Брандейс, Д.Д. Рейпольский, П.М. Шумлянский, Н.И. Еллинский и Р.У. Блюменталь, профессор-ветеринар М.-Х. Пильгер и другие. Существование этих лабораторий весьма способствовало тому, что в городе практически постоянно проводилась большая лечебно-оздоровительная работа.

В начале 1840-х хирургическую клинику возглавил профессор М.Ф. Ванцетти, работавший там в продолжении пятнадцати лет. Высокий уровень профессиональной подготовки позволил профессору проводить впервые в России сложнейшие хирургические операции. При нём же в клинической лаборатории были организованы исследования здоровых и больных человеческих органов и тканей с использованием самой современной лабораторной техники и препаратов. Многие из исследовательских инструментов были сделаны по проектам и чертежам самого профессора и его талантливого ученика Блажевского. Новейшие биохимические препараты доставлялись из европейских стран. Ходили упорные слухи, что хирург Блажевский связан с чернокнижниками и пражскими алхимиками. Известными основаниями для слухов было наличие в клинике закрытого помещения, доступ в которое имели только Ванцетти и Блажевский, да полоумная их служанка, убиравшая в помещении. Достижения в области технической химии и фармакологии, которых добился профессор Гордиенко, существенно способствовали реализации научных планов Ванцетти. Профессор-хирург Струве также оказывал значительное содействие в деле исследований, занимаясь микробиологией и изучая болезнетворные бактерии, особенно во время холерной эпидемии 1847 года.

В хирургической клинике занимались и практикой лечения глазных болезней, успешно снимались катаракты, в чём особенно преуспевал профессор Наранович, находившийся в известной оппозиции к Ванцетти.

По смерти Ванцетти хирургическую клинику возглавил профессор Наранович. Первое, с чего он начал, приказал взломать дверь в закрытое помещение лаборатории. Однако ломать не пришлось, ибо невнятно бормотавшая что-то служанка подала ключи профессору. Вошедшие в помещение не нашли там ничего особенного: несколько практически пустых столов, да немного простейших хирургических инструментов и препаратов. Всё исчезло: уникальное оборудование, препараты, материалы для препарирования, рабочие журналы. Постояв немного в недоумении, Наранович распорядился оборудовать помещение для размещения стационарных больных. По странному стечению обстоятельств большинство больных, помещаемых в эту палату, после непродолжительного лечения отправлялось прямиком в морг.

В 1859 году в заведование клиникой вступил профессор Грубе, стоявший во главе её без малого сорок лет. Всё вернулось на круги своя, и хирург Блажевский, и полумная его помощница. Тайная работа в лаборатории стала ещё интенсивнее, но продолжалось это не долго...

Глава восьмая. СОН. ВСТРЕЧА С ФИЛОСОФОМ

Учёба в Ришельевском лицее в Одессе дала возможность Николаю Федорову в очередной раз проявить свои блестящие способности. Он много читал, участвовал в диспутах, демонстрируя поразительные, поистине энциклопедические познания в самых разных областях жизни, науки, искусства. Его ищущий ум не останавливали никакие преграды. Большое внимание и упорство проявил он для овладения основными европейскими языками, но неплохо разбирался и в ряде восточных, даже одно время сильно увлекся китайским.

Осень 1851 года – время интенсивной работы над собой. Именно тогда Николаю часто снились сны, но память, занятая множеством разнообразных знаний и сведений, не всегда и не надолго удерживала текущие сны. Вот и нынче, в один из последних дней октября, когда хмурое небо нависало над Одессой, когда несколько дней кряду не прекращался нудный в своей монотонности дождь, ночью ему приснился сон. Сон странный, сон настолько встревоживший Николая, что он почувствовал, что забыть этот сон долго не сможет.

Приснилась ему поздняя осень, дождливый день. Среднего роста, немолодой, просто одетый, худощавый человек с правильными чертами лица склонившись стоит перед ним и внимательно всматривается в его глаза. В руках человек держит лопату, стоя над небольшой ямой, которую сам и вырыл.

– Кто ты? – спросил Николай незнакомца.

– Я – Варсава, – спокойно и даже с каким-то подчеркнутым безразличием ответил мужчина.

– А что ты делаешь? – снова обратился с вопросом к человеку Николай.

– Потом узнаешь, – ответил человек, назвавшийся Варсавой.

Николаю стало неловко, он почувствовал в своём вопросе некоторую бестактность. Оба помолчали, а немного погодя мужчина добавил:

– Продолжи моё дело, пусть оно станет твоей литургией.

Николай хотел было спросить человека, что это за такая «литургия», но ни спросить, ни узнать ничего более не смог. Мужчину кто-то позвал со стороны видневшегося вдали помещичьего дома и он удалился, оставив лопату воткнутой в землю. Николай осмотрелся, увидел большой яблоневый сад со взрослыми деревьями, на некоторых из них еще виднелись крупные спелые плоды...

Здесь Николай Фёдоров проснулся, вспоминая сон. Более всего он был поражён тем, что имя Варсава врезалось в его память, с ним он проснулся и мысленно повторял, пытаясь, что-то для себя уяснить. В голове крутились какие-то обрывки латинских и греческих слов, но удовлетворительного ответа не обнаруживалось. Наконец, придя в себя, он не удержался и обратился с просьбой помочь в разгадке сна к одному из старших, к пожилому учителю классической литературы Гордиенко:

– Варсава, говорите? Хм, что-то смутно припоминаю, но как-то всё неожиданно, хотя имя подобное я точно слышал. Поместье, сад, рыл яму какую-то, «литургия»? Странно... Этого ничего не припоминаю, – задумался Гордиенко. – Впрочем, это интересно, об этом я подумаю на досуге, полистаю журналы и постараюсь вспомнить.

А на следующий день он уже ожидал Николая у ворот, с нетерпением куря папиросу. Подойдя к нему, Гордиенко с воодушевлением и одновременно с досадой на себя заметил, подавая ему потрепанный журнал:

– Вот вам «Телескоп» за 1835 год, том XXVI, один из номеров. Почитайте, здесь есть достаточно большая статья о Григории Варсаве Сковороде, о малороссийском странствующем философе. Очевидно, это как раз то, что вам надо. Теперь припоминаю, что-то было о Сковороде и в «Одесском Вестнике». Если вас заинтересует, поищите потом.

Придя домой, Николай начал внимательно читать переданный ему материал о «старчике» Варсаве. Чем дальше он читал статью Хиждеу, тем больше прочитанное заставляло его задумываться о существенном, о смысле жизни, о назначении человека, о смерти и бессмертии. Особенно поразили его слова Григория Сковороды:

«Довольно надивиться не могу, если всяк человек, так родится, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свышше рожден».

Христианское мирозерцание Николая было достаточно развито, он знал это, он принимал Бога, он рассчитывал на свои силы, вдохновляемый верой. Но Варсава поставил перед ним трудный вопрос о том, что это такое «родиться во второй раз свышше». Рожденный один раз естественным образом человек проживает свою жизнь и отходит куда-то, то ли в землю (а тогда прах возвращается в прах), то ли в мир иной. И родиться во второй раз ему, человеку, не дано!? Почему же пишет старчик о другом рождении?

Вопрос этот не оставлял Николая, когда он читал дальше. И здесь ответов не было, Сковорода озадачивал все больше:

«А как нещасное дѣло есть сидѣть и быть колодником в темницѣ, так еще хуже быть в компаніи тѣх, коих Павел пробуживает: «Востани, спяй, и воскресни от мертвых...» Разбій сон глазам твоим, о нещасный мертвец! Поднимись на ноги!»

Среди круговерти аргументов и контраргументов неизвестных и где-то абстрактных Антона, Памвы и Друга подспудно автором утверждалась мысль о потребности сохранить в сердце божественную искру – веру в светлое **воскресение**, «дабы прах и пепел гробов наших не затушил ее».

Неожиданно какая-то сила остановила взгляд Николая на последующих словах «Развѣ един прах и смерть?...» И здесь от текста повеяло такой уверенностью в воскреше-

ние, что Николай воочию увидел мириады восстающих из гробов, колоссальное мельтешение жизни, радость неопишемую на лицах людей, возвращенных к жизни земной, уверенных в своей бессмертии.

Николай испытал глубокое волнение, трепет восторга прошел по его телу. Подобно Архимеду захотелось возопить: «Эврика!»

Да, он наконец нашел то, что давно где-то глубоко в его душе сидело занозой: «Смерть – это иллюзия! Прах – это еще не смерть! Живущие во гробех могут быть возвращены к жизни! Нельзя предаваться неверию в жизнь вечную. Нельзя позволить, чтобы вера в воскрешение, в жизнь вечную была затухлена категорическим принятием праха покойников и пепла гробов их как неотвратимым концом всего живущего».

Понятнее стала и мысль Григория Варсавы Сковороды о рождении в другой раз свыше. Почти воочию увидел Николай ученых склонившихся над колбами, врачей, священников и многих других, участвующих в деле воскрешения упокоившихся в прежние времена и упокоиваемых доньше. Свыше – значит извне, значит от воли и разума живущих и осознавших свою задачу и миссию!

Цель жизни прояснилась, Николай понял своё признание. Он начал с какой-то фанатической жадностью читать многообразную естественнонаучную литературу, философскую классику, фундаментальные труды отцов церкви. Одним из великих личных открытий, утвердивших его в правильности избранного дела, был «Октавий» Минуция Феликса. Особенно поразил Николая следующий фрагмент:

«В самом деле, кто же столь глуп и бессмыслен, что осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? Что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобно-

вить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших?

Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю».

Все эти новые мысли и прозрения не давали покоя молодому лицеисту. Он искал ответа на многочисленные «почему?» Что имел в виду старец, явившийся во сне, когда он призывал к делу, к литургии? И греки, и римляне называли государственного служащего *liturgus*. У христиан литургия – это массовое богослужение. Почему литургия? Николай не находил ответа. В голове переплетались мысли о воскрешении, о государственном служении, о каком-то важном для всех деле.

Известным образом помог ему всё тот же Гордиенко. Однажды, остановив Николая, он заметил:

– Я тут недавно подумал об этой вашей литургии. Думаю, что это можно понять как «общее дело». Да, кстати, в Харьковском университете преподаёт мой племянник, сын моего старшего брата Степана. Если будете когда-нибудь в Харькове, найдите его, думаю, что он изыщет средства помочь вам в ваших намерениях.

Николай поблагодарил старого учителя, даже и не предполагая ещё, как сможет воспользоваться его предложением. И подсказка относительно «общего дела» была уместной, таким образом Гордиенко высказал то, что смутно представлял себе Фёдоров: воскрешение всех живших прежде суть общее дело!

Весна 1852 года привнесла в жизнь Николая Фёдорова неожиданные изменения. Не довершив обучения в лицее, он вынужден был отправиться на родную свою Тамбовщину. В следующем году умер его дядя, губернский предводитель дворянства в Тамбове. Смерть дяди, близкого ему человека, потрясла Николая, ещё раз напомнив о том ве-

ликом предназначения его, определённом ранее. Соответственные настроения Николая усилились после прочтения стихотворения В.А. Жуковского «Сельское кладбище». Это стихотворение он обнаружил, перелистывая подшивки журналов дяди, в одном из номеров «Вестника Европы», издававшегося Н.М. Карамзиным в 1802-1804 гг.

Находясь в сложном морально-психологическом состоянии, и памятуя о предложении старого учителя Рижельевского лицея, Николай решил отправиться в Харьков, в тамошний университет дабы встретиться с его учёным племянником. И не медля долго, ранней осенью того же 1853 года, взяв с собой несколько книг, Фёдоров отправился в неблизкий путь.

Георгий Степанович Гордиенко, преподававший на физико-математическом факультете и завершавший тогда докторскую диссертацию по проблемам теоретической химии и фармакологии, принял его с радостью, помог устроить дела с жилищем, что было непросто ввиду большого наплыва студентов, спешивших снять жильё внаём. Гордиенко познакомил Фёдорова с некоторыми из своих коллег, показал Николаю университетскую библиотеку, имевшую уже тогда в своих фондах изрядно книг. С большим уважением и восторгом вспоминал он о В.Н. Каразине, как о выдающемся учёном, о человеке прогрессивном и дерзком в своих научных планах. Николаю, живо заинтересовавшемуся идеями Каразина, была предоставлена возможность прочитать его опубликованные труды, а также ознакомиться с архивом учёного.

Более всего тогда поразила Николая Фёдорова мысль Каразина о возможности управления метеорическими явлениями природы. Учёный предлагал поднять громовотвод в верхние шары атмосферы на привязанном аэростате. «Человек, вооружённый электрическою силою, – читал Николай у Каразина, – станет производить если не всё, то по крайней мере великую часть тех чудес, кои природа до сих пор предоставляла себе одной. Например, свет есть причиной цветов, запахов, пряности и сладости

соков растений, производимых теплыми странами. Искусным приспособлением сей силы, мы можем производить свет, изливаемый природой в южных лучах».

Николай оставил чтение, задумался.

«Понятно, – размышлял он, – Каразин хотел привлечь к своему предприятию людей, хотел уверить их в том, что электрическую силу должно преосуществить на другое, на дело общее всем людям, должно обратить её в орудие литургии. Каразин прав, от пассивного созерцания природных явлений надобно переходить к их разумной регуляции. Когда предлагаемое им орудие будет в руках всех общин, тогда весь метеорический процесс земного шара будет регулируем, ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара как общего хозяйства».

В читальном зале никого не было и неожиданно для самого себя, Фёдоров произнёс вслух накопившееся внутри него:

– Да, от пассивного созерцания природных явлений надобно переходить к их разумной регуляции!

Изучая дальше бумаги покойного основателя Харьковского университета, Николай обратил внимание на одну интересную работу Каразина о регуляции явлений жизни, в которой тот часто ссылался на мысли и идеи Григория Саввича Сковороды. Тот контекст, в котором делались ссылки был созвучен мыслям и настроениям самого Фёдорова. Из бумаг он точно узнал место, где был захоронен харьковский философ-старчик, могилу которого, как оказалось из заметок самого Каразина, тот неоднократно посещал. Более того, среди рукописей Василия Назаровича попадались списки с работ самого Сковороды, а некоторые страницы, написанные иной рукой, заподозрил Фёдоров в принадлежности философу.

Николай решил немедленно ехать в Ивановку, дабы посетить могилу философа да, по-возможности, пообщаться с людьми, которые либо лично знали Сковороду, либо имели какие-то бумаги его, либо располагали более менее достоверными воспоминаниями о нём. О своём намерении

поехать в Ивановку он сказал Гордиенко. Тот же, сожалея, сослался на большую занятость, немного подумал и воскликнул:

– А вы знаете, я, пожалуй, найду вам достойного человека в попутчики!

– Кто же это будет?

– Пойдёмте, я сейчас же познакомлю вас с ним. Думаю что он с удовольствием оторвётся на день-другой от своих дел, – предложил Гордиенко, прямо не отвечая на вопрос Николая.

Минут через десять они подошли к зданию хирургической клиники, где их встретили профессор Ванцетти и Блажевский. Гордиенко представил гостя, знакомя его с хирургами:

– Вот, Николай Фёдорович желает поехать в Ивановку на могилу Григория Сковороды. Я подумал, Антон Григорьевич, что вы составите ему компанию, – обратился он к Блажевскому.

– Пожалуй, составлю, если человек хороший, – улыбнулся Блажевский, и добавил, – я давно собирался ещё раз съездить на могилу философа, да всё дела, дела...

Поддержав для приличия разговор несколькими общими фразами, Гордиенко заторопился уходить. Фёдоров также не стал задерживаться, почувствовав, что врачи теперь чем-то заняты в клинике. Договорились о дне и времени выезда. Блажевский заверил, что с транспортом проблем не будет; на том и расстались.

Через два дня, поутру, отправились на бричке в Ивановку. Спустя три часа благополучно добрались до места. Хозяин слободы принял их доброжелательно, но без особого восторга. Узнав в Блажевском доктора, он попросил его осмотреть супругу, которая захворала накануне. Доктор тотчас согласился, на некоторое время задержавшись у постели больной. Помещик же предложил Фёдорову в провожатые своего сына и они отправились к могиле Сковороды.

Пройдя немного по дорожке, подросток заметил:

– Вот сейчас дорожка будет расходиться на две: одна будет идти прямо, к могиле, а другая пойдет вправо и вниз...

– Хорошо, хорошо, идёте прямо – к могиле Сковороды.

Спустя минуту они подошли к могиле философа. Гранитная плита лежала ровно, полированная поверхность её была густо покрыта пылью. Сквозь листву солнечные лучи освещали её поверхность. Став ближе к плите, Николай увидел неясную эпитафию. Сломав ветку он смахнул с плиты пыль и на её светлой полированной поверхности появилось: *«Миръ любилъ меня, но не поймавъ»*. Николай от неожиданности вздрогнул. Ему захотелось остаться одному, и взмахом руки он отпустил провожатого. Провожатый, потоптавшись немного, напомнил ему, что гостей ждут к обеду и отправился восояси. В задумчивости Николай присел на лежавшую поодаль замшелую толстую дубовую колоду. Прошло около получаса, а Блажевского всё не было. Очевидно, он задерживался возле больной. Фёдоров решил пройтись дальше по усадьбе сам.

Немного спустя он пошел обратно и повернул на тропинку, ведущую влево. Дорожка круто спускалась вниз. «Сейчас я увижу большое дерево!», – прорезала сознание Николая неожиданная мысль. И, действительно, сразу же он увидел внизу крону огромного дуба. Чуть позже увидел и мощный ствол. «За дубом будет пруд!», – опять какой-то голос изнутри дал подсказку Николаю. Действительно, за дубом оказался пруд, а рядом, метрах в двадцати старый замшелый дубовый сруб колодца.

Возле колодца на траве сидел старик. Он внимательно взглянул на Николая и спросил:

– Григория Саввича пришел проведать?

– Да, был на могиле, – ответил Николай.

– Теперь на могилу никто почти и не приезжает. Видать все бывшие гости уже и сами упокоились, сами ждут, чтобы их проведали, – философски заметил старик. – Видать и Григорию Саввичу никто из нынешних не нужен.

– Вы сами его знали? – спросил Николай.

– А то как же, много раз видел, почитай на моих руках и доставлен был в вырытую им самим могилу.

– Он что, сам себе и могилу вырыл? – удивленно переспросил Николай, при этих словах ясно вспоминая согбенного человека с лопатой из давешнего сна.

– Ну не совсем сам. Рассказывали, что копать начал сам и место тем нам указал...

– Вы видели, что он сам копал?

– Нет, мне рассказывали...

– А о жизни вечной, о воскресении он говорил вам что-нибудь? – с надеждой спросил старика Николай.

– Нет, со мной он не разговаривал, мы для него – это люди простые. Он всё больше с господами разговаривал, с батюшкой, со старостой, – умный был человек, – любил сам посидеть, писал что-то. Потом у нашего Андрея Ивановича гости смотрели эти записки, торговали их у него.

– Староста был умный человек? – переспросил Николай.

– Да, староста был умный человек, – подтвердил старик. – Он часто с Григорием Саввичем разговаривал, записывал их разговоры. А тот ему еще и свои записки давал списывать. Какие-то ему и навсегда оставлял.

– Ещё у кого-то были его записки? – с надеждой спросил Николай.

– Наверное, были. А у старосты точно были, он любил и сам записывать. На похоронах и поминках складно говорил...

– А где этот староста сейчас? – надеясь на неожиданную удачу, спросил Николай.

– Где, где? Там, где всем нам Господь уготовил место. Помер он, почитай... – старик приумолк, напряжённо сморщил лоб и шевелил губами. – Да уж лет тридцать как его нет.

– Может быть, записки его, о которых вы говорили, у кого-то сейчас находятся? – опять повторил свой вопрос Николай.

– У господ можно поспрашивать, да и батюшка наш, отец Никодим, может что-то знать...

Здесь старик умолк, подумал немного и с нескрываемой досадой добавил:

– Хотя нет, у господ ничего спрашивать не надо. Нет у них ничего, а если что и было, сожгли, небось. Не чтут нынешние господа Григория Саввича, не чтут, могилу запустили... Хозяйка постоянно хворает... Господь, Он всё видит... А у отца Никодима поспрашивайте.

Фёдоров подробно расспросил старика как найти дом отца Никодима. Получив необходимые разъяснения и видя, что от старика он ничего больше интересного не узнает, Николай поднялся с травы, постоял ещё возле старого дуба, возле которого его удерживала непонятная ему сила, вновь вернулся к могиле философа, постоял и там несколько времени, и тогда отправился к помещицкому дому. По дорожке навстречу ему торопливо шёл Блажевский. Извинившись за задержку, он попросил Фёдорова подождать пару минут, пока он проведает могилу.

Отобедав, гости по просьбе Фёдорова отправились к отцу Никодиму. У ворот их встретила женщина средних лет и узнав, зачем они пожаловали, провела в горницу. Застали они священника лежащим в постели. Вместе подошли к нему, поздоровались. Старик тяжело дышал, временами закрывал глаза и стонал. Осмотрев больного, Блажевский грустно покачал головой, показывая, что дела батюшки плохи. Однако старик, увидев гостей приободрился, и пожелал узнать, что привело их к нему.

Фёдоров, с первого взгляда понял, что по возрасту своему священник едва ли мог о чём-то серьёзном говорить со Сковородой, но не теряя надежды, спросил:

– Отец Никодим, говорят, что вы знали Григория Саввича Сковороду?

– Нет, я лично не знал его. Служить в Ивановку я поступил, почитай, лет через десять по его смерти. Слушали его и записывали слова его мудрые мой предшественник да староста. Но оба давно уже умерли, – отвечал отец Никодим, с трудом смахивая выступившие на глазах слёзы.

– А записи эти остались у кого-то? – с той таки надеждой продолжал спрашивать Фёдоров.

– Память моя ослабела, простите. Не помню, кто вы? – переспросил отец Никодим.

– Мы из Харьковского университета, преподаватели, – отвечал Блажевский. – Я к тому же и врач. Кто вас здесь использует?

– Мы по-своему, по-домашнему лечимся. Да, для каждого наступает время, когда думать надобно не о лечении, а о том, с чем явишься к Господу, какой ответ держать будешь, – устало молвил старик. – Записи хотите получить от Сковороды? Которые мне перешли от покойного старосты? Много он мне рассказывал, да не сподобился я как ученик достойный...

Батюшка закрыл глаза, тяжело задышал, с надрывом закашлялся. Гости молча стояли возле постели. Видя, что тот не открывает глаза, Блажевский подозвал женщину, которая молчаливо топталась у порога во всё время разговора и начал вполголоса давать ей советы, что давать больному для облегчения его состояния. Та согласно кивала головой, обещая исполнить рекомендации.

Наконец священник открыл глаза и увидев стоящую рядом женщину, промолвил:

– А, и ты здесь. Это хорошо. Подай мне тот короб, где хранятся бумаги мои.

Пока женщина ходила к столу за бумагами, он заметил:

– Дочь моя, старшая, вдова. Остальные все разъехались кто куда.

Здесь подошла дочь с коробом, начала доставать оттуда исписанные листы пожелтевшей от времени бумаги. Старик внимательно смотрел на них и взглядом показывал, какие куда раскладывать. Видно было, что с содержанием написанного он был хорошо знаком. Спустя время всё было упорядочено. Жестом старик показал дочери, что положить обратно в короб и отнести на место. На постели, под рукой его осталась значительная стопа бумаг,

среди которых выделялись две аккуратно переплетённые тетрадки.

– Вот всё, что мне передали в наследство, и всё, что я сам собрал здесь. Вся моя память о Григории Саввиче, о философе мудром и истинном человеке, – неожиданно твёрдым голосом произнёс он.

Оба, и Фёдоров, и Блажевский молча смотрели на стопу бумаг, многие из которых помнили прикосновение рук самого великого мыслителя. Они с нетерпением ждали решения. Внимательно обведя взглядом гостей, отец Никодим произнёс, указывая на Фёдорова:

– Это всё передаю тебе. Распорядись наследием с умом.

Оглянувшись на Блажевского, Николай с трепетом взял все бумаги и тетрадки в руки.

– А тебе, – обратился священник к доктору Блажевскому, – спасибо за советы дочери. Я всё слышал. Не обижайся, делить не хочу, чувствую, ему нужнее. Спасибо, что зашли к старику.

Оба гостя благодарно пожали старику руки. Он жестом указал им уходить. Не скрывая слёз от переполнявших его чувств от неожиданного обретения, Фёдоров выходил из дома. Блажевский дружески пожал ему руку, точно соглашаясь с решением старого священника.

Глава девятая. ПУТЬ. ВЕЧНЫЙ СТРАННИК

По возвращении в Харьков Блажевский пригласил Николая Фёдорова к себе в хирургическую клинику. В небольшом кабинете, где обычно размещались врачи, записывая в журнал результаты наблюдений над больными и обсуждая свои профессиональные вопросы, между ними состоялся обстоятельный разговор.

– Николай Фёдорович, я принимаю выбор отца Никодима, думаю, что он вчинил мудро. Замечу, что мы с профессором Ванцетти имеем несколько работ Сквороды, которые представляют для нас очень большую ценность. Просматривая подаренные вам тексты, я убедился, что они в значительной мере идейно совпадают с тем, что мы имеем. Так что и с этой стороны всё справедливо.

– Спасибо, на добром слове, – отвечал Фёдоров. – Я рад, что здесь у нас не возникает недоразумений, хотя, скажу честно, я готов для вас сделать полный список со всего, что мне было передано.

– Хочу вас спросить, Николай Фёдорович, что вы ищите у Григория Саввича? Ибо мне показалось, что у вас есть какой-то конкретный интерес.

– Меня поразили и вдохновили мысли философа о вечной жизни, о возможности воскрешения. Я ещё не вполне и для себя понимаю философию вышеозначенного, но если следовать духу Библии, а это и для меня книга священная и символическая, то возможно ведь это, правда, возможно? Какое ваше личное мнение?

Блажевский стиснув руки внимательно и с нескрываемым напряжением слушал сбивчивые слова Фёдорова. Когда тот закончил свою мысль, он облегчённо вздохнул и улыбнулся:

– Это потрясающе, вы только что увидели рукописи Сквороды и уже мыслите такими вещами!

– Нет, не только что, я думаю об этом уже два года.

– И это хорошо! Мы с профессором практически занимаемся этой проблемой уже шесть лет... Григорий Саввич – это потрясающей глубины мыслитель и провидец. Через него мы обратились к трудам Декарта. Мы стали руководствоваться идеями и этого мыслителя. Вместе с профессором Ганом, руководителем акушерской клиники, мы полагаем, что природа и природа человека также устроены разумно, – здесь он остановился и подчеркнул, – да, разумно! Ибо высший разум всё устроил! Если из малюсенькой оплодотворённой яйцеклетки может инкубироваться целостный человек со скелетом, волосами, печенью, кровью, то, очевидно, что каждая исходная клетка несёт в себе все эти потенции. Природа даёт возможность каждой из ограниченного числа изначальных клеток стать чем-то, чем эта клетка предпочитает стать!

– Позвольте, – прервал Блажевского Фёдоров, – как это клетка может **пожелать стать**?

– Возможно, я не совсем точно высказался, но суть дела в том, что любая из некоторого количества исходных клеток человеческого зародыша до какого-то момента может быть основанием для образования специфического человеческого органа или кости, или кожи. Позже это, по-видимому, уже становится невозможным.

Николай Фёдоров не смог скрыть своего удивления от услышанного:

– Шесть лет медики занимаются практическим делом! Как здорово! И что, есть какие-то успехи? – неуверенно спросил он.

– Об успехах говорить рано, но если хотите, можете взглянуть на нашу лабораторию, – предложил Блажевский.

Они вышли из кабинета и отправились в закрытое от посторонних глаз помещение. Фёдоров был поражён обилием сложной лабораторной техники, понимая, что это самое современное оборудование.

– Вот здесь мы и ищем разгадок тайны жизни и смерти вместе с руководителем акушерской клиники профессо-

ром Ганном. Но, увы, возможности нашего оборудования недостаточны, чтобы соответствовать нашим идеям.

– И ещё кто-то вам помогает? – не удержался от вопроса Фёдоров.

Блажевский отрицательно покачал головой, приглашая гостя покинуть лабораторию. Выйдя вслед за Фёдоровым, он тщательно закрыл за собой дверь на ключ. Собеседники вышли на улицу, прощаясь. В последнюю минуту Фёдоров спросил у Блажевского:

– Вы говорили, что у вас есть тексты Сковороды. Можно ли мне с ними ознакомиться?

– Думаю, что это не имеет смысла, так как у вас практически те же списки с работ философа, – уклонился хирург от прямого ответа.

Фёдоров понял позицию доктора, а спустя два дня и сам уехал из Харькова. Оставляя этот город он со смешанными чувствами. Пророческий сон оказался с существенной подоплекой, а получив несколько списков с текстов Сковороды, он утвердился в мысли о возможности воскрешения, появилась ясная жизненная перспектива.

Много лет Николай Фёдоров провёл в поисках ответов на поставленные самим же вопросы. Образ философа Сковороды не оставлял его во всё это время. В 1863 году Фёдоров ещё раз посетил Харьковский университет, чтобы пообщаться с доктором Блажевским, но с доктором встретиться он не смог. Как холодно сообщил ему профессор Грубе, заведовавший тогда хирургической клиникой, Блажевский около года как уехал в Курск, желая заниматься «живой врачебной практикой». Не оставляло Фёдорова и желание собрать работы Г.С. Сковороды, которые могли быть у наследников его учеников и друзей. Успеха здесь он также не добился. Одни говорили, что работы эти давно уже переданы кому-то, другие проявляли полное неведение, третьи наотрез отказывались не то что передать имеющиеся тексты, но даже показать их не пожелали.

Осень 1874 года Н.Ф. Фёдоров встречал в качестве библиотекаря Румянцевского музея, центральной москов-

ской библиотеки. В один из осенних вечеров этого года он, сидя в теплом помещении каталожной, продолжал размышлять над творческим началом идей В.Н. Каразина. Две категории учёных видел библиотекарь. Не отрешившиеся ещё от общего родового чувства во всех открытиях ищут и будут искать только средства восстановления и обеспечения существования. Напротив, Кант с Лапласом вкупе, как и их последователи и сторонники, объясняют образование мировых систем без всякого участия в нём творческой силы разума. Те же, кто не отрешился от общего родового чувства, свою задачу видят в отыскании способа восстановления угасающих миров силами действующего разума.

В другой раз, беседуя с путейским инженером, одним из своих постоянных гостей, Фёдоров говорил:

– Продолжая мысль Каразина, допустим, что электрические токи на земле получили определённые направления посредством ли телеграфных проволок, обвивающих землю в виде спирали, или другим каким-либо способом. Земля станет огромным электромагнитом, что усилит и расширит область её действия. Земля сможет влиять и на процессы солнечного лучеиспускания, будет способствовать созиданию нового небесного свода, управлять магнитной силой самого солнца.

Отвечая на возражения, Фёдоров утверждал:

– Мы даже не сможем знать достоверно, какую силою движется наша земля, пока не будем управлять её ходом.

Инженер опять возражал, желая говорить о вещах более очевидных, более земных, о нравственности, например.

– Николай Фёдорович, давайте говорить о том, что с каждым поколением общество становится всё более безнравственным, создаются всё новые теории, обосновывающие правомерность этого явления.

– Отчасти с вами я соглашусь, – заметил Фёдоров, – но лишь отчасти. Препятствия к построению нравственного общества заключаются в том, что нет дела настолько обширного, чтобы поглотить все силы людей, которые в

настоящее время расходятся на вражду. Но можно привести множество примеров, что человечество не может удовлетвориться тесными пределами земли, только земным. Вот и нынче мы видим рядом с проявлением «царства мира сего» во всей его грязной действительности и Царство Божие в виде самообольщений (магнетизм, спиритические сеансы и пр.). Если не будет естественного, реального перехода в иные миры, будут фантастические, экстатические хождения, будут упиваться наркотиками. Да и обыкновенное пьянство может стать чистой, всепоглощающей деятельностью.

– Так что же делать, где выход? – вопрошал инженер.

– Выход в том, чтобы перейти от пассивного созерцания и предсказания явлений к их разумной регуляции, как то дерзнул утверждать основоположник Харьковского университета Василий Каразин.

– А конкретно, чем вы предлагаете заняться человечеству?

– Обратить бессознательный процесс рождения, а также и питания в действие, во всеобщее воскрешение. Таким путём человечество через воссозданные поколения делает все миры средствами существования. Таким путём разрешится и санитарный вопрос: возвращение разложившихся частиц тем существам, коим они первоначально принадлежали.

– Допустим, это станет возможным, – рассуждал путеец, – но тогда земля переполнится людьми воскрешёнными, новые будут массово нарождаться, где на всех набраться пищи, жилья?

– Те люди должны будут задуматься над важным вопросом: «Нужно ли множить массу живущих, если живущие уже обрели жизнь вечную?» Думаю, что они скажут «Нет!» А посему, желание рожать они будут рассматривать как похоть со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– И тогда человек, лишённый страстей, любви, привязанностей и многого другого человеческого становится

вечным странником, не ведающим откуда, куда, зачем путешествует он, – умозаключил путеец.

– Я думаю, что тот, воскрешённый человек, обретший жизнь вечную, найдёт достойную замену похоти, поскольку она связана с деторождением, как средством обеспечения себе поддержки в старости, – уверенно начал Фёдоров, но неожиданно осёкся.

Он начал лихорадочно в ящиках стола перебирать бумаги, простые тетрадки и тетрадки, переплетённые в книжки.

– Что-то случилось, Николай Фёдорович? – спросил удивлённый его действиями инженер.

Фёдоров помотал головой, недовольный тем, что его отвлекают. Наконец, он удовлетворённо хмыкнул, найдя необходимый ему текст:

– Нашёл! Как же это я упустил из виду, – посетовал он на самого себя, – забыл слова старчика. А он ясно указывал на пределы.

– Извините, не понимаю, какой старчик, какие пределы?

Старчик – это Григорий Саввич Сковорода, харьковский философ. А пределы, – это то, что мы должны принимать, принимая атомистическое учение Демокрита.

– Демокрит, атомизм – это же чистый материализм, – заметил инженер.

– Не скажите, атомы такое же есть творение Божие, как и всё остальное. Да только я теперь понимаю, почему надо возвращать к жизни живших прежде! Ибо только таким путём мы поймём пределы, до которых возможно будет увеличить число живущих на земле. Важно понять, что население планеты может возрастать путем новых рождений. Но число людей, могущих быть рождёнными на планете, ограничено массой органических атомов! Возрастание числа людей на каком-то этапе непременно будет приводить к сокращению других видов животных, простых живых организмов, а в конце концов и растительного мира. Вот о чём предупреждал Сковорода, фиксируя внимание на трёх родах атомов.

– Вы хотите сказать, что когда значительная часть атомов органического вещества пойдёт на создание людей, то они сами создадут условия для своего же вымирания? – удивился инженер.

– Вот, вот, здорово вы подметили, – обрадовался Фёдоров. – Именно так и мыслил Сковорода, утверждая, что смерть – это перерождение в другую форму бытия.

Немного подумав, он продолжил:

– Если бы известная часть людей могла покинуть землю и переселиться на другие планеты, тогда жизнь на земле можно было бы оптимизировать...

Слушая слова Николая Фёдоровича, инженер с сомнением кивал головой:

– А вы уверены, что на других планетах есть жизнь, что люди земные найдут там себе пищу?

– Да, я уверен, ибо весь живой мир, при неблагоприятных условиях вымирает, обращается в мертвую планету, – заметил Фёдоров, – хотя может быть и иначе, может статься так, что на планете еще нет жизни, но потенциально она может прозябнуть. Вот поэтому человечество, научившись воскрешать людей, получит знания, достаточные, чтобы оживлять целые планеты таким образом, что они превратятся в источники жизни, пищи и радости для населивших их земных людей.

– Фантастика, Николай Фёдорович, фантастика, – с сомнением покачал головой инженер, собираясь прощаться и уходить.

Подавая ему на прощание руку, Фёдоров сказал:

– Это не фантастика, надо просто понять и принять, что всё живо и только временно находится в небытии, в форме неорганизованной мертвой материи! И оживить её – великая миссия учёного сословия и всего мыслящего человечества.

В начале лета 1886 года жизнь преподнесла Н.Ф. Фёдорову сюрприз. Сказать, что он был совсем неожиданным нельзя, ибо сердце всегда подсказывало мыслителю, что наступит та минута, когда он сможет получить

в свои руки что-то очень важное о жизни и идеях полюбившегося ему ещё в годы пребывания на Украине старчика Григория Саввича Сковороды. И минута такая наступила. Один из знакомых его друзей, профессор математики, человек преклонных лет и внук известного в начале столетия профессора красноречия и философии Московского университета Прокофия Петровича Никулина, принёс в дар библиотеке ряд неопубликованных рукописей своего деда.

Среди принесённого находилась и объемистая папка, в которую помещено было значительное число оригинальных работ Г.С. Сковороды. Как явствовало из заметок самого П.П. Никулина, эти работы были получены им от сына Я.П. Правицкого сразу же по смерти самого Якова.

— Эту папку я передаю лично вам, — сказал старый профессор математики. — Распорядитесь, как сочтёте нужным.

Наибольший интерес Фёдорова вызвала та часть рукописей, которая принадлежала перу самого иерея Правицкого, делившего своими воспоминаниями о беседах с философом. Им же были записаны также воспоминания самого Сковороды о его беседах с друзьями, а также воспоминания ближайших друзей о темах, словах, впечатлениях наиболее им запомнившихся.

Целую бессонную ночь провёл Фёдоров, разбирая рукописные тексты. Здесь он нашел ответы на вопросы, которые будоражили его ум ещё в студенческие годы, когда читал он статью Хиждеу и работы других исследователей творчества Сковороды. Многое становилось теперь на своё место. Неописуемый экстаз испытал мыслитель, в сознании вспышками зажигались идеи и прозрения.

Полученные материалы существенно расширили представление Фёдорова о философии Сковороды. К тому же эти рукописи могли существенно пополнить фонд рукописей Сковороды и писем его и к нему, которые сам Фёдоров обнаружил в архивах библиотеки, которые внимательно изучал и бережно сохранял. Важным моментом явилось

и то обстоятельство, что принесенные внуком Никулина материалы напомнили Фёдорову о Хотетово, о селе близ Орла, где жил ближайший ученик Сковороды – Михаил Ковалинский.

Фёдоров решил подаренную папку пока оставить в личное пользование, Подумал он и том, что надо немедленно отправиться в Хотетово, чтобы разузнать о судьбе тех работ, которые Григорий Саввич самолично передал ученику в последние месяцы своей жизни. Своим намерением Фёдоров поделился с профессором и тот, несмотря на возраст и болезненное состояние, выразил желание поехать вместе с ним.

В то же лето поездка в Хотетово состоялась. Действительно, практически все рукописи, переданные Сковородой своему ученику были в наличии и находились в хорошем состоянии. Вначале внучка Ковалинского, узнав о причине визита московских гостей, категорически отказывалась расстаться с фамильным достоянием. Однако под влиянием продолжительных объяснений и уговоров, в которых весьма преуспел Никулин, согласилась продать рукописи. Последовал непродолжительный торг, владельца уступила и рукописи были торжественно доставлены в Москву, в библиотеку. Великое дело было сделано, Фёдоров снял с души груз, который давно нёс. Теперь практически все труды философа были доступны для изучения.

Вскоре после этого события в гости к нему пожаловал Константин Циолковский, который буквально фонтанировал идеи. Николай Фёдорович радостно встретил своего ученика, спеша поделиться важными для себя открытиями. Практически Сковорода вновь утвердил его в правильности избранного направления мыслей. Фёдоров стал говорить о вечности и незыблемости атома, об атомах органической природы, о воскрешении.

Циолковский внимательно слушал своего учителя, порываясь и сам высказаться. Наконец, учитель остановился и такая возможность появилась:

– Николай Фёдорович, я не согласен. Я уверен, что части космоса – атомы живут миллиарды лет, но всё же они разлагаются. Хотя не исключаю, что мельчайшие их доли, продукты разложения, вечны. Периодически они снова соединяются и дают те же атомы. Таким образом обеспечивается постоянство космоса: он точно играет, как играют волны в море.

– Все философы утверждают обратное, атомы вечны, неизменны, каковыми и сотворил их Господь Бог, – твёрдо сказал Фёдоров. – Да и то подумай, зачем ты признаёшь вечное существование мельчайших долей атома? Практически ты вводишь то же представление об «атомосе».

– Хорошо, Николай Фёдорович, давайте этот вопрос оставим на потом, – примирительно сказал Циолковский. – Но есть другой вопрос: зачем и почему существует этот мир, ну и конечно, все мы, то есть суть материя. Вопрос этот прост, но кому мы его можем задать? Самим себе? Но это тщетно! Тысячи философов, ученых, религиозных деятелей за несколько тысячелетий так или иначе пытались его разрешить, но, наконец, признали его неразрешимым. От этого факта не стало легче тому, кто этот вопрос задает себе. Он все так же мучится, страдает из-за своего незнания, некоторые люди даже говорят, что вопрос такого рода «ненаучен» (поймите это: ненаучен!), ибо ответить на него никто даже из умнейших людей не может. Только они, эти умнейшие люди, не объяснили, почему он ненаучен.

– Интересный вопрос, но выходит, что не для умнейших, – улыбнулся Фёдоров. – Вопрос этот для тех, кто хочет уйти от мира сего. Проще всего задаваться вопросом «зачем я, мы, мир существуем?» Намного труднее жить, творить добро, бороться со злом. Уверяю тебя, как только человеческая жизнь неимоверно продлится, как только воскрешение живших прежде совершится, этот вопрос утратит смысл. Ибо что мы можем знать о мире, о смысле, о цели, проживая свою недолгую, исполненную переживаний и страданий жизнь?

– Вы ответили вопросом на вопрос, – с грустью проговорил Циолковский. – Я подумал, так всякий вопрос может быть научным, если на него рано или поздно будет дан ответ. Например, через сто или через тысячу лет мы узнаем, как устроен атом, хотя вряд ли узнаем, что такое «электричество», из которого построены все атомы, вся материя, то есть весь мир, космос и т. д. Потом наука многие тысячелетия будет разрешать вопрос о том, что такое «электричество». Значит, как наука ни старается, природа все время ставит ей новые и новые задачи величайшей сложности! При разрешении вопроса об атоме или об электричестве возникнет еще новый вопрос о чем-либо малопонятном человеческому уму... И так далее. Выходит, что либо человек не дорос до решения такого рода проблем, либо природа хитрит с ним, боится его, как бы он не узнал более, чем то положено по уставу. А об уставе этом мы тоже ничего путного не знаем. Опять «темно во облацех». Так одно цепляется за другое, а в действительности выходит, что мы стоим перед непроглядной стеной неизвестности.

Фёдоров выслушал ученика, и с неподдельным смирением заметил:

– Агностиком быть просто. Однако надо верить в человека, в силу и праведность Промысла Божьего и тогда всё у человека будет получаться...

– Да, – замялся Циолковский, – я или что-то не так сказал, или не вовремя. «Зачем?» – мало кто вопрошает. Ибо трудностей много у человечества, проблем много впереди: искать спасения от земных катастроф, от перенаселения, искать лучших условий существования в случае понижения солнечной температуры, преодолеть смерть. Знаю, что человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все около-солнечное пространство.

– Интересно сказал ты, Константин. Говоришь, «в погоне за светом». Интересно! Знаешь, я вот читаю теперь

новые для меня работы Григория Сковороды, харьковского философа. Он говорит, что человек, правда редко какой человек, может развить в себе тело духовное или ментальное. Когда это удаётся человеку, все его мыслительные функции повинуются сознанию и воле. И тогда этот человек обретает такое тело, которое состоит из материи Солнца, что позволяет ему существовать уже и после смерти менее долговечного звёздного или природного тела. И существовать, доколе будет существовать Солнце...

Оба несколько помолчали, размышляя над такой перспективой. Фёдоров продолжил:

– И говорят, что человек сам становится солнцем, подобно солнцу становится владыкой всех тварей... Ведь и мы хотим этого!?

– Григорий Сковорода, говорите. Не слышал о таком. Но сказанное им – чистый оккультизм!

– А каким же станет человек, если обретёт жизнь вечную посредством земных манипуляций? – задумался Фёдоров.

– Думаю, что претерпит природа его важные изменения, – не удержался от реплики Циолковский.

И ещё не одну тему затронули они в той беседе далеко за полночь.

В самом начале 1892 года в каталожной Николая Фёдоровича появился очередной гость.

– Дмитрий Иванович Багалий, профессор Харьковского университета, – представился он.

Николай Фёдорович обрадовался гостю и поинтересовался, чем может служить ему. В ходе беседы обнаружился интерес профессора

Д.И. Багалий (1857-1932)

к работам Сковороды. Как объяснил сам Д.И. Багалий, в этот раз он приехал из Петербурга, где изучал и делал списки с обнаружившихся в тамошних библиотеках и архивах работ Г.С. Сковороды:

– Мне сообщили, что в вашей библиотеке также есть рукописи Григория Саввича, и я хочу ознакомиться с ними, поскольку мы в Харькове планируем издание сочинений философа, писем его и к нему. Ныне у меня есть и оригинальные работы, и списки, и немного писем. Чем вы можете поспособствовать в нашем намерении? – обратился Багалий к Николаю Фёдоровичу.

– Покажу вам всё, что есть в наших архивах, позволим сделать и списки, и фотокопии, – доброжелательно отозвался Фёдоров.

В продолжение всего пребывания Д.И. Багалия в Москве Н.Ф. Фёдоров неоднократно беседовал с ним о философии Сковороды, о своей концепции мироустройства, о человеческом естестве. Однажды Фёдоров затронул тему воскрешения. Начав слушать его идеи, спустя немного времени Багалий, не дослушав мыслителя, с плохо скрываемым раздражением заключил:

– Трудно мне принимать это. Ну, допустим, что воскресите, и что же ждёт человека этого вашего, воскрешённого? Он станет вечным странником, он землю свою потеряет.

– Зато обретёт путь, и вся Вселенная станет ему родной, – заметил Фёдоров.

Поразило его однако, как дивным образом совпали умозаключения инженера-путейца и историка-профессора. Впрочем, после такой оценки своих идей Николай Фёдорович почувствовал, что давать для ознакомления харьковскому профессору содержимое подаренной ему лично папки не следует, особенно же ввиду особенностей содержания воспоминаний священника из с. Бабаи Якова Правицкого. Не слышал и не знал Багалий и о работах медицинской лаборатории Харьковского университета в бытность ее руководителями профессоров Ванцетти и Грубе.

На вопрос В.С. Соловьёва об успехах работы Багалия над трудами «харьковского философа», Фёдоров заметил:

– Ум регистраторный и чужд истинному философствованию Сковороды.

– Молодой ещё, вникнет, – снисходительно заметил Соловьёв. – Собираение и издание работ мыслителя – это дело благородное, оно способствует осмыслению содержания их, последующему переосмыслению и прочая, и прочая. Будет делать комментарии, думаю, что будет философствовать...

Николай Фёдорович понимающе улыбнулся:

– Кстати, Владимир Сергеевич, ваш Антихрист, которого вы назвали сверхчеловеком, ведь не иначе как сверхчеловек в нищепанском смысле, а вовсе не тот сверхчеловек, каковым он должен стать.

– Почему вы так полагаете? – с настороженным удивлением отозвался Соловьёв.

– Потому что в христианстве «сверхчеловек» означает «новый» или «обновлённый», «совлекшийся ветхого» и «возрождённый», что связано с всеобщим крещением. А посему, я считаю, что возможно сделать человеческий род **сверхчеловечеством**, и не в мистическом, а в **материальном смысле воскрешения и бессмертия**.

– Теперь понятно, – примирительно улыбнулся Соловьёв. – Я помню вашу идею, что есть два материализма: **материализм подчинения** слепой силе материи и **материализм управления материей**.

– Верно, только вы не уточняете мою мысль. Я утверждаю, что материализм управления материей должен реализоваться в самой природе, делаясь её разумом, **регуляцией**.

– И здесь диалектика: два материализма, два сверхчеловека, два начала: животное и человеческое, – точно, обращаясь к самому себе, произнёс Соловьёв.

Фёдоров, внимательно перелистывавший рукописные страницы, тем не менее не отвлекался от разговора с Соловьёвым:

– Вот, вот, и я о том же, и Скворода о том же, о сфинксе: девичья голова, тулуб львиный..., интересно. Это он так о Библии, как о древнем чудовище, мучившем древле египтян.

– Это вы Сквороду цитируете, Николай Фёдорович?

– Да, действительно, по голове – человек, по туловищу – скот и зверь. Это соединение, конечно, загадка, соединение же божеского с человеческим станет разгадкой, – мечтательно улыбнулся мыслитель. – Весь вопрос заключается в том, что такое третья нога или рука. Какое ей назначение? Это – регулятор природы, это – орудие воскрешения. Сфинкс – это изображение человеком самого себя в его нынешнем состоянии; это соединение двух природ и двух волей, человеческой и животной.

– И в чём же всё-таки разгадка? – улучив паузу, спросил Соловьёв.

– Разгадка в **богочеловеке**, как существе познающем и властвующем над природой, т.е. слепой силой.

– Разным нам видится богочеловек, Николай Фёдорович, разным. Волюнтаризма много у вас.

– Пусть волюнтаризм, пусть материализм управления, но главное – сознательная регуляция природы. Она возвышает человека до богочеловека! – решительно сказал мыслитель Н.Ф. Фёдоров.

Часть вторая

*Опереться можно только на то,
что сопротивляется.*

Элифас Леви

**Хозяин
каталожной**

Глава первая. РАФАИЛ ГРИНЕВСКИЙ

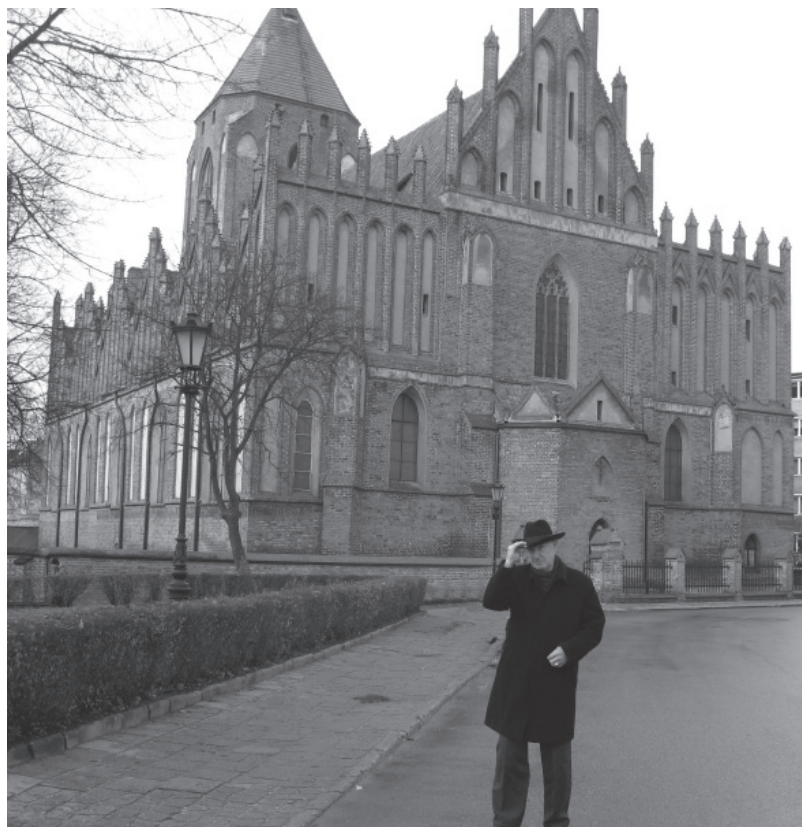
Наши мысли не появляются из ниоткуда и, естественно, в никуда не исчезают. Когда нас что-то очень сильно беспокоит, длительное время не отпускает, то это не что иное как реакция, возможно, на некое воздействие из прошлого, а, возможно, – это запрос из будущего.

Сказанное в самом общем плане, однако, касается одной важной темы, которая вызывала у меня много вопросов: философия «общего дела» Н.Ф. Федорова (1828–1903). Едва ознакомившись с его основной работой, я был уверен, что идеи Федорова получили практическое развитие не только на уровне теории и практики ракетоплавания К.Э. Циолковского (1857–1935) и основных принципов селекции растений И.В. Мичурина (1855–1935), но они непременно должны были воплотиться и в теорию, и в практику воскрешения живых организмов. Более того, я чувствовал, что «вожди», преобразователи отечества и мира на квазикоммунистических началах многое скрыли, и что учение должно было **и непременно сработало** и в сфере социально-экономических преобразований общества. «Но кто мог быть реальным последователем Н.Ф. Федорова в означенных сферах?» – вот вопрос, которым я задавался много раз. Впрочем, никаких достоверных сведений по этому поводу в литературе я не находил.

Несомненно, что в жизни есть некая неотвратимая закономерность, некоторый промысел Всевышнего ли, Абсолютной Истины или чего-то всегда/еще недоступного несовершенному разуму человеческому.

Я имел возможность убеждаться в этом неоднократно и мне казалось, что трудно удивить меня еще чем-то. Но вот, находясь в качестве professor-visiting в краях Варминско-Мазурских, в дивном городе Ольштыне, созерцая красоты окружающей природы и замок-крепость, в котором творил великий мыслитель Николай Коперник, я получил приглашение от директора института филосо-

фии профессора Евы Старжиньской-Костюшко посетить Фромборк, место многолетнего служения и вечного упокоения Коперника.

Проф. В.Н. Вандышев. Орнета. Костёл.

Ранним ноябрьским утром 2007 года мы, группа университетских профессоров, отправились на автомашине во Фромборк. Путь наш был неблизкий, предполагалось посетить попутно и другие значительные исторические места. Первым на нашем пути был небольшой городок Орнета. Здесь, возле старинного костела, мы с профессором Мечиславом Ягловским и доктором Мартой Сливой

оживленно обменивались впечатлениями от увиденного. Я отошел немного в сторону от коллег и здесь, очевидно, отреагировав на мой русский язык, ко мне подошел пожилой человек в одежде священника. Он слышал наш разговор, обращения и реплики.

– Пан профессор? Из России? – обратился он ко мне на достаточно хорошем русском языке.

– Так, пане, я профессор Валентин Вандышев, но приехал из Украины, – ответил я.

– А чем занимается пан профессор?

– Преподаю философские дисциплины, интересуюсь творчеством польских мыслителей, в частности творческим наследием Миколая Коперника. Поэтому сейчас мы и едем во Фромборк, чтобы увидеть места, где жил и творил великий мыслитель.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мой собеседник – каноник местного капитула, который ряд лет служил также и во Фромборке. Он поинтересовался какой философией я занимаюсь, ненавязчиво вчинил легкий «допрос» по курсу европейской философии, особенно напирая на экзистенциализм и психоанализ, и, по видимому, остался доволен результатами.

– А не интересовался ли пан профессор философией Николая Федорова? – спросил он меня.

– А как же можно излагать историю русской философии, не обращаясь к истокам философии русского космизма, а тем более к философским идеям одного из ее столпов? – ответил я вопросом на вопрос.

На прощание каноник поинтересовался, чем я занимаюсь в Польше, сколько еще намерен пробыть здесь, где буду в ближайшие дни. Я ответил на все его вопросы и мы расстались. На прощание я подал ему свою визитку.

Каково же было мое удивление, когда через пять дней, войдя в аудиторию, я увидел там старого каноника, сидящего рядом с деканом факультета за преподавательским столом. Они встали, приветствуя меня. Декан представил каноника:

– Знакомьтесь, пан профессор, – доктор Рафаил Гриневский.

– Весьма рад, – ответил я, – хотя я уже имел удовольствие беседовать с паном доктором.

После этого декан удалился, а каноник попросил меня не обращать на него внимания и проводить лекционное занятие. Я заметил, что лекция будет посвящена именно философии русского космизма.

– Я знаю график ваших лекций, – улыбнулся он. – Как раз на ней я и хотел бы поприсутствовать. Я с большим удовольствием посижу, а потом, если вы не возражаете, мы поговорим по одному, очень важному для меня вопросу.

После лекции нас пригласил в свой кабинет декан, – как оказалось земляк каноника, – где мы могли за чашкой кофе и бутербродами спокойно побеседовать. Декан, после того как мы обменялись несколькими несущественными фразами, оставил нас вдвоем.

– Вы никогда не задумывались над тем, какую роль сыграла философия общего дела Н.Ф. Федорова в истории России и более широко, в мировой истории? – спросил меня доктор Гриневский.

– Почему же, задумывался. Несомненно для меня то, что его философия серьезно повлияла на жизнь и деятельность Константина Циолковского, Ивана Мичурина, ряда писателей и деятелей Октябрьской революции. Вижу я в ней и некую скверну, о чем писал в своих учебниках философии, – ответил я.

– Это очень хорошо! – удовлетворенно воскликнул каноник.

После этого он достал из портфеля объемистую старую папку с веревочными завязками и с поклоном передал ее мне.

– Здесь вы найдете много интересного об учении Федорова, о его учениках и противниках, о судьбах учения. Я думаю, что именно вы сможете довести до ума эту рукопись. И я рад, что, наконец, в свои восемьдесят три смогу

снять с себя груз вины за то, что не справился с обещанием, которое дал одному человеку.

– Откуда папка?

– Это не важно... Впрочем я расскажу. В феврале 1941 года, когда мне исполнилось 17 лет я был взят на службу в органы контрразведки по соответствующему ведомству, поскольку мой отец был польским коммунистом, одним из руководящих работников Коминтерна и много лет жил в Москве. В 1936-37 годах отец был в Испании. Вернулся здоровым и невредимым. Но с начала 1939 года своего отца я больше не видел. Мне сказали, что он выполняет особое задание и вернется не скоро. Когда же началась война против Польши, я поверил в то, что миссия отца действительно может затянуться. Тем более, что ходили упорные слухи о неизбежности расширения войны на восток.

Буквально в первый же месяц службы меня направили на квартиру одного старого уважаемого человека. На месте выяснилось, что задача заключалась в доставке от него книг и разнообразных документов в архив ведомства. Опытные спецы перебирали бумаги, книги и папки перед диваном, на котором полулежал старый хозяин квартиры, и по его указке сортировали их. Наконец, все было разобрано, уложено, увязано и отнесено к машине.

Здесь каноник остановился, приумолк и предложил выпить еще по чашке кофе.

– Может быть, зайдём ко мне в гостиницу, – предложил я.

– А что же, давайте зайдём, – согласился тот.

Университетская гостиница, в которой я проживал, находилась метрах в четырехстах от учебного корпуса. Возле университета каноника ожидал новенький «Мерседес», на котором его и привезли в университет. Машина доставила нас к университетской гостинице и мы с каноником поднялись в мой номер. Я быстро «сообразил» на стол, спросив гостя, что он предпочитает, коньяк или водку.

– Ай, какой с меня выпивоха, – усмехнулся пан Рафал. – Впрочем, немного водки выпью. Наливайте.

– Да, пан Рафаил, Вы остановились на том, что все отнесли к машине...

– Отнесли, отнесли. Но хозяин-старик, с трудом проводив нас к машине, попросил командира опергруппы, если я не очень ему нужен, оставить меня на часок помочь по делам стариковским. Майор приказал мне остаться, сколько потребуется. Машина отъехала.

Мы вернулись в квартиру. Хозяин отлучился на кухню, и теперь я смог более внимательно рассмотреть убранство жилища. На стенах висели фотографии, любительские картины, книжные шкафы были плотно заставлены книгами и журналами. Бросалось в глаза, что среди книг было очень много сочинений по биологии, химии и физике. Да и журналы преимущественно были этого же направления. Что более всего меня поразило, так это литература по астрологии и алхимии, о которой я до того времени разве что только слышал. Хозяин обратил внимание на мой интерес к этим книгам.

– В какой школе учился? Нравятся естественные науки?

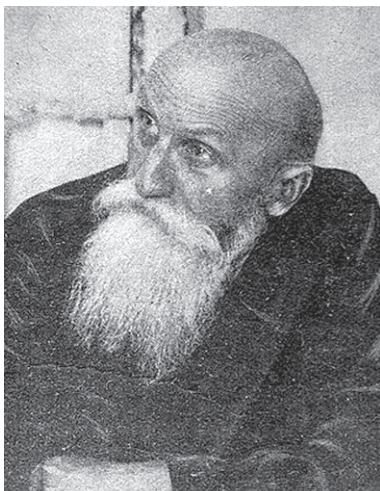
Я смутился.

– Просто я не думал, что здесь будет так много книг?

– Нам требуется многое знать, – заметил хозяин. – Ну ладно, давай знакомиться. Меня зовут Родион Валентинович.

– Очень приятно, Рафаил Гриневский.

После моих слов Родион Валентинович приутих на минуту, как бы не решаясь что-то сказать. Наконец, он вскинул голову и сказал:

Р. В. Вечный (1857-1941)

– Я сразу почувствовал, поэтому и попросил оставить...
А отца твоего звали Збигнев?

– Да, точно, Збигнев. – А откуда вы знаете?

Ответа на мой вопрос не последовало. В свою очередь он резко спросил:

– Вот что, Рафаил. Ты язык за зубами держать умеешь?

– Если надо, то сумею.

– Тогда возьми эту папку и сохрани ее в надежном месте. Насколько я чувствую, лет через пятьдесят, пожалуй, ее материал можно будет и опубликовать, а сейчас нельзя. Еще долго будут трудные времена.

– А что будет со мной в эти пятьдесят лет? – неожиданно вырвалось у меня.

Старик внимательно посмотрел на меня, взял в свою руку мою ладонь, внимательно посмотрел и на неё и молвил.

– Жить будешь долго. Ничего страшного не случится.

– И счастливо?

– Ну, насчет счастья, – это ты сам узнаешь. И что такое счастье, и что такое жить счастливо. А папку, все-таки, лучше передай на хранение кому-нибудь из тех, кому доверяешь. Есть такие?

Я покраснел, вспомнив Наташу, мою одноклассницу.

– Есть кому. А прочитать то, что в папке можно?

– Я же сказал, через пятьдесят лет.

Потом, желая исправить свою резкость, он добавил:

– Рукопись моя. Прочтешь, когда закончится война. Но будь осторожен, там упоминаются имена, которые сегодня не в фаворе.

– Что, разве война будет?

– Будет, и будет очень долго. Не переживай, ты будешь жить долго-долго! И пятьдесят, и потом еще...

– Родион Валентинович, почему опубликовать можно будет через пятьдесят лет?

– Потому что есть история, есть закономерности, есть для некоторых и роковая зависимость. Но я вижу, что я тебя заинтриговал. Так рассказать, почему?

Старик достал листок бумаги, крупно написал: 02 часа 45 минут, 8 ноября 1917 года, Петроград. И пояснил:

– С этого момента, с момента ареста Временного правительства, и началась история страны, в которой ты родился. Естественно, что всё, что когда-то рождается, когда-то и умирает. Так ведь?

Из дальнейшего мне стало известно, что карта рождения (гороскоп) нового государства демонстрирует готовность перешагнуть все дозволенные и недозволенные границы. А Уран – одно из главных действующих лиц карты рождения, а посему, по природе его, ему подавай что-то всемирное, что-то грандиозное и впечатляющее. Здесь Родион Валентинович подчеркнул:

– Проанализировав Радикс, я пришел к выводу, что для нашего пролетарско-крестьянского государства **сила** – единственный аргумент и закон. Стало понятно, что человечество будет иметь дело с явлением мирового масштаба. И события будут разворачиваться таким образом, что наша страна станет центром мировой коммунистической системы.

Здесь я не удержался и спросил:

– А разве можно точно вычислить момент рождения государства?

– Да, это совсем не просто. Из курса истории ты помнишь, что был выстрел «Авроры», были лихие матросы и солдаты, штурмующие Зимний дворец. Но никто и никогда не назвал точный момент, когда же началась новая эпоха в жизни народов Российской империи. А я тебе назвал, понятно?..

Старик продолжал свой анализ. Из его слов следовало, что Сатурн в судьбе нашей страны слаб, а деструктивные планеты Уран и Плутон – сильные.

Он опять задумался, с улыбкой что-то припоминая:

– Да, были интересные события в жизни! Помню, вскоре после открытия Плутона я имел возможность встретиться в Версале с умным человеком, с Андре Барбо. Мы разговорились по поводу роли Плутона в судьбе России.

Он тоже много размышлял по поводу перспектив мировой истории...

– А кто такой этот Барбо? – спросил я.

– О, – это величина, – это известный французский астролог. Очень он ненавидит и нашу страну, и саму идею коммунизма, и фанатичных строителей социализма в том числе...

Здесь старик вернулся к прерванному анализу. По его мнению при слабом Сатурне и сильных Уране и Плуtone выживание нашей страны возможно лишь за счет каких-то мощных внешних источников энергии, поскольку система затрачивает энергии много больше, чем вырабатывает. Он упомянул и замысловатое выражение: «диссипативная структура».

Я, конечно, понимал тогда, что Родион Валентинович скорее размышляет сам для себя, хотя чувствовал, что мое присутствие его не сковывало. При последних словах своих, почувствовав мое недоумение, он пояснил:

– Государство сильно сознательностью масс, пониманием людьми того, что происходящее вокруг рассчитано на их сознательное, заинтересованное участие в общем деле. Но если декларации и реалии расходятся, тогда энергию надо брать извне. Это или полезные ископаемые, или национальные сокровища (картины, антиквариат, драгоценности), которые можно продавать в другие страны, или энергия насилия над своими же согражданами: конфликты, постоянное напряжение, поиски врагов, страх, подавление индивидуального и прочая, и прочая...

Он еще некоторое время описывал мне гороскоп страны, в которой я родился и жил. Что-то говорил о жребии смерти, о Солнце во втором доме, о Юпитере и о коммунизме как символе веры... Но я уже ничего толком не помню.

– А свою судьбу лучше определить самому себе, – точно припоминая что-то своё, сокровенное, с непонятным напряжением выговорил, завершая нашу беседу, Родион Валентинович.

Мы оба замолчали, пауза затянулась.

– Родион Валентинович, извините, я заметил, что вы носите револьвер...

– Да, – это память о Георгии Плеханове... Слышал о таком? Пока револьвер со мной – я хозяин своей жизни! А сейчас уходи. Когда встретишь отца своего, передай ему привет от Альбурнуса.

При этом старик грустно улыбнулся. Только в середине 1980-х я узнал, что мой отец был расстрелян в августе 1939 года. Неужели старик знал об этом? – до сих пор я себя спрашиваю. И думаю, что знал, а иначе почему у него тогда вырвалось: «А отца звали Збигнев?»

– Запомни, Альбурнус.

Он на клочке бумаги крупно написал: «ALBURNUS». И тотчас же сжег клочок вместе со своим астрологическим расчетом над пепельницей.

– Что обозначает «Alburnus»? – спросил я.

– Потом, если желание знать останется, узнаешь, – уклонился от ответа старик.

– А Вечный – это ваша фамилия?

– Нет, – это партийный псевдоним.

На этом мы и расстались. Папку я занес к Наташе, попросив не открывать и никому не передавать. Она пообещала.

Служба меня закрутила. Примерно через месяц я с товарищами давал прощальный троекратный салют на могиле старика. На временном надгробии прочитал: «Родион Валентинович Вечный. VIII/1857 – III/1941».

Потом была война, спецзадания, ранения, плен, концлагерь немецкий, концлагерь советский... В 1957 году меня освободили и год спустя мне удалось переехать в Польшу в родной город моего отца. Закончил Католический университет в Люблине, стал священником. С началом Перестройки приехал в Москву, узнал о судьбе своего отца, получил амнистию для него и для себя. Разыскал Наташу. Долго говорили о прожитом и пережитом. Среди вороха старых книг и журналов она сохранила папку. Наконец, я смог прочитать текст, переданный мне без мало-

го полстолетия тому назад. Но этот Alburnus всегда был у меня перед глазами.

– Пан Рафаил, почему вы решили отдать рукопись именно мне?

– Всё и просто, и непросто. В ночь после нашей встречи в Орнете мне приснился сон. Мы сидим с Родионом Валентиновичем в каком-то полуподвальчике, пьем чай. При этом он говорит, как мне показалось, с угрозой: «Уже без четверти двенадцать, а скоро пробьет и двенадцать... Ты передал привет Alburnus'у?» Я проснулся с чувством неясной тревоги. Конечно, я не глубокий знаток и не ярый приверженец психоанализа, но что-то по этому поводу читал по приезду в Польшу, что-то в университете. После утренней службы я сел и задумался, что может означать сон. Пришел покойник к старому человеку, а мне уже как и ему восемьдесят три года, и говорит о двенадцатом часе. Сначала я подумал, что зовет неотлагательно к себе. Думаю, что и это верно! Но здесь же я вспомнил, точнее, откуда-то из глубин памяти всплыло есенинское, а стихи Есенина я люблю!: «... прохрипят мой двенадцатый час...». И я сообразил: пришло время выполнить поручение Вечного. Но почему Alburnus? И здесь почему-то рука сама собой потянулась к оставленной вами визитке. Я на нее сразу особого внимания и не обратил: прочитал фамилию, имя. Сейчас же взял и прочитал адреса. Трудно передать мое удивление когда я прочитал вот это, написанное мелким шрифтом: alburnus! И оказалось, что вы, пан профессор, и есть alburnus? Так ведь?!

– Да, это мой электронный адрес, – взволнованно ответил я.

– Ну что же, пан профессор, значит, рукопись нашла того, кого и требовалось. Мои вопросы к вам, и вы это легко поймете, прочитав рукопись, не были беспредметными. Название книге дадите сами. Уверен, что вы сумеете ее довести до ума и издать. Три старика из прошлого ждут этого от вас. Я скоро уйду, мешкать не буду. Родион, по партийной кличке – Вечный, не захочет ждать долго...

Каноник замолчал, потом не спеша достал из внутреннего кармана старую фотографию, наклеенную на плотный картон. Передавая её мне, он промолвил:

– Никого близких у меня нет. Возьмите на память. Это я, за несколько дней до освобождения из лагеря. Последних пару месяцев до освобождения нас начали кормить лучше, меньше издевались... Хотя я и «Козе-рог», но, увы, тринадцать лет концлагерей не могли пройти без следа.

Рафаил Гриневский

Мы попрощались. На следующий день я оставил Ольштын. Рафаил Гриневский оставил этот мир, насколько мне стало известно, через месяц. Надеюсь, со спокойной душой. Возможно, Небо будет ко мне милостиво, и когда-нибудь мне удастся еще побывать в Орнете, найти и проведать могилу пана Рафаила.

Уже по дороге домой я начал изучать подаренный мне текст. В тексте были пропуски, явно видно было, что некоторые листы изъяты. Подавляющее большинство упоминаемых в рукописи имен – это известные из отечественной истории люди. Некоторые имена, очевидно, скрыты за псевдонимами. Естественно, что наибольший интерес мой вызвало имя главного героя – Родиона Валентиновича Вечного. Поскольку человека, с таким именем нигде обнаружить мне не удалось, я сделал несколько запросов: в Музей истории Октябрьской революции, в архив КГБ СССР и в некоторые другие архивы. Полученные ответы были неутешительны: «Таковой в архивных списках не числится».

Глава вторая. НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕДОРОВ

*И создалъ Господь Богъ человека
изъ праха земнаго и вдунулъ
въ лице его дыханіе жизни;
и сталъ человекъ душею живою*
(Бытіе: 2, 7)

Случаются в Москве в июле весьма жаркие и душные вечера, когда тянет поближе к тенистым местам, к пруду или парку. В один из таких ранних вечеров, в конце июля 1875 года по Тверской, в сторону от центра не спеша двигался молодой человек лет восемнадцати. Был он углублен в себя, шел не обращая внимания на прохожих. Временами он ускорял шаг, но потом опять шел медленнее. Глядя со стороны, можно было предположить, что у него была цель, но что-то при этом его и тревожило. Ненадолго он остановился возле магазина братьев Пате, послушал «говорящую машину» и отправился дальше. Если бы кто-то захотел проследить, куда идет юноша, то обнаружил бы как он углублялся в лабиринт узких улочек.

На улице жара была страшная, к тому же чем дальше шел молодой человек, тем больше ему, как и другим прохожим, докучала кирпичная и известковая пыль, летевшая со строительных лесов, во множестве встречавшихся на пути. Вонь, распространявшаяся со дворов, из открытых дверей распивочных и кабаков, ругань пьяных и другие атрибуты вечернего города еще больше дополняли неприглядный колорит его. Возле одного из кабаков юношу задержал «холодный» сапожник, предложив подремонтировать ботинки. Но от услуги молодой человек отказался. Здесь мы должны описать несколько вид его. Ростом он был много выше среднего, стройный, сложен гармонично, а волосы русые и хорошей формы карие глаза еще больше усиливали приятное впечатление от юноши.

Молодой человек ускорил шаг и вскоре он, похоже, достиг своей цели. На углу одной из улиц он встретился с молодым человеком годами двумя старше его. Прислушавшись к первым репликам встретившихся, мы узнали бы, что нашего молодого человека зовут Родионом, а друга его, потому что встретились они по-дружески, – Иваном. Молодые люди прошли мимо очередного кабака, рядом с огромным домом, выходявшем одной длинной стеной на канаву, за которой располагался казенный дом, а другой в нужную им улицу. Дом этот состоял из множества мелких жилищ, населенных кухарками, портными, девицами, живущими от себя, незначительными чиновниками и людьми с сомнительным прошлым и не менее сомнительными источниками существования. Входявшие и выходявшие из дома сновали туда и сюда, на что с привычной подозрительностью и вниманием взирали два или три дворника в весьма грязных фартуках.

Внезапно начался шум, крики, непонятное движение. Молодые люди насторожились.

– В «Подкове» кого-то пришили, – слышали они. За полицией побежали...

Из кабака высыпали его завсегдатаи «коты» со своими «марухами».

– Убили, убили..., – с криками забегали мальчуганы из соседних домов.

Молодые люди вместе с другими любопытными протиснулись в квартиру на втором этаже, где в просторной комнате на полу в луже крови лежал человек лицом вниз, в одной рубашке, обутый в лакированные сапоги с голенищами гармошкой. Из спины, под левой лопаткой, торчал нож, всаженный вплотную. Нож был с большой, причудливой формы, медной блестящей рукояткой. Присутствующие шушукались и из их шепота можно было узнать, что убитый был «кот», а убийца отомстил ему за карточный долг. Но убийцу не нашли, люди не сказали, говорили: «хороший человек». Тут явилась и полиция, пристав и местный доктор, всеобщий любимец П.Д. Воротников.

– Ловкий удар! Прямо в сердце, – определил он.

Стали писать протокол. Спрашивали о происшедшем у присутствующих. Говорили много, но бестолково. Пристав ничего не узнал по сути происшедшего.

– Где нож? Нож где? – спросил вдруг доктор.

Но ножа нигде не обнаружили. Полиция засуетилась.

– Я сам его сию минуту видел! Сам видел! – волновался молодой пристав.

При этом присутствие двух незнакомых молодых людей в комнате насторожило пристава.

– Степан Михайлович Каледин, пристав, – представился он юношам, вплотную подойдя к ним и расспрашивая их о том, что они здесь делают.

Полученными ответами пристав удовлетворился, хотя при этом и весьма подозрительно осмотрел их одежду. Взгляд его задержался на объемистой книге, которую Иван держал в руке.

– Что это?

– «Государство» Платона.

– Вот как? Где-то обучаетесь?

– Занимаюсь самообразованием, изучаю естественные науки...

После немалых поисков нож нашли. Его во время случившейся суматохи кто-то из присутствовавших вытащил из покойного и заложил за полбутылки в «Утюге», кабаке в соседнем квартале.

Молодые люди вышли из дома на улицу. Заходящее солнце отразилось в окнах пятиэтажного дома напротив. В этом доме Бунина, который отличался более пристойной репутацией, жило много постоянных обитателей, существовавших поденной работой вроде колки дров и очистки снега, а женщины ходили на мытье полов, уборку, стирку как поденщицы. Жили здесь и профессионалы-нищие, и разные мастеровые. Много было портных, которых называли «раками», потому что пропив все, полуголые они почти и на улицу не выходили. Занимались тем, что перешивали старье для базара. Порой среди ночи раздавался

стук в квартиру «раков». Это воры приносили охапку дорогих шуб, лисьих ротонд и прочей одежды. Утром являлись за товаром барышники и уже охапками несли на базар шапки, жилеты, картузы, штаны и прочее. А в это время полиция продолжала искать шубы и ротонды.

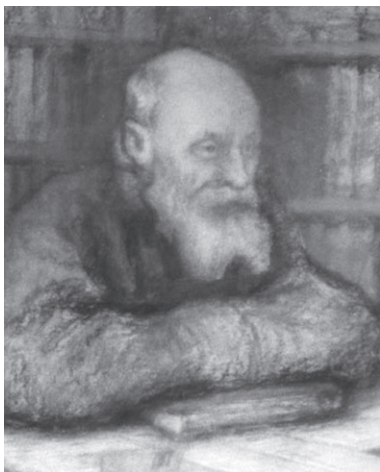
Впрочем, несмотря на произошедшее разбирательство по случаю убийства, дворники исполняли свой долг и обратили внимание и на проходивших мимо юношей. Одежды оба были достаточно бедно и чувствовалось, что это их удручает. Особенно заметно это стало, когда они подошли к дверям находившегося неподалеку приземистого особняка, расположенного в глубине небольшого запущенного сада. В ответ на стук в дверь на крыльцо вышел человек видом подобный старцу и, как показалось Родиону, возрастом далеко за шестьдесят. Родион внутренне подобрался, почувствовав своеобразие «старца». От человека исходило какое-то внутреннее спокойствие, непоказная оригинальность, невыразимое своеобразие.

Молодые люди поздоровались, Иван представил Родиона Николаю Федоровичу (так звали «старца») и тот пригласил их в дом. Пройдя пустую прихожую, гости оказались в просторной комнате. Убранство комнаты поразило Родиона. Кроме большого сундука, накрытого стеганым одеялом, просторного стола и шкафа с книгами в комнате ничего больше не оказалось. После того как все уселись около стола, Родион смог более внимательно рассмотреть хозяина жилища. Впечатление значительных лет его усугублялось одеждой, очень старой и ветхой, но вовсе не грязной и рваной, а какой-то удивительно на нем уместной, не нарушавшей общего его благообразия. Сам его вид как будто являл образ его сердечной общности со всеми и всем неизбежно стареющим, уходящим из жизни, ветшающим.

Иван передал книгу «старцу», поблагодарив его.

– Ну как вам эта работа? – спросил Николай Федорович.

– Мне понравились прочитанное, – ответил Иван. Но я не все принимаю. Особенно не все мне понятно в рассу-
ж-

Н. Ф. Фёдоров (1828-1903)

дениях Платона о государстве и о власти философов. Хотя я вполне принимаю его идею о том, что и в совершенном обществе должны быть рабы.

– Философы имеют свои резоны, – заметил Николай Федорович. Читать надо без изъятий, вчитываясь и вдумываясь в логику писателя.

И он продолжил объяснять Ивану содержание платоновских идей. Но Родион почти не слышал того, что

говорилось, мало понимая суть разговора. В этой ситуации его больше поражало выражение лица «старца». При большой подвижности умных и проницательных глаз, тот весь светился внутренней добротой. Тем более поражал в этом человеке неожиданный избыток жизни, энергии и ума.

– В рассуждениях Платона надо ценить существенное, – продолжал Николай Федорович. Все дело в том, как мы воспринимаем реальное и долженствующее быть. Мир дан нам не на поглядение, и не созерцание мира – цель человека. Человек всегда считал возможным воздействовать на мир, изменять мир согласно своим желаниям. Поэтому задача человека и человечества в целом заключается в отказе от пассивного созерцания мира, от отвлеченной метафизики, а перейти следует к определению истинных ценностей, к установлению должного порядка вещей. Человечество в лице своих наиболее подготовленных лидеров-философов должно выработать план преобразовательной деятельности на пользу всех и в этом смысл нового радикального поворота к философии настоящей общей задачи.

– Но как следует понимать реальность? – спросил Иван. Как можно определить, что есть реальное, а что есть

нереальное? Как возможно их познавать? Существует ли истина, о которой говорил Иисус Христос? Кто есть тот, кто может слышать голос Его, кто есть от Истины?

Здесь Родион, наконец, опять осознал, где он находится, начал вслушиваться в содержание происходящего разговора, пытаясь не утрачивать центральную нить этого разговора.

– Вот, вот, – заметил Николай Федорович. Реальность, которая может быть познана человеком, – это та реальность, которая сотворена самим человечеством. Именно лишь сотворенный человеком мир, его творение станет для него до конца проницаемым, а значит, и познаваемым.

Здесь он извинился, ненадолго вышел из комнаты и вернулся обратно с чайником кипятку, несколькими стаканами и куском белого хлеба.

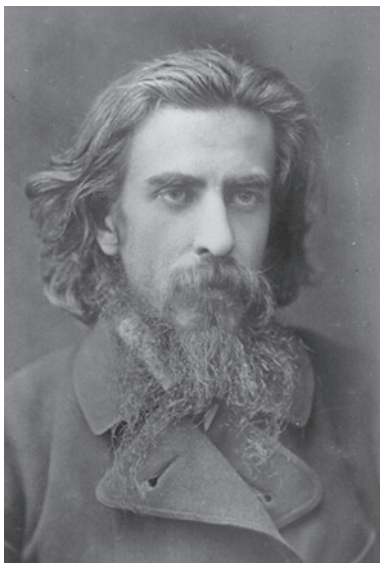
– Будем пить чай – сказал Николай Федорович. Вы, молодые люди, наверное, уже проголодались.

Здесь вновь раздался стук в дверь и хозяин отправился встречать очередного гостя. Вернувшись с молодым человеком, которого отличали пышная шевелюра на голове, усы и длинная борода, Николай Федорович представил его:

– Знакомьтесь, Владимир Сергеевич Соловьев, доцент кафедры философии Московского университета.

После взаимных приветствий и знакомства с доцентом, который лишь в конце прошлого года защитил в Петербурге магистерскую диссертацию, все уселись за стол. Во время чаепития разговор сконцентрировался на обсуждении предстоящей научной командировки молодого ученого в Лондон, где он намеревался изучать «индийскую, гностическую и средневековую философию». Он спрашивал мнения Николая Федоровича относительно тех работ и исследований, которые могли бы помочь ему лучше исполнить свои планы.

Но вскоре, после непродолжительного отвлечения, разговор продолжился в русле уже начатого выяснения смысла учения Платона. Новый гость оказался подобно

В. С. Соловьёв (1853-1900)

хозяину весьма эрудированным как относительно содержания учения, так и возможных его приложений к реальной жизни. Заговорили о справедливости.

— Гуманистическая теория справедливости, — заметил Соловьёв, — выдвигает три основных требования или предложения. Первое — это эгалитаризм или предложение устранить «естественные» привилегии. Второе — общий принцип индивидуализма, а третье — принцип, в соответствии с которым задача и цель государства — за-

щитить свободу своих граждан.

Сказанное вызвало оживление у присутствующих. Родион, впервые присутствующий при таком разговоре задумался над смыслом того, что есть эгалитаризм, и попросил объяснить ему это более подробно.

— Извольте! — сразу же согласился Соловьёв. Собственно эгалитаризм — это требование, чтобы к гражданам государства относились непредвзято. На тех, кто дает гражданам законы, не должны влиять такие вещи как рождение, родственные связи и богатство граждан данного государства. Иначе говоря, закон не признает каких бы то ни было «естественных» привилегий, хотя граждане могут наделять определенными привилегиями тех, кому они доверяют. Этот эгалитаристский принцип прекрасно сформулировал Перикл за несколько лет до рождения Платона. Перикл уверен, что законы предназначены, чтобы дать всем нам в частных делах равные возможности. Уважением человек пользуется по заслугам. И его позицию вполне поддерживали Еврипид, Антифонт, Гиппий и

Геродот. И Антисфен – ближайший друг Сократа, также был сторонником эгалитаризма.

Николай Федорович понимающе улыбнулся, побуждая Ивана своим взглядом к реакции на сказанное. И тот не задержался, чтобы высказать своё мнение.

– Но ведь эгалитаристы стоят на позициях натурализма, – вмешался Иван. Сказать людям, что они равны – значит затронуть их чувства. Но куда более вдохновляет человека идеолог, когда он внушает тому, что он превосходит других, что другие ему подчинены. Ведь неправда же, что мы по природе равны нашим слугам, чернорабочему, наконец, каторжнику, который немногим лучше животного! Люди по природе не равны, поэтому нельзя уравнивать их и по закону.

– А как быть с принципом индивидуализма? – спросил Родион Ивана.

– Индивидуализм должен быть отвергнут в принципе. Только коллективизм, только совместная работа на благо укрепления стабильности государства может иметь смысл в гармоничном обществе.

– Вот именно, – включился в разговор Николай Федорович, очевидно почувствовав неготовность Ивана к дальнейшей аргументации. Индивид должен подчиниться интересам целого, будь то вселенная, город, род, раса либо любой другой коллектив. Ведь вдумайтесь, всё, что возникает, возникает ради всего в целом. Бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты – ради него. Поэтому Платон прав, полагая, что человек, который не может поступить своими интересами ради целого, – себялюбив.

– Минуточку, минуточку, – загорелся Соловьев. Вы несколько путаете понятия. Ведь коллективизм не противоположен эгоизму и не тождественен альтруизму или отсутствию себялюбия. Весьма распространен коллективный, или групповой эгоизм и Платон это прекрасно знал. Более того, антиколлективист, или эгоист, вполне может оказаться альтруистом. Может статься, что он готов пожертвовать собой, чтобы помочь другим людям. И,

вероятно, лучший пример такой установки – это Чарльз Диккенс, если внимательно всмотреться в галерею героев его произведений. Хотя, согласно Платону и большинству платоников, альтруистический индивидуализм в принципе невозможен.

– Но почему всё же Платону столь неприятен индивидуализм, почему он на него нападал? – снова вмешался в беседу Родион.

– О, у Платона – аристократа до мозга костей, была сверхъестественная социологическая интуиция, – отвечал ему Соловьев. Он безошибочно распознавал врага, где бы он ни встретился. Индивидуализм в Древней Греции был составной частью старой интуитивной идеи справедливости. И защитники этой справедливости, в отличие от Платона, пеклись не о здоровье и гармонии в государстве, а об определенном способе отношения к личности. Посмотрите, насколько различны позиции Перикла, говорившего, что «мы не раздражаемся на тех, кто делает что-либо в свое удовольствие» и Платона, заметившего, что государство не даёт «им возможность уклоняться куда кто хочет».

Все присутствующие какое-то время в задумчивости допивали остывающий чай.

– Вот и теперь, – продолжал Соловьев, – как мне представляется, этот объединенный с альтруизмом индивидуализм стал основой западной цивилизации. Иисус Христос также призывал «возлюби ближнего своего», но не «возлюби род свой». Этот же принцип лежит и в основе практического учения Канта. И вообще, ни одна другая мысль не оказала такого мощного влияния на нравственное развитие человечества, как эта.

– Владимир Сергеевич, да я ведь и не против того, что Вы отстаиваете, – торопливо заметил Николай Федорович. Я хочу сказать о другом. Я хочу сказать о том, что, несмотря на индивидуальные предпочтения и интересы любого человека, всех людей должна объединять какая-то общая цель, какая-то общая задача, даже, я бы сказал, – общее дело.

– Я не хотел бы думать, что это «общее дело» какой-то аспект платоновского коллективизма, – отвечал Соловьев. Да, кстати, где у Вас «Законы» Платона? Спасибо. Читаем: «Самое главное здесь следующее, никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда – и на войне, и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям... Пусть жизнь всех людей будет всегда возможно более сплоченной и общей... Надо начальствовать над другими и самому быть у них под началом. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей и даже животных, подвластных людям».

Здесь Соловьев остановился и задумался. Николай Федорович при этом достал из стола несколько листов бумаги, исписанных мелким почерком, местами строки были зачеркнуты, местами пестрели восклицательными и вопросительными знаками. Молодые люди также молча наблюдали за происходящим.

– Да, так вот снова о том, что мне представляется истинно важным для человечества в целом, а не для отдельных его групп или представителей, – прервал затянувшееся молчание Николай Федорович. – Конечно, каждый человек должен иметь право на удовлетворение своих личных интересов и даже в какой-то мере и своих здоровых амбиций. Философы ныне говорят о разумном эгоизме, что, вероятно, могло бы сблизить многих в вопросе о гармонии коллективного и индивидуального. Для меня же гораздо важнее, чтобы сообщество ученых и предпринимателей занялось задачами не детскими, а достойными нашего времени.

– Николай Федорович, а вот мы в начале говорили о том, что такое реальность, – перебил его Иван. Вы заметили, что реальность, которая может быть познана человеком, – это реальность, которая им и создана. Но ведь, если следовать Платону, вначале реальность сотворяется

в голове. Тогда и получается, что познать можно то, что ты уже знаешь?

– Нет, нет, надо идти дальше, – задумчивоотреагировал Соловьев. – Даже совершенномудрый философ ничего придумать не в силах, ибо всё уже извечно известно. Однако философ может припомнить то, что он познал в занебесной сфере, и принять эту идею как руководство к действию.

– Я думаю, что Божий промысел постичь человеку не дано, – сказал Николай Федорович. – Но Господь наделил человека способностью мыслить и творить. То, что Кант считал недоступным знанию, есть предмет дела, но дела доступного лишь для людей в их совокупности, в совокупности самостоятельных лиц, а не в их отдельности, не в розни. Именно таким образом и может разрешиться противоречие между коллективным и индивидуальным.

– А в чем же этот предмет общего дела, что может объединить людей? – спросил Соловьев.

– Я думаю, что таковым должно стать воскрешение всех прежде живших, всех «сущих во гробех».

– Ну, Николай Федорович, это Вы дерзнули. Не рук и ума человеческого это дело! Да к тому же и совсем разные это понятия: находиться в гробах, будучи похороненными вследствие смерти, и быть «сущими во гробех».

– Не будем спорить о понятиях; сейчас это не главное. Но как раз, Владимир Сергеевич, сегодня наука и промышленность могли бы начать решать задачу воскрешения всех живших прежде, а не заниматься производством ненужных игрушек и орудий истребления себе подобных.

Здесь Соловьев задумчиво закивал головой, но не стал продолжать дискуссию, а заторопился домой. На улице уже наступали сумерки. Николай Федорович забеспокоился о безопасности уходящих гостей, предложил им оставаться, но все они дружно вышли из дому и пройдя в молчании вместе несколько кварталов, вскоре разошлись каждый в свою сторону.

Глава третья. СИДДХАРТХА

До своего дома, точнее до каморки, в которой Родион проживал у своей дальней родственницы, было достаточно далеко. И Родион в наступающей темноте размышлял над тем, что его более всего поразило в содержании беседы, при которой он присутствовал.

Иван Мичурин, с которым он недавно случайно познакомился на Сухаревском базаре, занимал должность товарного кассира станции Козлов (Рязано-Уральская железная дорога), будучи одним из помощников начальника той же станции с окладом 12 рублей в месяц. Изредка приезжал в Москву, помогая в делах своему дяде. Как смог понять Родион, из состоявшегося при знакомстве разговора, Иван времени свободного имел немного, но очень любил читать, хотя и признался, что пока читает бессистемно, ибо хочет понять смысл жизни и научиться предугадывать будущее. Сейчас вот увлекся философией Платона, о которой весьма путано рассказывал ему приезжавший в гости к сестре пожилой приват-доцент. Спасибо, ему помог Николай Федорович, который служит в Румянцевском музее, в большой московской библиотеке. Тот ему и начал давать разные солидные труды и не только Платона. При этом Иван не жалел красок, живописуя достоинства и эрудицию Николая Федоровича. Родиона же, приехавшего в Москву из Калуги, сразу же заинтересовал и рассказ Ивана, и перспектива встречи с эрудитом-библиотекарем.

Итак, приближаясь к своему жилью и размышляя над перипетиями беседы, Родион для себя уяснил несколько важных вещей, даже скорее не уяснил, а предстал перед необходимостью ответить на несколько вопросов. Больше всего его поразила перспектива воскрешения людей, которые давно уже умерли. «Так недалеко и до жизни вечной, до жизни райской на земле. Ведь став жить вечно, люди не будут столь алчными и жестокими. Хотя...»,

– размышлял над сутью дела Родион. Вот это «хотя» семнадцатилетний юноша как раз и не мог сформулировать удовлетворительным для себя образом. Поразило его однако открытие, неожиданно им сделанное: его неумная страсть к постижению Вечного. Как молнией оно его обожгло: «А не является ли все происходящее со мною неким перстом, указующим на моё предназначение? Не суждено ли мне стать причастным к великому делу воскрешения для вечности?»

Но кроме вновь открытого и разные иные допущения теснились в его голове. Опять же и неясно, как связаны между собой душа и тело. Может ли жить душа вечно? Такого рода мысли настолько захватили Родиона, что он долго ворочался на кровати и уснул только когда первый луч восходящего солнца скользнул по потолку его каморки.

На следующий день, по случаю дня рождения сына, тетка угостила Родиона славным обедом и милостиво подарила ему рубль. Родион вдохновился, вспомнил свои вчерашние размышления о вечном и отправился на Сухаревку в надежде купить кое-какие книги, которые могли бы помочь ему прояснить наболевшие вопросы.

В те времена палаток букинистов на Сухаревке было до тридцати. Здесь можно было приобрести всё, что душе угодно. Если не найдется нужный том какого-нибудь разрозненного сочинения, только закажи, к следующему воскресенью достанут. Много даже редчайших книг можно было приобрести только здесь. Библиофилы не пропускали ни одного воскресенья. Да и букинисты не теряли времени даром, шесть дней разыскивая товар по частным домам, усадьбам и чердакам, скупая целые библиотеки у наследников. Существовала определенная категория скупщиков книг – «стрелков», которые перепродавали их букинистам, собиравшимся на Рождественке, в Большом Кисельном переулке и на Малой Лубянке. Книжная биржа функционировала четко и каждый библиофил знал каждого букиниста, а последний знал, сколько тот может заплатить и сколько заплатит.

Букинисты любили и студенческую бедноту, поэтому когда Родион приблизился к палатке, где внимательно рассматривали книги несколько любителей, его любезно приняли.

– Что ищет господин студент?

Родион задумался, пытаясь как можно четче сформулировать свой интерес.

– Мне бы что-нибудь о душе, – наконец выразил он свое желание.

Букинист улыбнулся, а собравшиеся сразу же повернули головы в его сторону, с любопытством прислушиваясь к диалогу. Чувствовалось однако, что букиниста пожелание никак не обескуражило. Деловито порывшись под прилавком, он достал несколько брошюр, а также указал пальцем на две книги, лежавшие на прилавке перед Родионом.

– Вот извольте взглянуть на это.

Родион начал смотреть оглавления, разворачивать книги, пытался понять, о чем в них идет речь. Прошло несколько минут и почувствовав неловкость он, ткнув пальцем в одну из книг, спросил о ее цене.

– Для вас один рубль семьдесят копеек, – отвечал продавец. – Поверьте, это недорого. Я уступил сколько можно студенту. А брошюры отдам по тридцати копеек.

Родион задумался, прикидывая возможности своего бюджета. Но здесь к нему обратился весьма пожилой мужчина с явными восточными чертами лица, уже несколько минут искоса поглядывавший на него.

– А что вы нашли в этих книгах? – спросил он.

– Не знаю пока, но буду читать.

– Но нельзя же читать только потому, что хочется что-то читать. Пойдем со мной, поговорим о душе, – предложил мужчина.

Родион не стал упираться, поблагодарил букиниста и пошел с «индусом», как он для себя определил мужчину. Они зашли в тихий трактир, как позже узнал Родион, – трактир Григорьева. Игры здесь не было, поэтому было тихо. Сели возле окна, за столик, за который их пригла-

сил сам хозяин, который судя по тому как он приветствовал «индуса», был с ним на короткой ноге.

— Как поживаете, господин Сиддхартха? Как ваша торговля? С чем новым пожаловали к нам?

— О, все хорошо! Вот молодой человек о душе своей задумался, помочь надо.

— Да, это ваша работа, вы поможете, нисколько в том не сомневаюсь.

Сиддхартха заказал две пары чаю, сайки, какие-то восточные сладости. И пока принесли заказанное он неторопливо начал разговаривать с Григорьевым. Родион пока сидел молча и оглядывался по сторонам. Кругом, в низких прокуренных залах, галдели гости, после полудня некоторые уже подвыпившие. Среди них сновали торгаша с мелочным товаром, бродили вокруг столов случайно проскользнувшие нищие, гремели кружками монашки-сборщицы. Вдруг в трактир влетел оборванец, выпил стакан водки и пытается убежать. Его задерживают половые. Крикнули с поста городского, важного, толстого. Узнав, в чем дело, он плюнул и, уходя, ворчал:

— Из-за пятака правительство беспокоить!

Посидев немного с гостями, хозяин встал из-за стола, извинился и пошел по своим делам.

— Да, — оживился Сиддхартха, — так о чем мы хотели поговорить?

— О душе я хотел бы узнать побольше, и ещё о жизни вечной, — выпалил сразу наболевшее Родион.

— Едва ли в трактире получится обстоятельный разговор, — заметил Сиддхартха. Но попробовать можно.

Из дальнейшей беседы наших гостей мы узнаем, что Родион намеревается поступать теперь на учебу в Московский университет на юридическое отделение. В свою очередь, его визави рассказал немного о себе. О своих занятиях говорил уклончиво, но пригласил в гости, сказав, что живет сам в Златоустенском переулке в доме Медынцева.

— Хочу тебя сразу разочаровать касательно жизни вечной на материальном плане. Бог не может ошибаться, а

ведь он всегда убивает стариков и заменяет их детьми. Это означает, что он верит в детей больше, чем в стариков. Стариков нужно выбросить, избавиться от них, теперь их нельзя использовать. Бог верит в новое, а человек – в старое. Бог всегда верит в новый лист, вот почему с дерева опадает лист старый, пожелтевший. И он заменяет его новым свежим, молодым. Бог вечно молод и нов, и такова же религия, но авторитеты...

– Извините, – перебил Родион, – но это же не логично. Человека, достигшего огромных знаний, наконец, обладающего большим жизненным опытом, надо ценить, надо сделать все возможное, чтобы продлить годы его жизни...

– Если посмотреть на божественное творчество вокруг себя, можно почувствовать, что в нем есть некое безумие, так как к тому времени, когда человек становится мудрым, бог его извлекает из лона жизни. Вам исполнилось восемьдесят четыре года или около того, вы прожили свою жизнь, прошли все ее стадии, много узнали, накопили опыт, и к тому времени, когда вы стали мудры, он вам говорит: «Давай, уходи из жизни». И он заменяет вас на малое дитя, вас сменяет маленький ребенок, который ничего не знает. Похоже, бог больше любит невинность, а не знание, и больше любит свежие листья, чем старые, поbledшие. И так это и должно быть, так как жизнь должна быть молода, – заключил Сиддхартха.

– Вы сказали восемьдесят четыре года. Почему именно столько?

– Ну, не надо так придирааться, – улыбнулся Сиддхартха. – Я ведь добавил «или около того». Да к тому же я имею в виду нормального человека, а не любого, кого привычно принято называть человеком.

Родион на минуту задумался, так как его неприятно поразило вот это «нормального». На его уточняющий вопрос Сиддхартха ответил весьма уклончиво, намекая на молодость юноши и на то, что сейчас это не важно. Но настойчивость юноши, очевидно, всё-таки вызвала у него желание каким-то образом удовлетворить любопытство того.

В результате он поведал Родиону, что человек – это универсальный архетип или Ману. Но листке бумаги Сиддхартха нарисовал пирамиду, сложенную из кругов. В нижнем ряду было семь кругов, а в последнем седьмом – один.

– Двадцать восемь – это число триединого человека: человека как духа, души и тела, – заметил индус. Это же есть и число совершенного индивида. Но поскольку полностью должна развернуться каждая составляющая человека, то и получается, что период времени жизни человека – восемьдесят четыре года. Каждый цикл также подразделяется на четыре периода по семи лет.

Из дальнейшего изложения Родион запомнил, что согласно древней индуистской традиции в первые двадцать восемь лет в норме человек совершенствует своё психофизическое тело, осуществляя свою наследственность, прошлое своей семьи и расы. И тогда он может родиться вновь, но уже как индивидуальная самость. Следующие двадцать восемь лет могут быть использованы для того, чтобы человек разграничил, отчасти взял и отчасти отбросил то, что предлагает ему прошлое человечества. Таким образом, на этом фундаменте человек создает свою собственную индивидуальность, структуру своей индивидуальной самости. И если эта структура полностью завершена, он достигает в возрасте пятидесяти шести лет момента, когда в нем рождается всемирный Дух.

Здесь Сиддхартха остановился, реагируя на вопрос Родиона.

– Откуда же берутся несчастные, неудовлетворенные собой и своей жизнью люди? Наконец, откуда появляются пьяницы, воры, убийцы и всякие иные недостойные люди?

– Из жизни обыденной, – заметил старый индус. – Эти люди не осуществили себя вполне уже в первом круге своей жизни. Очевидно, души их попали не на ту почву, на которой могло прорасти зерно божественной благодати. Знаний, воли, свободы духа у них не достало...

– Это такая судьба?

– Что значит судьба? Каждому человеку дается шанс. Редко когда обстоятельства складываются идеально, всегда возникают какие-то препятствия, всегда человеку надо их преодолевать на своем пути.

– Так есть судьба или нет? – продолжал настаивать Родион.

– На судьбу ссылаются только лентяй и трус. Наоборот! Каждый держит в руках свою жизнь на этой земле и в вечности. Каждый сам, добровольно, действием своей свободной воли открывает себе врата жизни и неба или врата ада и смерти.

Здесь Сиддхартха прервал свою речь, внимательно посмотрел на Родиона, как бы поощряя его к размышлению, и продолжил:

– То, что мы называем судьбой – это только наши склонности, наши предрасположения, которые нам даны как средство жизни. Застынем на них – станут нашей судьбой, так как эти наклонности и страсти могут опутать только человека нравственно низкого, человека, равнодушного к своей жизни. Если же сможем из всего, что на нас влияет, сделать рычаг нашей свободы, выиграем этот бой, а с ним и жизнь.

Чувствуя, что не следует проявлять излишнюю назойливость, Родион поблагодарил пожилого индуса за угощение, за внимание и пообещал непременно воспользоваться его приглашением в гости. На этом и расстались.

Вдохновленный состоявшимся разговором, Родион радостно отправился домой. Многие из сказанного старым индусом глубоко запало в душу Родиона, он переживал сказанное, пытался удержать центральную нить разговора в своей памяти. Формулировал вопросы о свободе, о волевых качествах человека, о судьбе, одним словом, вопросы, которые ему казались важными для следующего разговора.

Спустя несколько дней, направляясь в гости к старому Сиддхартхе, Родион мысленно представлял себе ту обста-

новку, в которой мог жить этот человек. А между тем богатый старик индус, к которому шел Родион был известен в Москве и о нем ходило много легенд. Жил он в Златоустенском переулке в доме Медынцева совершенно одинок. Что это был за человек, никто толком не знал. Одни говорили, что торгует он восточными товарами, другие считали его за дисконтера. Вероятнее всего, что и первое, и второе предположения имели основание. К нему иногда ходили какие-то восточные люди, он был окружен сплошной тайной. Восточные люди вообще жили тогда в подвoryях Ильинки и Никольской. И Сиддхартха жил в таком переулке, где днем идет бойкая торговля, а ночью ни одной души не увидишь. Кому какое дело – живет старый индус и живет! Мало ли какого народу в Москве.

Убранство квартиры поразило Родиона. В той комнате, которая очевидно была гостиной индуса, все стены были увешаны тяжелыми коврами со сложными и загадочными орнаментами. На полу лежал огромный и толстый ковер. В дальнем от окон углу комнаты стоял на столике аршинный Будда литого золота. В другой, соседней комнате, которая выполняла функцию кабинета и спальни в огромных книжных шкафах располагалась библиотека, стоял большой кожаный диван, который, очевидно, служил хозяину кроватью.

На кухне, небольшой, но очень чистой и уютной пахло смесью восточных пряностей. Сюда и пригласил Сиддхартха гостя, угощая его различными восточными сладостями и чаем. После непродолжительного чаепития они перешли в центральную комнату и уселись на ковре подле золотого Будды. Хозяин молчал и в задумчивости смотрел на Родиона. Тот не выдержал молчания и спросил:

– Вы не сказали о том, что будет с человеком после завершения второго круга жизни.

– Что же здесь еще добавить, – неторопливо начал Сиддхартха. – Когда в человеке рождается всемирный Дух, он устремляется к созданию символического купола храма – подобия небесного свода, который есть символ Бога.

И завершив третий круг, достигнув возраста около восьмидесяти четырех лет, человек переходит в другие сферы, сознательно и без потери личной идентификации, если он создал для себя «тело бессмертия».

– Такой переход возможен для каждого? – спросил Родион.

Старик не стал отвечать на его вопрос и продолжил:

– Ты ищешь истину, ты хочешь найти ее, беседуя с разными людьми, желая некоторых из них сделать своими учителями?

Из дальнейших его объяснений Родион узнал, что ни одно учение, ни одна доктрина не может быть истинной. Она может быть истинной для некоторых людей, но для других людей она будет неистинной. Вот почему в мире существует так много доктрин. Существует Будда, существует Иисус, существует Мохаммед, такие полностью различные люди, и все истинны.

– Но ведь люди избирают для себя то учение, которое им ближе, – заметил Родион.

Незамедлительно последовало возражение. Суть возражения Сиддхартхи была в том, что люди ленивы. Узнав, случайно ли, намеренно ли, содержание некоторого учения, они цепляются за него как за некий душевный порядок, не желая слышать ничего, что противоречит этому учению. Впрочем, люди могут выстраивать в душе такой порядок не один раз, потому что они не сознательны.

– Что значит, не сознательны? – удивился Родион.

– Значит то, что не следует создавать в себе порядок, не следует иметь внутри то, что мешает тебе воспринимать мысли другого человека, внутренне сопротивляясь позиции другого. Именно поэтому людям трудно продвигаться на пути к нашему внутреннему естеству, которое есть наше «не-я».

Здесь Родион почувствовал, что разговор становится для него трудным. Сиддхартха продолжал:

– Я хочу тебя еще спросить: «Ты страдаешь?»

Родион молча кивнул головой и добавил:

– Если «страдаешь» и «переживаешь» означают одно и то же, тогда, да.

– Во всяком случае не следует переживать из-за такого пустяка как отсутствие жизни вечной. Поверь, вся природа радостна, вся природа всегда празднует – без страха и без тревоги. Существование, бытие продолжает существовать, но человек – это проблема. Почему это так? И любой человек – проблема. Люди, подобные Будде или Иисусу Христу, те, кто дома, чья жизнь – экстаз, а не страдание и не тревога, редки. Где-то человек стал неправильным, – не отдельный конкретный человек, но человеческое общество как таковое стало неправильным. Когда рождается ребенок, общество начинает его изменять в соответствии с ненормальным образцом. Но именно из-за этого порядка все и страдают. А что произойдет с людьми, если все станут жить вечно? Какой колоссальный объем противостояния тогда войдет в жизнь!

– Вы последователь учения Будды, – спросил Сидхартху Родион.

– Родион, я тебе уже объяснял, что ни одно учение, ни одна доктрина не может быть истинной. Она может быть истинной для некоторых людей, но для других людей она будет неистинной. Что же касается буддизма, то он сосредоточивает основное внимание на просветлении, которого достиг Будда. Просветление еще также называют «бодхи». «Будда» и «бодхи» происходят от одного и того же корня «будх», что означает «будить» или «осознать что-либо». Поэтому Будда – это пробужденный от сна относительно условной жизни.

Далее старый индус поведал Родиону, что доктрина Будды основана на его просветлении. Она ставит себе целью помочь каждому из нас достичь этого просветления, так как буддизм не есть нечто, находящееся вне нас. Будда был последовательным «индивидуалистом» и требовал от своих учеников и последователей, чтобы они ценили свой собственный опыт, а не просто полагались на авторитет более высокоразвитой личности.

– Абсолютная истина – это сам дух, свободный от всех форм, внутренних и внешних, а посему никакие слова не могут описать его. Да и получит ли вопрошающий сколько-нибудь полное удовлетворение от философского объяснения или определения. Да, он увеличит свой умственный багаж, но рассеет ли это его сомнения? Нет. Простое накопление знаний и изношенных временем понятий в действительности является самоубийством и далеко от реального пробуждения. Но дело в том, что нет лучшего объяснения, чем реальный опыт, и что только опыт этот нам и необходим для того, чтобы самим стать Буддой.

Родион почувствовал усталость от восприятия сложной темы, поблагодарил хозяина и собрался уходить. На прощание Сиддхартха дал ему маленький золотой брелок с изображением Будды и попросил помнить о сказанном.

– О вечной жизни не думай. Живи здесь и сейчас. До нас – пустота, и после нас – пустота, – сказал он твердо напоследок, притворяя за собой двери.

Глава четвертая. ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ ДОНАТ

*И изгнать Адама, и поставил на востокъ
у сада Едемскаго херувима
и пламенный мечъ обращающийся,
чтобы охранять путь къ дереву жизни*
(Бытие: 3, 24)

И снова Родион остался один на один со своими сомнениями и мыслями. Что-то узнал он о душе, но едва ли что-то о жизни вечной. Спустя некоторое время он решил еще раз встретиться со старым индусом, послушать старика, задать вопросы, памятуя, что любые ответы не приближают к истине. Но хотелось встретиться.

Уже поздней осенью, подойдя к дому, он обнаружил, что на дверях квартиры Сиддхартхи висит большой замок. Родион решил немного подождать хозяина, однако тот всё не появлялся. Тогда Родион постучал в дворницкую, поскольку изрядно замерз. Вышел дворник, дожидая кусок.

– Чего тебе? – грубо спросил он Родиона.

– Я хотел зайти к Сиддхартхе, к старику, к индусу, – робко сказал Родион.

– Зайдешь, а то как же, но только на кладбище с ним теперь встретишься.

Родион оторопел. Ведь всего несколько месяцев прошло со дня их последней встречи. Впрочем, из дальнейшего разговора с дворником выяснилось, что индейца (как называл его дворник) в конце лета нашли мертвым в квартире. Все было внешне в порядке: следов грабежа не видно. В углу, на столике по-прежнему стоял аршинный Будда литого золота, замки не взломаны. Явившаяся на вызов полиция, пыталась найти преступников, но вследствие неясности ситуации успехов не добилась. Драгоценности целыми сундуками направили в хранилище Сиротского суда: бриллианты, жемчуг, золото, бирюза –

пудами. Напечатали объявление о вызове наследников. Буйный торг пошел на Сухаревке!

— Бирюзу горстями покупали, жемчуг, бриллианты... — с подвыванием и сюсюканием поведал дворник.

Впрочем, он весьма толково объяснил Родиону, на каком кладбище похоронили «индейца».

В ближайшее воскресенье с утра Родион отправился на указанное кладбище. День выдался достаточно теплый, пригревало солнце. Легонько вздыхал над могилами ветер, шелестела опадавшая листва. В осеннем шорохе кладбища слышна была покорная грусть, вызывавшая какие-то особенно прямые и честные мысли о жизни, о людях.

Родион шагал по запутанным тропам среди бесчисленных могил; видя сквозь просветы в деревьях и высоком кустарнике купол церкви и золоченный крест колокольни, возвышавшийся над всеми крестами могил. В молитвенный шорох высохшей травы, как казалось Родиону, победоносно вплеталась песня жизни, бесшумно перепархивали темные птицы: полет их заставлял вздрагивать и недоверчиво смотреть — птица ли?

Кладбищенская атмосфера навевала особое настроение. Родиону неожиданно вспомнились строки из стихотворения Жуковского:

*Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.*

В золотом трепете полуденного солнца, тесно заселенное кладбище казалось Родиону как бы колышущимся, бугры могил напоминали море после бури, когда ветер упал. За оградой торчали дымящиеся трубы маслобоек, свечных и мыловаренных заводов, пятна крыш казались разноцветными заплатами, лежащими на темном рубище города. И как всевидящие очи жмурились на солнце слуховые окна чердаков. С другой, противоположной стороны кладбища похаживали куры, похожие на торговков, а рыжие петухи напоминали пожарных.

Оглянувшись, Родион заметил, что между могил, точно следя за ним, мелькала темная фигура какого-то старика. Поношенная шляпа его качалась среди крестов, словно чудная птица. Седоусый старик с аккуратной бородкой передвигался легко и, наконец, встал перед большим памятником серого гранита, внимательно читая надпись. Проходя мимо, Родион также обратил внимание на заинтересовавшую старика эпитафию:

*«Жизнь окончена, вот итог:
жил не так как хотел,
жил как мог».*

Старик тем не менее никак не отставал и постоянно был на виду у Родиона. Лицо у него явно не русское, одет был в темно-синее пальто, на шее черный галстук пышным бантом заметно оттенял серебро плотной бороды клинышком. При этом руку он поднял к шляпе, точно отдавая дань усопшему офицеру сорока лет, внимательно читал надпись и одним глазом смотрел на Родиона. Тому было сие неприятно и он шел дальше, думая о том, как же найти могилу Сиддхартхи.

На следующей дорожке кладбища стали попадаться люди. Шлялся какой-то подвыпивший безумный купец, который искал могилу своей жены Наташи, погребенной за тысячу верст отсюда. На это указала ему почтенная госпожа Ткачёва, которая стояла у могилы своего сына, погибшего во время кутежа. Родион видел и другие темные, безмолвные фигуры завсегдатаев кладбища. У него складывалось о них впечатление как о людях, которые всю жизнь безмолвно связаны с кладбищем крепкими цепями каких-то негаснущих воспоминаний. Ходят они точно не погребенные мертвецы в поисках удобных могил, жизнь оттолкнула их, смерть – не берет.

Ветер, сорвавший листву с деревьев, обнажил сучья и черные гнездовья грачей и галок стали похожи на истлевшие головы в мохнатых шапках. Родиону казалось, кто-то оторвал их и воткнул на деревья вокруг белой,

сахарной церковки во имя великомученика Варфоломея.

Старик, на которого обратил внимание Родион, неожиданно встал у него на дороге, поднял руку и, строго указывая на белый камень памятника, громко прочитал:

– Под сим крестом погребено тело раба божия почетного гражданина Пафнутия Петровича Прусова. И – всё!?

Он поправил шляпу, сунул руки в карманы пальто и смерил Родиона строгим взглядом темных, не по стариковски ясных глаз.

– Ничего не умеют сказать о человеке, – раб божий, только! Но – почему раб удостоен гражданами почета?

– Может быть, жертвователю какой-нибудь...

Старик, обрадованный тем, что на его реплику прореагировали, с негодованием топнул ногой о землю и внушительно заметил:

– Напишите-с!

– Что написать? – спросил Родион.

– Всё, и возможно подробней!

Старик, по-солдатски широко шагая, пошел вперед, в глубину кладбища, жестом приглашая Родиона следовать за ним. Так они продолжали рядом идти дальше. Старик был по плечо Родиону, шляпа совершенно скрывала его лицо, а юноша шел, наклоняя голову, желая взглянуть ему в глаза.

– Так – нельзя! Вновь заговорил старик негромко и мягко, точно жалуюсь. Так обнаруживается наше дикарство, наше невнимание к человеку, к жизни вообще.

Выхватив руку из кармана, он очертил в воздухе широкий круг:

– Что этим знаменуется?

– Смерть, – то ли полуутвердительно, то ли полувопросительно молвил Родион, пожав плечами.

Здесь старик резко взмахнув головой, показал, наконец, тонко выточенное, острое, но приятное лицо. Усы его дрожали, когда он говорил, отчеканивая старославянские слова:

– «Смертию смерть всеконечне погублена бысть», – знаете этот богородичен? То-то-с!

Шагов двадцать они прошли молча, быстро виляя по капризной кладбищенской тропе, потом старик вдруг резко остановился, повернулся лицом к Родиону, снял шляпу и протянул ему руку.

– Будемте знакомы, молодой человек: штабс-капитан Илья Сергеев Донат, служил по государственному коннозаводству, а также и по ведомству уделов. Под судом и следствием не был. Состою в чистой отставке. Дом имею во владении. Жена преставилась весьма давно. Характера – неуживчивого, терпите-с.

Родион подал руку, пожал старикивскую с легким поклоном.

– Родион.

Старик немного задумался и продолжал:

– Тверской вице-губернатор Петр Сергеев Донат – брат мой младший. Мне же ныне шестьдесят три. Слава Богу, третье детство свое прошел без особенных приключений. Да, шесть-де-ся-т и три, – с расстановкой заметил старик, поджимая губы.

Речь его была быстрая, но четкая, точно он мысленно расставлял знаки препинания по ходу.

Здесь Родион не удержался, памятуя, зачем он на кладбище, и зал вопрос:

– А вы не слышали, случаем, Илья Сергеевич, где похоронен старик-индеец, который недавно умерший. Говорят, его убили, а жил он в Златоустенском переулке в доме Медынцева, – добавил Родион.

– Как так не слышал! – с явным удивлением воскликнул Донат. – Слышал, конечно. Пойдемте-с, покажу. Я на этом кладбище всех знаю, а свежих покойников тем паче...

Они повернули обратно, и немного поплутав по тропинкам кладбища, оказались возле большого гранитного камня, на котором было непонятной вязью выбито несколько слов. Ниже были обозначены и годы жизни и смерти: «1792 – 1875».

Родион в задумчивости рассматривал место последнего упокоения старого индуса. Мысленно он рассчитал, что Сиддхартха прожил около восьмидесяти трех лет. Ему вспомнились беседы со старым буддистом.

– Вот и здесь то же, – немного помолчав для приличия, с раздражением высказался Донат. – Умер старый, мудрый, богатый человек, а память какая будет о нем? Что можно узнать о человеке, глядя на этот камень? Впрочем, ведь даже и в газетах генерал-губернатор Закревский велел ничего о смерти его загадочной не писать...

– Как так, почему?

– Да потому, хотя бы, что в спальне у Закревского стоит тот самый аршинный Будда литого золота, взятый у индейца...

– Откуда вы можете знать такое?

– Друг мой давнишний, Андрей Михайлович Смолин, сыщик сухаревский сказал. А он, поверьте, знает всё! А вы, почему заинтересовались этой могилой? – спросил Донат.

– Да так, слышал что-то о нем, – уклонился от прямого ответа Родион.

Донат не стал вдаваться в дальнейшие расспросы, волновало его, по-видимому, иное, что-то наболевшее. И он заговорил торопливо:

– И вот, я, штабс-капитан Донат, человек, издавший всевозможные виды, я недоволен кладбищами! Недоволен везде и повсюду!

Отставной капитан снова задорно потряс рукой в воздухе, огибая широкую дугу над крестами.

– Давайте-ка присядем, где-нибудь, сударь. Я вам объясню, почему.

Они прошли немного и присели на скамью под боком белой часовенки над чьею-то весьма богато изукрашенной могилой. Капитан Донат снял шляпу, вытер желтым платком лоб и редкие волосы на шишковатом черепе.

– Вслушайтесь в слово сие: клад-би-ще! А, каково?

Он заговорщически толкнул меня плечом, понизив голос, начал объяснять:

– Клады бы искать надо здесь! Клады разума, сокровища людских поучений и изречений, сокровища огромного человеческого практического опыта, опыта жизни с ее радостью и страданиями... А что же я здесь нахожу, сударь? А? обида и позор, – вот, что-с. Ибо сказано: «Вси в житии крест яко ярем вземшии» обижены нами, и за это будете обижены вы, буду обижен я. Вдумайтесь и поймите: «крест яко ярем», – каково? Значит, признано, что жизнь – трудна и тяжела? Так почтите же достойно отживших, – они ради вас несли при жизни бремя и ярем, – ради вас! А эти, там, не понимают...

Он взмахнул шляпой и Родиону показалось, что и по тропе, по кресту над могилой мелькнула и унеслась к городу маленькая птица-тень. Неожиданно, что поразило Родиона, старик заговорил стихами того же Жуковского:

*Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждуются, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами –
Угасший пепел наш они не воспалят.*

– Хорошо сказал поэт, неправда ли? – обратился он к Родиону, вопросительно заглядывая ему в глаза.

– Да, я знаю это стихотворение, оно мне сегодня уже вспоминалось здесь, на кладбище, – поддержал Родион Доната.

Отставной капитан между тем продолжал, надув красные щеки, пошевеливая усами и поглядывая на собеседника молодым глазом:

– Вы, небось, думаете, что я – выживший из ума старик, не более того? Нет, молодой человек, нет, далеко не так! Пред вами немолодой человек, который сумел оценить жизнь. Вот, взгляните, разве это памятники? Что они напоминают вам и мне? Это не памятники, а это – паспорта, свидетельства, выписки из жизни людей, выданные человеческой глупостью самой себе. Почитайте, что мы им написали, – под сим крестом Иван, а под сим – Марья, Дарья, Алексей, Евсей. И все они – рабы божии и никаких иных

примет особых не изволили им оставить! Это – форменное безобразие, ибо здесь людей, отживших трудную жизнь, лишили прижизненного образа, а его необходимо сохранить в поучение живущим, в поучение вам и мне. Ведь страшно поучителен образ жизни всякого человека. Могила изредка бывает интереснее иного романа, да-с! так давайте же сделаем, чтобы всякая могила стала для проходящего, если и не романом, то хотя бы поучительным повествованием. Вы меня понимаете? – в упор спросил он Родиона.

– Не вполне...

Штабс-капитан шумно вздохнул и поправил на голове шляпу.

– А это – просто понять. Начнем с того, что я – не раб божий, но – человек, разумно исполняющий все добрые заветы его в меру моих сил. И никто – даже сам Бог – не вправе требовать от меня свыше того, что я могу дать. Не правда ли?

Родион не стал ему возражать, ожидая дальнейших разъяснений.

– Ага, то-то же, – с видимым удовольствием вскричал Донат.

Он вновь поправил на голове шляпу, погладил свою бороду и еще более задорно заговорил:

– Какое же это кладбище? Это – позорище!

– Не понимаю, чего вы хотите, – осторожно, не желая разгневать собеседника, заметил Родион.

Нисколько не промедлив с ответом, Донат медленно проговорил:

– Я хочу, юноша, чтобы ничто, достойное внимания, не исчезало из памяти людей. А в жизни – все достойно вашего внимания. И моего, конечно. Жизнь недостаточно уплотнена, и каждый из нас чувствует себя без опоры в ней именно потому, что мы невнимательны к людям...

При этом он нервно выхватил из кармана брюк тяжелый, серебряный портсигар с синим шнуром и многочисленными монограммами, сунул его Родиону, то ли приказав, то ли спросив:

– Курите!?

– Нет, я не курю. Спасибо.

Родион здесь подумал: «А беспокойно, должно быть, людям с тобою, штабс-капитан...»

Медленно отведя руку с портсигаром от Родиона, старик закурил, затягиваясь глубоко и жадно. С шумом он выгонял изо рта и ноздрей длинные струи дыма и пристально следил за тем как тихий ветер относит на могилы синеватые облака. Глаза его потускнели, углубились, красные жилки исчезли со щек, а лицо неожиданно стало серым.

– Крепкий табак, – как-то виновато сказал он тихо и полусонно. – Но это меня спасает. Я человек, как вы могли заметить, возбужденный и нуждающийся...

Здесь он, не dokonчив фразы, вновь затянулся, со вкусом глотая дым и рассматривая большой янтарный мундштук. На монастырской колокольне точно неохотно ударили в колокол и ноющий звук поплыл по округе. Сразу все стало серьезней и грустнее.

Донат выдул из мундштука окурок, искоса взглянул на Родиона и пошевелив усами обратился к Родиону:

– О чем, смею спросить, мечтаете?

– Хотелось понять вас...

– Это – нетрудно. Это – в двух словах можно. Все дело в том, что у нас нет уважения ни к себе, ни к людям, – вы замечаете это? Вот-вот! А отчего это происходит? Очень просто: как я буду уважать себя, где я научусь тому, чего нет, понимаете – нет!

Он близко придвинулся к Родиону и вполголоса сообщил, точно по секрету:

– У нас, на Руси, никто не знает, зачем он родился, жил, помер. Ответ один – как все! Но вопрос-то главный остается – зачем?!

Штабс-капитан снова возбудился: лицо покраснело, движения рук стали нервными, быстрыми.

– Все это потому, государь мой, что нами – частью забыта, частью не понята, в главном же – скрывается от нас

работа человека, вот так вот! А посему у меня есть идея, точнее – проект, да-да – проект... Но это в двух словах!

Здесь речь его прервал дребезжащий звук малого колокола. Донат снова достал из кармана портсигар, нервно закурил:

– Давайте представим себе, что каждый город, каждое село, каждое скопление людей ведет запись делам своим, так сказать, «Книгу живота». Но не сухой перечень результатов работы, а живой рассказ о прижизненных деяниях каждого человека, каково! Но записи ведут сами, без чиновников. Пишет городская дума, волостное управление, особенная «Управа жизни», ну мало ли кто еще может, но только – без чиновников! Конечно же, пишется все, абсолютно все, что необходимо знать о человеке, который жил с нами и отошел от нас, – с каким-то надрывом, высказал наболевшее Донат.

Здесь он протянул руку к могилам.

– Я должен знать, за что положили свою жизнь все эти люди, я живу их трудом и умом, на их костях, – вы согласны?

Родион молча кивнул головой, а старик торжествующе продолжил:

– Ага, – видите? Обязательно записывать все, что человек сделал хорошо или поучительно плохо! Например, некто сложил удивительно хорошую печь, особенно спорую на тепло, – запишите-с! некто убил бешеную собаку – записать! Выстроил школу, замостил грязную улицу, научил другого хорошо ковать лошадей или заваривать чай, всю жизнь боролся словом и делом с неправдой, – все запишите! Или, например, женщина родила и вырастила пятнадцать здоровых детей! Обязательно запишите; это великое дело – дать земле здоровых и работающих детей!

И тыкая пальцем в серый намогильный камень со стертой надписью, он почти закричал:

– Под сим камнем погребено тело человека, всю жизнь свою любившего одну женщину – одну! Это нужно запи-

сать. Мне не нужны имена, мне нужны дела! Я хочу, я должен знать жизнь и работу людей. Поэтому, когда отошел человек в мир иной, – напишите на кресте его могилы – «крест яко ярем». Напишите для меня, для жизни, подробно и ясно. Напишите все дела его. Зачем он жил? Крупно напишите, чтобы я и для себя подумал, зачем живу, – так?

– Да, – согласился Родион.

Штабс-капитан продолжил свою речь. Говорил горячо, захлебываясь словами, махая рукой вдаль, в сторону города:

– Они там – лгуны, они нарочно скрывают работу, чтобы обесценить человека, показать нам ничтожество мертвых и тем внушить и нам, живым, наше ничтожество. Ничтожными править легче, – это придумано чертовски умно! Да, конечно, легче. Но – вот я: попробуйте меня заставить сделать то, чего я не хочу!

– И что, никогда и никто не заставлял вас во всю вашу жизнь подчиниться? И что, вы всю свою жизнь прожили свободным от обязательств? – вмешался Родион в его монолог.

– Нет, лжете, каждый из нас стоит своей цены, – это прекрасно видишь, прожив шесть десятков лет, – продолжил старик, никак не отреагировав на реплику. – Нет, вы не скрывайте: всякая жизнь может и должна быть объяснена. Человек – работник всему миру, он мой учитель в худом и добром. Да и вся жизнь – великое дело маленьких, незаметных людей.

Он приуменьшил, пошарил в кармане, достал портсигар, повертел его в руках и вновь спрятал.

– Речь идет не обо мне теперь. Но покажите, напишите на кресте, все дела и заслуги человека, пусть они и малы даже! Сумейте найти хорошее даже в самом ничтожном. Вы меня, наконец, поняли!?

– Да, я понимаю вас...

Штабс-капитан закурил. Он курил и ворчал, хмурясь, недоверчиво заглядывал в глаза Родиона:

– Земля сильна трудом людей... Всякий может найти себе опору на земле, нужно только хорошо знать и помнить прошлое...

Вечерело. Одна за другою в ограду кладбища вползали темные и лохматые фигуры нищих. Над красным, в лучах заходящего солнца, крестом колокольни плавал ястреб. Возле соседней могилы негромко разговаривали двое, по-видимому, отец и дочь.

Вытряхнув из мундштука окурок, отбросив его ногой, старик продолжил уже без былого энтузиазма:

– Кладбище, я полагаю, должно символизировать не силу смерти, а победу жизни, торжество жизни, разума и труда. И тогда здесь, на крестах и надгробных памятниках мы могли бы прочесть всю историю города, судьбу его граждан. Но если нет истории, то зачем тогда кладбище, если оно не способно поднять чувство уважения к людям?

Старик широким жестом провел вокруг, указывая на могилы.

Родион заторопился, до дома путь был неблизкий.

– Спасибо, – поблагодарил он.

– Проекта у меня, разумеется, нет. Это так... Ну-с, мне пора идти.

Они попрощались на кладбище и разошлись.

Глава пятая. ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ

*Философы лишь различным образом
объясняли мир. Но дело заключается
в том, чтобы изменить его.*

Карл Генрих Маркс

В наступившей осени 1876 года Родион стал студентом юридического отделения Московского университета. Учеба ему сразу пришлась по душе, нравилось ходить на лекции, сидеть в библиотеке, нравились жаркие диспуты по разным вопросам. Политическая жизнь в России на месте не стояла. Впрочем, и некоторые профессора не чуждались оценки текущих событий как в стране, так и за ее пределами.

Большинство студентов из провинции проживали, а точнее, ютились в «Латинском квартале» между двумя Бронными и Палашевским переулком. Немоощенные улицы здесь были застроены деревянными домами с мелкими квартирами. Здесь же и два больших заброшенных барских дома дворян Чебышевых, с флигелями, на Козихе и на Большой Бронной были также в основном заняты студентами. Второй дом называли «Адом» в память о нечаевских временах. Дело в том, что в конце 1860-х здесь располагалась штаб-квартира, где жили студенты-нечаевцы и еще раньше собирались каракозовцы – члены кружка «Ад».

Родион, бывая у своих однокашников в гостях, имел возможность наблюдать их скудный быт. В каждой комнатухе студенческих квартир «Латинского квартала» обыкновенно жило четверо. Четыре убогие кровати, они же стулья, стол да полка с книгами. Студенчество одевалось крайне убого. Нередко на четверых приходилось две пары сапог и две пары платья, что устанавливало очередь: сегодня двое идут на лекции, а двое других сидят дома.

Обедали в столовых или питались всухомятку. Чай был роскошью, вместо него заваривали цикорий, круглая

палочка которого стоила три копейки, и ее доставало четверым дней на десять.

В семидесятых годах формы у студентов еще не было, но все-таки они соблюдали моду, и студента всегда можно было узнать и по манерам, и по костюму. Большинство, из самых радикальных, были одеты по моде шестидесятых годов: обязательно длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широкими полями и иногда – верх щегольства – плед и очки, что придавало юношам ученый вид и серьезность. Так одевалось студенчество до начала восьмидесятых годов, времени реакции. Не избежал влияния студенческой моды и Родион.

Наступило 12 января – «Татьянин день», студенческий праздник в Московском университете. Утром – торжественный акт в университете в присутствии высших властей столицы. Многие из них тоже ведь проходили здесь свои студии. Три четверти зала заполняла студенческая беднота. Резко выделялись из массы студенты – дети богачей: шитые воротники роскошных мундиров, белая шелковая подкладка, модные прически...

По окончании акта толпы студентов до поздней ночи ходили по Москве с песнями, катались на извозчике, беззаботно и шумно гуляли. Полиция студентов не трогала, шпики старались не попадаться на глаза студентам. Множество студентов ближе к ночи толпами вкатываются в роскошный вестибюль «Эрмитажа», с зеркалами и статуями. Грязные сапоги шлепают по белокаменной лестнице, с которой в этот день сняты дорогие ковры. Многие годы хозяин «Эрмитажа», француз Оливье, отдавал студентам на этот день свой ресторан для массовой гулянки.

В этот день роскошный зал преображался. Всё из зала снималось и выносилось. Пол посыпали опилками, вносили простые столы, табуретки и венские стулья. В буфете были только холодные закуски, водка, пиво и дешевое вино. Студенчество гуляло, легально произносились смелые речи, и ресторан был во власти студентов и их гостей – любимых профессоров, писателей, земцев и адвокатов.

Прошло два года, и в очередной раз наступил Татьянин день. Родион принарядился по случаю праздника и в том же «Эрмитаже» со студенчеством гулял во всю. Профессоров поднимали на столы, качали. В этот раз любимому Чупрову разбили очки, а уважаемому Гольцеву порвали скюртук. Но вот на стол вскочил косматый студент в красной рубаше и поношенной тужурке из дорогого сукна. Он поднял руку, призывая гуляющих помолчать. Его жесту не вняли и тогда он начал орать:

– Друзья! Товарищи!..

Его попытались стащить со стола, но в наступившую в какой-то момент паузу, он успел прокричать:

– Долой!.. Долой насилие! Да здравствует свободный труд! Даёшь свободу!..

Здесь произошло нечто неожиданное. Через минуту студента качали, и зал гремел от восторга. Улучив минуту Родион подошел к герою, внимание с которого переместилось на очередного чествуемого писателя.

– Родион, – представился он.

– Георгий Плеханов.

Ребята разговорились. Оказалось, что Георгий тоже студент, что он проживал в доходном доме недалеко от Родиона. Они договорились о встрече.

При встрече Георгий рассказал Родиону о том, что есть много и молодых, и старших людей, которые недовольны существующим царским режимом. Поведал Родиону сущность учения Маркса о социализме и основных принципах политической борьбы. Будучи всего на год старше Родиона он уже имел огромный опыт подпольной политической работы, активно участвовал в тайной организации «Земля и воля», пригласил Родиона сотрудничать в организации «Черный передел». Родион не возражал в принципе, но от дальнейших встреч с Плехановым уклонился.

В середине декабря этого года Родион попал в историю, спровоцированную рядом публикаций в «Московских ведомостях». Правительственная газета печаталась в университетской типографии на Большой Дмитровке

и ее редакция активно поддерживала все реакционные веяния, обрушиваясь на студентов, устраивавших сходки и писавших петиции в защиту своих прав и свобод.

Постановив на очередной сходке наказать «Московские ведомости» «кошачьим концертом», толпы студентов неожиданно для полиции выросли на Нарышкинском сквере, перед окнами редакции, начали выть, пищать, кричать и ругаться. В окна редакции полетели тухлые яйца, гнилые огурцы и всякая дрянь.

Явилась полиция, начался разгон демонстрантов. И тогда в окна, в полицейских и конных жандармов полетели уже камни и палки. Полиция применила силу, заработали нагайки и кулаки. Подоспели казаки и Родион вместе с другими студентами и случайными прохожими был оттеснен и препровожден в Бутырскую тюрьму. Рядом с ним оказался известный подрядчик-строитель Громов. Вся Москва знала его богатырскую фигуру. В свалку он попал случайно, из трактира. Конный жандарм ударил его нагайкой по лицу. В ответ богатырь сорвал его с лошади и бросил в снег. Его схватили, а приказчик узнал хозяина:

– Сидор Мартыныч, что с вами? – крикнул он.

– Агапыч, беги домой, скажи там, что я со скубентами в ривалюцию влопался! – изо всех сил рывкнул Громов.

– Революция... Революция... – отозвалось в толпе.

Но до революции было еще далеко.

Задержанных, после строгих внушений, отпустили. Однако спорадические протесты и неорганизованные выступления продолжались. Их пресекали арестами и высылками. В этих демонстрациях Родион принимал

Г. В. Плеханов (1856-1918)

активное участие, но ему удалось избежать ареста и преследований. Ненависть к режиму и желание бороться с ним крепились с каждым днем. Он начал искать надлежащих средств.

В то же время и учеба в университете требовала всё больше и больше времени и усилий, а посему много времени проводил Родион в библиотеке. Именно на этом поприще он вновь начал встречаться с Николаем Федоровичем, работавшим библиотекарем Румянцевского музея. Тот очень внимательно отнесся к литературному воспитанию Родиона, помогал ему в подборе книг, советовал прочитать то одну, то другую книгу. К их беседам часто присоединялись доценты Московского университета. Несмотря на то, что темы разговоров варьировались в широком диапазоне, непременно в своих размышлениях они возвращались к проблеме воскрешения живших прежде.

Теперь разговоры становились все напряженнее и конкретнее. Николай Федорович не скрывал своего критического отношения к современной науке, видя как ученые разбили единую науку на множество отдельных, воображая, что смогут поодиночке освободить людей от бремени обрушившихся на нас бедствий.

При очередной их встрече, проходившей в феврале, в гостях у Николая Федоровича был Александр Михайлович Бутлеров, известный профессор химии Петербургского университета. Ныне, проводя цикл лекций по теории химического строения вещества в Московском университете, он часто заходил к Федорову, внимательно слушая его рассуждения. Вот и теперь Николай Федорович в запальчивости утверждал:

– Ученые не понимают того, что есть общий вопрос для них всех. Это вопрос о неродственном отношении слепой силы природы к нам, разумным существам, которая ничего от нас, по-видимому, и не требует, кроме того, чего в ней нет, чего ей недостаёт, т.е. разума правящего, регуляции. Рознь в сообществе ученых оттого, что у них нет **общего дела**, – с ожесточением подчеркнул Федоров.

– Это естественно. Сообщество ученых решает практические вопросы и тем добивается успехов в различных областях, – заметил Родион. – И за это им честь и хвала.

– Нет, – возразил Федоров, – если бы ученые осмыслили свою задачу, то именно таковой могла бы стать перспектива объединённых усилий ученых, направленных на регуляцию и управление силами слепой природы. Господь дал человеку право управлять живой и неживой природой, сотворив нас по образу и подобию своему.

Александр Михайлович поддержал библиотекаря, поскольку принимал природу и как силу смертоносную, приносящую неурожай и смертные язвы. Он соглашался с Федоровым и в том, что регуляция атмосферных процессов могла бы разрешить и земледельческий, и промышленный вопросы. Ведь безоблачное и солнечное небо – это истоки солнечной силы, создавшей запасы угля. Если эффективно использовать солнечную силу, то не надо добывать каменный уголь и железо. Значит, не будет и тяжелого положения рудокопов и социального напряжения. Точно так же, если в нужное время и в нужном месте пройдет дождь, то будет удовлетворительный урожай, не будет голода и социального напряжения.

Как следовало из дальнейших рассуждений, методологическим принципом организации науки, по мнению Федорова, должен стать принцип тождества разума практического и разума теоретического. Разум практический рассматриваем как правящий, как регуляция или обращение слепого хода природы в разумный. Федоров отда-

А. М. Бутлеров (1828-1886)

вал себе отчёт в том, что принижение роли теоретического знания неприемлемо ученым сообществом, однако был уверен, что именно из-за такого положения вещей в среду людей вносится беспорядок, поражая их голодом, язвой и смертью.

Родиону нравилась сильная гуманистическая позиция Федорова. Как и Николаю Федоровичу ему было тягостно существующее в обществе **небратское состояние**, под которым подразумевались все юридико-экономические отношения, сословность и международная рознь. Причины неродственности Федоров видел в широко распространенной пропаганде гражданского общества или «цивилизации», заменивших братственность.

Особенно невыносимыми для него были все формы государственности, заменившие фундаментальную роль отечества в жизни людей. В одну из встреч со своими молодыми собеседниками он сказал:

– Отечествонность – это не патриотизм, который вместо любви к отцам сделал их предметом своей гордости, т.е. заменил любовь, или добродетель, гордостью, пороком, а любовь к отцам любовью к себе самим, самолюбием. Важно заменить гордость подвигами отцов, сокрушением об их смерти. Когда землю мы станем рассматривать как кладбище, а природу как силу смертоносную, тогда и вопрос политический заменится физическим. Землю же надлежит рассматривать в космическом масштабе, как небесное тело, родственное всем другим небесным телам, и звёздам в том числе. И когда естественным станет воскрешение, тогда возможным станет и регуляция всех миров всеми воскрешенными поколениями.

При этих словах Родиону припомнился штабс-капитан Донат, его горячая исповедь о своих мыслях и переживаниях на кладбище и о кладбище. Хотя, конечно, то, что говорил Федоров далеко не соответствовало наивным историографическим ожиданиям Доната.

– Что ценнее – золото ли являющееся источником взаимного истребления, или прах отцов как цель соеди-

нения сынов, – продолжал Федоров. – Что нужно выдвинуть вперед – решение ли вопроса о богатстве и бедности (вопрос социальный) или же решение вопроса о жизни и смерти (вопрос естественный)?

Темы, которые стояли в центре философствования Фёдорова, не могли оставить Родиона равнодушным к ним. Если к этому добавить все более усиливающуюся его ненависть к царскому режиму, питаемую широко распространенными слухами о существующих заговорах, ощущение какого-то внутреннего напряжения, которое особенно чувствовалось в студенческой среде, то понятно, что душа Родиона была раздираема противоречиями.

Душевную ситуацию его усугубило еще одно событие. В начале июня, в ночь на воскресенье, неожиданно, ночью, к нему заявился Георгий Плеханов с товарищем. Его группу «Черный передел» начала активно преследовать полиция, а когда к делу подключилось жандармское управление, в Москве оставаться им стало смертельно опасно. Под шумок разговоров о заговорах против царской фамилии и Александра II лично, самое лучшее было надолго исчезнуть. Родион и сам чувствовал, что к его особе полиция тоже имеет какой-то интерес, хотя явно этого не наблюдалось. Косвенно же для подозрений были основания.

В ходе непродолжительного обсуждения решено было на время Плеханову и его товарищу пересидеть опасность где-то в надежном месте. Решили с утра отправиться на Сухаревку, попытать счастья и найти какие-то варианты...

Сухаревский рынок разворачивался на один день в неделю, на воскресенье. Располагался он на площади против Сухаревой башни, названной Петром I в честь полковника Сухарева, единственного стрелецкого полковника, который остался верен Петру в дни стрелецкого бунта. В верхних этажах башни располагались огромные цистерны водопровода, снабжавшего Москву водой. Много легенд существовало о Сухаревой башне, одна не менее другой.

И в это воскресенье около башни кипел торг, на который как на праздник, шла вся Москва. Задешево Георгий и его товарищ купили простое платье, сразу же избавившись от своего, так же задешево. Здесь Родион вспомнил о своем знакомстве и беседе с Сиддхартхой в трактире Григорьева. Сам хозяин, как и пять лет тому, один сидел у окна за своим столиком. Родион подошел к нему и поздоровался. Григорьев радостно приветствовал его, вспомнив.

– Как же, как же, помню вас. Имя редкое – Родион. Жаль, Сиддхартха оставил сей мир. Расскажите о себе...

– Иван Денисович, сейчас не до разговоров, к сожалению. Вот это – мои знакомые. У них проблемы с полицией...

– Ну, братец ты мой, я с полицией никаких дел без нужды иметь не хочу. А что случилось?

Плеханов вкратце изложил ему суть дела.

– Знаете что, молодые люди, я вас сейчас познакомлю с одним человеком. Думаю, он что-то дельное вам посоветует...

Они все вместе вышли на площадь, Григорьев кивнул головой одному из мужчин, прохаживавшемуся возле торговцев, и когда тот подошел к ним, препоручил ему компанию, что-то шепнув на ухо. На прощание дружески кивнул головой и ушел к себе в трактир.

– Слушаю вас, – обратился к ним мужчина лет сорока, назвавшись Николаем.

После непродолжительного выяснения обстоятельств, приведших к нему молодых людей, и выяснив при этом их финансовые возможности, Николай сказал, что поможет им с документами. К тому же он настоятельно рекомендовал Георгию оставить Россию во избежание тяжких для него последствий.

– Оружие есть? – спросил Николай Плеханова.

– Есть, револьвер.

– Отдай ему, – кивнул Николай в сторону Родиона.

Родион, не задумываясь, почти механически положил револьвер в карман куртки.

– Засунь за пояс, – посоветовал Николай. – Будет не так заметно... А сейчас я отведу Георгия с товарищем туда, где их никто не найдет.

– Мы пойдем в очень «пристойное» место, – с некоторой долей иронии произнес Николай. – Это заведение называется «Ад». Слышали?

– Это что, дом Внукова, там где трактир «Крым»? – проявляя некую осведомленность, спросил Родион.

– Он самый.

Договорились, что все вместе встретятся через три дня. Родиону надлежало прийти на Трубную площадь, к «Крыму».

Спустя три дня, в назначенное время он сидел на скамейке на Цветном бульваре и смотрел на огромный дом Внукова. Разгульный трактир «Крым» занимал два этажа. Публику утешали песенники и гармонисты.

Внимание Родиона привлекли человек пять, которые ругаясь шли по тротуару мимо этого дома. Вдруг – никого! Куда они девались?.. Смотрит – тротуар пуст... И опять неведомо откуда появилась пьяная толпа, шумит, дерется... И вдруг исчезла снова...

Торопливо прошагал будочник – и тоже провалился сквозь землю. Через несколько минут вновь восстал из-под земли с бутылкой водки в одной руке и со свертком в другой...

И тут же из-под земли появился и Николай. Увидев Родиона, он приветливо помахал ему рукой и жестом пригласил подойти. Подойдя к дому, Родион понял секрет: в стене ниже тротуара широкая дверь, куда ведут ступеньки лестницы.

Навстречу выбежала, непристойно ругаясь, женщина с кровоподтеком на щеке. За ней – оборванец, повалил ее на тротуар и начал бить, приговаривая:

– У нас жить, так жить!

Выскочили еще двое, избили самого оборванца, и увели женщину обратно. Николай при этом отстранился, и улыбаясь наблюдал за происходящим.

Александр II (1818-1881)

Родион поздоровался с ним, и они спустились в подвал, в ту часть кабака, которая называлась «Адом». Среди сплошного шума резал слух звериный хор пьяных голосов, женский визг, зазвенело разбитое стекло и дикий крик избиваемого человека...

— Мы пройдем дальше, — прокричал Николай, — в «Треисподнюю».

— Куда, куда? — не слышал Родион. — В преисподнюю?

В «Треисподнюю» имели доступ только известные буфетчику и вышибалам заслуженные «болдохи» — обратники из Сибири и беглые из тюрем. Здесь же находили приют самые отпетые воры, бандиты и убийцы: «Иваны» из Шиповки, «волки» из «Сухого оврага» и им подобные. Николай уверенно ориентировался в коридорах, по обеим сторонам которых были большие и малые каморки.

Тогда, еще в конце семидесятых, в этой половине всегда было тихо. Пьянства не допускалось: в одних маленьких каморках исполнялись заказы по фальшивым паспортам особыми спецами; в других — составлялась стоящая игра на тысячи; в третьих — располагались спальни для почетных гостей. Порой и косматые студенты, к которым благоволили бродяги и вышибалы, могли воспользоваться прелестями «Треисподней».

Вот здесь, в одной из каморок-спален и пребывали Георгий Плеханов и его товарищ в ожидании фабрикации фальшивых паспортов. Они радостно приветствовали вошедших.

— Ну что, господа, паспорта ваши будут готовы в ближайшие два дня, — приветствовал их, в свою очередь, Николай. — Давайте думать, что будете делать дальше.

– А что думать, – отреагировал Георгий. – Надо ехать куда-то в Европу.

Уже в самом начале разговора выяснилось, что их небескорыстный спаситель – один из заговорщиков, известный по «делу Каракозова» Николай Федорович Николаев, который был в октябре 1866 года осужден в первой группе на двенадцать лет каторжных работ. Он был одним из главных участников «Адской группы», готовивших покушение на Александра II. Единственному из всех членов группы ему удалось сбежать с этапа и с тех пор он пребывал в бегах. А главный виновник его бед, – император Александр II, все еще продолжал жить и здравствовать.

Глава шестая. НИКОЛА ТЕСЛА

*С переходом ученого сословия
от знания к делу и прогресс
перейдет от знания того, что есть,
к знанию того, что должно быть.*

Н.Ф. Федоров

Через два дня все четверо встретились в той же «Тре-исподней». Николаев поделился своими соображениями относительно перспективы дальнейшего пребывания Плеханова в России. Он начал с известного факта: ещё 12 февраля была создана Особая распорядительная комиссия во главе с генералом Лорис-Меликовым, которому была вверена военно-полицейская диктатура для подавления революционного движения во всей империи. Генерал добился больших успехов. Разработанная им методика подавления революционеров сопровождалась ослаблением давления на законопослушных обывателей. Собственно, и группа Плеханова стала жертвой деятельности служб, подведомственных Лорис-Меликову.

– Поэтому, – сделал вывод Николаев, – вам надо оставить Россию, и чем раньше, тем лучше. Все равно, ничто не спасет императора от приговора, вынесенного ему. За кровь Дмитрия Каракозова ему придется расплатиться своей кровью. И пусть это сделаем не мы, а другие, но это будет!, будет! – как в бреду повторил он несколько раз...

Николаев успокоился, и в результате непродолжительного обсуждения ситуации было принято решение эмигрировать. Ближайшим пунктом была определена Прага. Родион решил сопровождать Георгия и его товарища до Праги, рассчитывая осуществить некоторые свои планы.

Выезд был назначен ближе к концу июня 1880 года. В остававшееся до отъезда время Родион продолжал встречаться с Николаем Федоровичем и Бутлеровым. Кстати приехал и Иван Мичурин, который с 1876 года работал

монтером часов и сигнальных аппаратов на участке железной дороги Козлов–Лебедян. Имея недостаток средств, Мичурин открыл в городе, при своей квартире, часовую мастерскую. По возвращении с дежурства ему часто приходилось сидеть далеко за полночь, занимаясь починкой часов и ремонтом различных приборов. Свободное время Иван посвящал работам по созданию новых сортов плодово-ягодных культур. С 1875 года он взял в аренду за 3 рубля в месяц пустующую городскую усадьбу в окрестностях Козлова площадью 130 кв. саженей с небольшой частью запущенного сада, где начал проводить опыты по селекции растений. Там он собрал коллекцию плодово-ягодных растений в 600 с лишним видов.

В одну из встреч они вновь обратились к проблеме бессмертия. На этот раз Федоров начал разговор с темы богатства и бедности: причин и следствий:

– Вопрос о богатстве и бедности – вопрос несовершенных и не может устранить вопроса о смерти. Смерть лишает богатство всякой его ценности. Отсюда иногда наступает интерес к аскетизму.

– Это естественно, – заметил Родион. – Поэтому среди ученых мы находим много людей, склонных к аскетизму.

Отстаивая представление об ограниченности нашего земного бытия в нынешнем виде, Фёдоров утверждал, что учёная специальность имеет временное значение:

– Большим злоупотреблением для меня является стремление к знанию как цели, замена дела мирозерцанием, то есть культ идей. Я называю культ идей идеолатрией. В том же смысле настроена и религия, в основе которой чистый платонизм, поскольку такая религия исходит из понятия воскрешения без участия в нём человека.

– Извините, Николай Федорович, но неизмеримо больше ученых стоят все-таки на позициях практической науки, – возразил Бутлеров.

– Как раз такие ученые, занятые совершенствованием процесса производства вещей, возбуждают разделение и вражду между людьми, приближают нас к смерти, – за-

метил Фёдоров. – Необходимо заменить такой подход к знанию исследованием причин смерти ради воскрешения: «Воскрешение есть замена похоти рождения сознательным воссозданием».

Спустя несколько дней в гостях у Николая Федоровича появился молодой человек, учитель из Калуги, Константин Циолковский. Оказалось, что в 1873-76 годах Федоров активно способствовал самообразованию Константина, что оставило неизгладимый след в судьбе этого молодого человека. Начав с многочисленных славословий в адрес библиотекаря, вскоре Циолковский перешел к теме, которая, по-видимому, была для него предметом напряженных размышлений.

С удивлением для себя, Родион обнаружил, что и Мичурин, и Циолковский давно уже работают в русле практического воплощения фундаментальной идеи учителя. Правда, доселе их деятельность сводилась преимущественно к размышлениям, которые могли быть чреваты реальной перспективой. Если предположить, что все-таки воскрешение живших прежде состоится на каком-то этапе развития науки, то какова перспектива мириад людей оживленных в пределах ограниченных природных ресурсов Земли?

Мичурин полагал, что всех живущих на планете возможно прокормить, если расширить как территории, на которых могут произрастать продовольственные культуры, так и продуктивность сельскохозяйственных растений. Будучи убежденным вегетарианцем, Мичурин уповал на перспективы развитие агрономической науки.

Циолковский пошел дальше. Он видел свою задачу в создании летательных аппаратов, которые могли бы беспрепятственно бороздить просторы космического пространства, доставляя землян во все уголки Вселенной.

Слушая своих учеников в этот вечер, Федоров радостно улыбался и своей улыбкой всячески поощрял и вдохновлял их на приукрашивание своих фантазий.

Родион, напротив, сидел молча, в задумчивости опустив голову:

– Почему же ни один из учеников не задается необходимостью предпринять практические шаги по воскрешению отцов? – так и подмывало его задать такой вопрос. – Почему не слышно ни одного слова по поводу того, с чего следует начать воскрешение сущих во гробах и вообще в земном прахе?

Но Родион молчал. На завтра предстояла сложная, опасная и чреватая неизвестными последствиями поездка за границу, в Прагу. Все участники были готовы к поездке, надлежащие документы изготовлены и маршрут намечен.

Родион попрощался со всеми участниками беседы и ушел домой. По пути домой он все больше и больше убеждался в том, что задача воскрешения отнюдь не абстрактна. Появилась твердая уверенность в том, что это возможно. Легкий холодок прошел по всему телу от предвкушения перспективы заняться таким делом.

Утром он встал бодрый и счастливый.

Без труда вспомнил свой ночной сон: он идет по пустынной узенькой и извилистой ночной улочке. Город очень старый, дома каменные, камни местами покрыты мхом. Вдруг сквозь дверь в полуподвальный этаж он видит лучик света, пробивающийся из глубины комнаты. Спустившись на несколько ступенек вниз, он тянет тяжелую дверь за кольцо. Со скрипом дверь открывается, и он входит в большое, пустое, слабо освещенное помещение. В центре – еще одна лестница, ведущая куда-то вглубь. Родион берет в руки горящую свечу и долго спускается по узкой и глубокой лестнице. Свеча бросает колеблющийся свет на неровные стены крупной каменной кладки. Нако-

И. В. Мичурин (1855-1935)

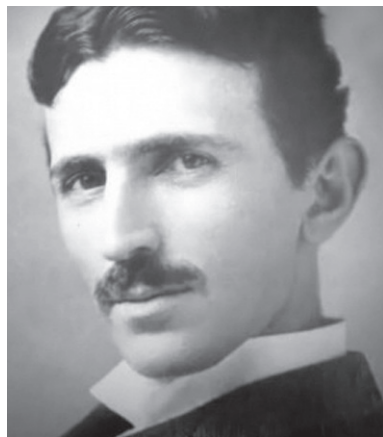
нец он оказывается в небольшой круглой комнате, богато и со вкусом убранной. За столом сидят Николай Федорович Федоров, Николай Федорович Николаев и третий – неизвестный. Федоров держит в руке красивый хрустальный бокал с какой-то зеленоватой густой жидкостью, приветствуя Родиона. Николаев, широко улыбаясь, протягивает Родиону револьвер и большую ярко красную, но пустую сумку. А неизвестный, прищурив левый глаз, подает Родиону лист толстой бумаги с неровными краями, на котором начертан квадрат, поделенный на множество треугольников.

Задумываться над содержанием сна Родион не стал, чувствуя, что сон врезался в память надолго. Наскоро позавтракав, он отправился к «Крыму», где его поджидали остальные участники путешествия...

Спустя два дня Прага встретила троицу мелким дождем. Едва разместившись в дешевых номерах весьма демократичного пансионата в Веренском переулке, они отправились прогуляться по достопримечательностям города, по его старинному центру. Недалеко от Карлова моста Родиона начало тревожить ощущение того, что он уже когда-то шел по этим улочкам. Неожиданно вспомнился сон, увиденный накануне отъезда и возникло такое ощущение, словно вот сейчас перед ним появится та каменная лестница, тяжелая дверь с массивным кольцом...

Наваждение вскоре пропало. Георгий с товарищем, сославшись на недомогание, предложили вернуться в пансионат. Однако Родиону на душе было радостно, хотелось идти и идти по пражским улицам, а посему он отпустил попутчиков, решив ещё побродить по городу. Немного погодя он зашел в одно из кафе на старой улочке Праги. Посетителей в кафе было немного. Заказав кофе, Родион умиротворённо разглядывал редких прохожих, торопливо проходивших мимо окна, возле которого он расположился. За соседним столиком сидели два молодых человека. Они о чём-то негромко разговаривали, перед ними лежали исписанные и исчерченные листы бумаги. После

одной из реплик курчавого темноволосого юноши, которая, похоже, вызвала интерес у блондина с ярко выраженными славянскими чертами лица, они начали внимательно перебирать листки. И здесь Родиона как громом поразило увиденное: на одном из листков, лежавших перед собеседниками, был начертан квадрат, поделенный на несколько треугольников.

Никола Тесла (1856-1943)

Он не удержался и почти механически вскочил со стула, направляясь к соседнему столу. Но опомнившись, остановился, и пристыженный сел на место. Соседи однако заметили его движение и отреагировали на него каким-то вопросом. Вопрос задал темноволосый и Родион не понял, о чем его спрашивали. Тогда блондин поднялся из-за стола, подошел к Родиону и представился:

– Никола Тесла – студент.

– Родион – студент из Москвы.

Услышав слово «Москва», темноволосый юноша заулыбался, приветливо помахал рукой, приглашая Родиона к их столу. Тот не стал церемониться и пересел к соседям за стол.

– Что это, – первым делом спросил у него Родион, показывая на заинтересовавший его рисунок.

– Гороскоп, – приветливо улыбаясь ответил тот.

Он протянул Родиону руку, приветствуя его:

– Ян Кефер.

Из завязавшегося разговора, в котором сразу определилась роль Николы как толмача, Родион понял, что сам Никола сейчас учится на философском факультете Пражского университета, изучает философию, математику и физику. Ян – тоже студент, серьезно интересуется астро-

логией. И вот в эти минуты Ян объясняет ему свое видение гороскопа императора Франца Иосифа I, после того как сделал ректификацию его карты.

– Что такое ректификация карты?

– Это сложная процедура уточнения времени рождения по событиям, которые уже свершились в жизни человека.

– И что, удалось установить?

– Ян уверен, что удалось. Известно, что император вступил на престол в декабре 1848 года. Он лично проиграл сражение с Наполеоном III в 1859 году. Через семь лет его принудила капитулировать Пруссия. Женитьба, рождение детей... Ключевых событий достаточно.

– И что это даст?

– Это позволит более точно предвидеть дальнейшие события жизни Франца Иосифа I. Порой важно бывает знать, чтобы быть... Так, Ян полагает, что эгоистичность императора, которая явна в гороскопе и подтверждается его реальной жизнью, будет иметь роковые последствия для судеб империи. Сын Рудольф – единственный наследник престола, скорее всего, покончит с собой. Впрочем, сейчас, после ректификации и сопоставления гороскопов, становится понятным, что и семнадцатилетний племянник императора не успеет унаследовать престол. Ян уверен, что и он уйдет из жизни раньше своего дяди...

Противоречивые чувства обуревали Родиона после сказанного. Хотелось верить, что прорицание возможно, но трудно было принять, что это может выглядеть внешне так просто.

Вскоре Ян попрощался и ушел. Узнав, что Родион изучает юриспруденцию, Никола пригласил его посетить университет, побывать на лекциях, посмотреть старинные книги в библиотеке. Домой Родион возвращался по Старому валу, откуда открывалась чудесная панорама полей и холмов. Вечер был сказочный, ландшафт, раскинувшийся у его ног, утопал в серебристом мерцании. Было до того светло, что он невольно поискал глазами лунный диск и

обнаружил его затерявшимся в гигантских кронах каштанов.

Но вот Луна, все ещё полная, — если бы не маленький, едва заметный изъян, ее окружность была бы идеальной, — выплыла из-за темных стволов, и мертвенно-зеленоватое, окольцованное красной аурой сияние воцарилось над валом. Пока Родион в изумлении рассматривал это сумрачное свечение, неясная тревога вкралась в его душу. Ему показалось, что по диску Луны промелькнула фигура старой, согбенной женщины. Он вздрогнул и отправился спать.

Его встретил Георгий, который стоял возле их временного приюта и с тревогой глядел по сторонам, в ожидании товарища.

На следующий день Родион и Никола встретились у входа в Пражский университет. Пока Никола сидел на важной для него лекции, Родион с восторгом знакомился с университетом. Старина увлекала. Ему казалось, что сейчас из-за угла коридора выйдет кто-то из корифеев былой науки, появится Коперник с астролябией или кто-нибудь из алхимиков с ретортой... Трепет вызывали старинные парты и скамьи, двери, дверные ручки, витражи.

После лекции, показав Родиону университетскую библиотеку, ознакомив с условиями пользования литературой, Никола пригласил его к себе в гости. Он вместе с товарищем снимал скромное жилище неподалеку от университета. Товарища дома не оказалось и поэтому никто их не стеснял. За скромной трапезой молодые люди разговаривались. Никола рассказал, что он закончил Высшую техническую школу в Граце, увлекается изучением элек-

Франц Иосиф I (1830-1916)

тричества, работал в лаборатории профессора Якова Пешля. Никола поделился с Родионом своей сокровенной мечтой о создании электрической машины переменного тока. Сказанное об отличии переменного тока от постоянного мало интересовало Родиона, но он слушал, больше обращая внимание на то **как говорил Никола**. Уверенность, настойчивость, безграничная вера в возможность реализации своей мечты, – вот что поражало Родиона в своем собеседнике.

В то же время Родион почувствовал в горячей речи своего нового знакомого желание найти у него поддержку. Гравитация, притяжение и отталкивание, постоянное и переменное начали вырабатывать в его голове невероятное напряжение.

И здесь Никола вдруг заговорил о том, что питало его уверенность в успехе:– Интуиция – это нечто такое, что опережает точное знание. Наш мозг обладает, без сомнения, очень чувствительными нервными клетками, что позволяет ощущать истину, даже когда она еще не доступна логическим выводам или другим умственным усилиям. Я верю в свою интуицию и поэтому я принялся за работу со всем жаром и беспредельной верой юности.

– Почему же ты пошел учиться на философский факультет, если тебя так сильно интересует электротехника?

– Я пообещал отцу учиться, и пока у меня будет материальная возможность, я буду учиться в университете...

На некоторое время Никола замолчал, но потом продолжал:

– Но отец умер и материальное положение семьи сложное...

Они помолчали. Никола встал, сварил кофе. Наступила очередь Родиона рассказать о себе, о своих исканиях. Он начал с рассказа о своих сомнениях, о последней встрече у Николая Федоровича с Мичуриным и Циолковским. Николу больше заинтересовала та часть его рассказа, где речь шла об исканиях Циолковского. Здесь он бросил реплику, которую Родион запомнил, но вначале не придал ей значения:

– Сила действия равна силе противодействия. Важно преодолеть противодействие...

Родион поведал Тесле, что теперь он твердо решил заниматься проблемой воскрешения. И хотя ему в практическом плане здесь почти ничего не понятно, но он будет работать с фанатизмом и прилежанием. Тесла усмехнулся:

– Да, у меня и в мыслях такого никогда не было и появиться не могло бы... Отец очень хотел, чтобы я стал священником. Пойми, душа моя не лежит к этому. Не верю я в бытие божие и ничего с собой поделывать не могу. Но поскольку философия тоже призвана дать ответы на те же вопросы, что и богословие, я её и избрал для продолжения образования. Некий сомнительный компромисс между волей отца и моей совестью...

Слова Николы заставили Родиона серьёзно задуматься над своим отношением к Богу. Напряжённо он пытался вспомнить свои реакции, свои переживания по поводу оценок сакрального. И в душе пришел к выводу, что скорее он так же далек от веры, как и Никола.

Раздумывал и Никола над тем, что же всё-таки может означать самая идея воскрешения. Наконец он не удержался и заметил:

– Ты понимаешь, насколько сложна эта задача? Ты понимаешь, сколько умов надо привлечь к этому? Наконец, ты понимаешь, сколько для этого потребуется средств?

– Да, Никола, ты поставил тяжелые вопросы. И я на них могу ответить утвердительно. Однако считаю, что дело стоит того, чтобы его начать. А всё-таки, ты как человек, претендующий стать профессиональным философом, что мог бы сказать по поводу того, с чего следует начать это дело.

– Хорошо! Давай отставим пока в сторону и сложность задачи, и отсутствие специалистов, и отсутствие средств...

– Да, да, давай отставим! И начнем с главного! С идеи...

Никола внимательно посмотрел в глаза Родиону:

– Ты задумывался над тем, что такое душа, что такое жизнь?

– Наверное, задумывался, – осторожно ответил Родион.

– Наверное, задумывался над этим и я когда-нибудь, но сейчас не припоминаю, – задумчиво проговорил и Никола. – Ну что же, давай подумаем вместе.

– А может быть задачу упростить. Сначала спросить себя, кто достоин того, чтобы вернуть его к жизни, а кто не достоин?

– Понятно, ты хочешь подойти к делу с позиции морали. С позиции того, кто более ценен. Думаю, что это несправедливо. Шанс должен быть дан всем! Хотя, как учит оккультная наука и как поступали в древних мистериях, может быть, не следует возвращать к жизни тех, у кого в жизни были трагедии...

– Может быть, не стоит возвращать и тех, кто был выдающимся деятелем в положительном или в отрицательном смысле, – добавил Родион.

– Вот видишь, как легко мы стали заниматься селекцией. Думаю, что это больше подходит этому, как его, Мучину? – здесь Никола сильно искажил фамилию Мичурина.

– Согласен. Давай начнем с того, что охватывает душа, где она все-таки находится?

Ответа на вопрос долго не давал никто из них. Молча допивали они остывший кофе. Затянувшееся молчание прервал Родион:

– Мне почему-то, наверное, по духу индуизма, кажется, что душа распространена по всему телу.

– Тогда понятия «душа» и «жизнь» тождественны, – заметил Тесла. – И тогда в каждой живой клеточке находится какая-то часть души. А, кстати, насколько мне известно, еще лет двадцать назад Рудольф Вирхов сформулировал весьма значимое положение: каждая клетка может происходить только из другой клетки путём деления: «*Omnis cellula e cellula*»!

Почувствовав, что разговор затянулся, и не желая дольше отвлекать хозяина, Родион стал прощаться:

– Может ли в моем деле какую-то роль сыграть астрология?

– Думаю, что может. И поэтому вполне логично завтра нам встретиться с Яном Кефером. Несмотря на молодость, он очень квалифицированный астролог, да и интуиция у него потрясающая.

Вернувшись в пансионат, Родион застал Георгия и его товарища в состоянии повышенного возбуждения. Георгий сказал, что им лучше отправиться в Берлин, поскольку там у него есть где остановиться. Главное сделано, – они уже вне пределов досягаемости полиции и жандармерии. Родион ехать дальше не собирался, намереваясь в ближайшее время вернуться в Россию. На прощание Георгий поделился с ним своими небольшими средствами, и утром они расстались. В следующий раз Родион увидел Георгия Плеханова уже в Петрограде, весной 1918 года, когда он с грустью провожал этого российского пионера марксизма в последний путь.

В последующие две недели Родион постоянно встречался с Николой и Кефером. Ян Кефер жил в уютной квартирке в доме господина Гаека на Староместском рынке. Из окна этой квартиры открывался прекрасный вид на широкую площадь; справа – причудливо зазубренные шпили Тынского храма, слева – нарядная ратуша, оплот строптивного пражского бюргерства. Целый день по площади сновали императорские посыльные.

Ян Кефер преподавал Родиону основательный курс основ астрологии, подарил несколько книг. В середине июля Родион вернулся в Москву, обуреваемый новыми идеями и с неуёмным желанием реализовать поставленную перед собой цель.

Глава седьмая. ПРОЦЕНЩИЦА

Первой мыслью Родиона по возвращении в Москву было уже не желание продолжить и завершить свое университетское образование, а желание создать лабораторию. Главное, очевидно, заключалось в том, чтобы раздобыть необходимые для этого средства. И здесь, неожиданно для Родиона обнаружился весьма привлекательный выход из положения.

Как-то так получилось, что ноги его сами привели на Сухаревку, в известный трактир Григорьева. Он без колебаний, не сомневаясь в положительном результате, подошел к хозяину и попытался привлечь его на свою сторону в деле создания лаборатории. Несмотря на страстность, с которой Родион излагал свою идею, хозяин категорически возражал не только против своего участия в этом деле, но и против самого дела воскрешения.

Преградой на пути реализации замысла Родиона стала глубокая религиозность Григорьева. Он немедленно достал с полки Библию Синодального издания 1876 года, одел очки, и назидательно изрек, старательно налегая на все яти:

— А сие вам знакомо, молодой человек! Послушайте, что сказал Господь: «И изгналъ Адама, и поставил на востокъ у сада Едемскаго херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь къ дереву жизни».

Пораженный, Родион промолчал.

— Дерзнуть хотите, против Бога замыслили пойти! Хотите вечной жизни, а Господь не допускает сего! Нет-с, не позволю и сам делами греховными заниматься не стану-с! Извольте уйти, и в мое заведение с такими мыслями больше не заходите.

Обескураженный и обиженный непониманием вышел Родион на площадь. Яркое светило солнце, по Сухаревской площади одни люди прогуливались, другие торопливо проходили по своим делам. Родион стоял и растерянно смотрел на возвышавшуюся перед ним башню. Во второй

раз в таких же растерянных чувствах он стоял перед этой башней в 1935 году, со слезами глядя, как ее разбирают строители, расширяя дорогу в «светлое будущее».

– Родион! Ну как вы съездили в Прагу, – неожиданно кто-то громко нарушил его одиночество.

Оглянувшись, Родион увидел улыбающегося каракозовца Николаева. Тот протянул ему руку, с нескрываемым удовольствием похлопывая его по плечу. Родион, еще не отошел от переживания случившегося, что заметил и Николаев.

– Что-то случилось? На вас лица нет. Зайдем к Григорьеву?!

– Нет, ни в коем случае! Не к Григорьеву!

– Понял-с, зайдем в другое заведение. Эка беда! – воскликнул он понимающе.

Перейдя площадь, они зашли в первый попавшийся трактир, где Николаев заказал полштофа водки, закуску, налил по стопке и приготовился слушать:

– Ну, с возвращеньцем вас!

Выпили. Родион сжато, без лишних слов и эмоций пояснил ситуацию.

– Хорошенькое дело, покойников с того света возвращать! Это что, чингисханы, наполеоны, нероны, николаи первые и всякая иная нечисть снова вернутся на свет божий? – в недоумении спросил он. – Конечно, прав Григорьев, и нечего на него обижаться... Давай по второй!

– Мы должны выполнить свой долг перед отцами, – упрямо повторил Родион аргумент Федорова.

– Никто на нас таких обязанностей и не накладывал!

В ходе дальнейшей беседы, прерываемой возгласами Николаева, хитроумными тостами, заказом второго полштофа, пришли к выводу, что ему надо встретиться с Федоровым и из первых уст услышать суть глобального дела, подразумевающего космические масштабы.

– А что касается денег, то здесь потребуется не одна сотня тысяч, думается мне, – встревожено заключил Николаев.

Каково же было удивление Родиона, когда спустя день, ранним утром он был разбужен громким стуком в свою дверь. На пороге стоял взволнованный Николаев:

– Поговорить надо.

Оглянувшись, он аккуратно притворил дверь и полупшепотом стал излагать Родиону причину столь раннего визита. Оказалось, что четверо «болдохов» и «волков» из «Сухого оврага» договорились «взять» известную во всей Москве процентщицу. Причиной стало достаточно достоверное известие, что старуха собирается пожертвовать все свои богатства местной епархии. Об этом по пьяному делу проболтался на вчерашних похоронах один из батюшек, близких к епископату. Грабители запланировали, не мешкая, сработать дело в ночь.

– А я здесь при чём? – спросонья не понял сути сказанного Родион.

– Как при чём. Ты понимаешь, что там половина богатств индейца, что там масса камушков, золота, ассигнаций! – в волнении перешел на «ты» Николаев. – Ты понимаешь, что там достанет на две твоих лаборатории!

– Так вы же были против, вы хотели разъяснений, – возразил, еще не вполне проснувшийся, Родион.

– Сейчас не до «за», не до «против». Это огромная удача... Я подумал... Я теперь как витязь на перепутье... Есть для меня три пути... Или молчать, или рассказать процентщице, – она своих предупредит... Или... Верни мне Дмитрия Каракозова! – беспорядочно и умоляюще заговорил вдруг Николаев. – Верни Дмитрия!

Здесь Родион окончательно проснулся. Эти «верни», «лаборатория», «удача», «процентщица» вдруг выстроились у него в голове в страшную в своей простоте логическую цепь. Под ложечкой защемило, по телу прошел легкий озноб.

– Но как? – в волнении произнес он.

– Вот это другой разговор, – деловито заметил Николаев. – Надо опередить. И тогда подозрение будет на хитрованцев...

Оказалось, что у опытного заговорщика, пока он шел к Родиону, появился четкий план.

– В особняке, где расположена квартира процентщицы, этажом ниже сейчас идет ремонт под вселение новых жильцов. Я найму какого-нибудь заезжего крестьянина с телегой, он подъедет к дому, якобы вывезти мусор строительный, мы вынесем наш товар и дело с концом.

– А как быть со строителями?

– Я подошлю к ним хитрованца, он соблазнит их хорошим заработком на пару часов на соседней улице, и пока они будут ходить туда-сюда дело мы сделаем. Пары часов нам достанет...

– А процентщица?

– А вот это будем решать на месте. Жди меня через пару часов. Приготовь револьвер на всякий случай.

Не дожидаясь возражений, Николаев быстро исчез.

Дерзкое ограбление вызвало переполох и у полиции, и в преступном мире Москвы. Украденное по примерным расчетам могло стоить до миллиона рублей. Процентщица имела сильных покровителей, к ней благоволил сам Андрей Михайлович Смолин, известный московский сыщик, занимавшийся преимущественно сухаревским ворьём и преступным миром. Ходили слухи, что Смолин и процентщица в прежнее время много лет были в связи. Говорили о том, что в молодости она была красоты неимоверной.

Женщина проживала на 1-й Мещанской, в собственном двухэтажном особняке со старухой прислугой. Нижний этаж сдавался жильцам. Много лет процентщица занималась ростовщичеством, брала в залог золотые и другие ценные вещи, к тому же ей успели снести изрядную долю бриллиантов, жемчуга, золота и бирюзы покойного индуса. По показаниям племянника процентщицы в залоге и в виде ее собственности в квартире было четыре ведра серебряных и золотых часов, серебряных и золотых колец, цепочек и прочего, а также около ста тысяч рублей ассигнациями.

Процентщица и ее прислуга были найдены убитыми в своей квартире. Еще одной случайной жертвой стал

подрядчик, решивший почему-то в это, роковое для него время, наведаться в ремонтируемое помещение. Возле кладбища были обнаружены привязанными к изгороди бесхозные лошади, которые по словам одного случайного прохожего могли перевозить награбленное. Но ни телеги, ни хозяина лошадей найдено не было. Полиция установила, что выстрелы были произведены из двух револьверов. С самого начала следствие зашло в тупик. Решительно никаких надежных улик, проливающих свет на ограбление, найдено не было.

Единственная надежда была на Смолина, имевшего прозвище «Сухаревский губернатор». Десятки лет жил он недалеко от процентщицы на той же 1-й Мещанской. Узнав о дерзком ограблении, к тому же совершенном днем, старик вышел из себя. Небольшого роста, плечистый, выбритый и остриженный наголо, в поношенном черном пальто и картузе с лаковым козырьком он степенно и незаметно двигался по Сухаревке. Воры, если увидят его, знают, что прятаться поздно, что он их уже увидел. Заискивающе подбегают. Рыжий щеголеватый карманник Пашка Рябчик был уже около. Он опустил что-то в карман Смолина и хотел скрыться.

– Стой! Кто ограбил процентщицу?

– Что вы, Андрей Михайлович! Как возможно!? Не могу знать! Щучка здесь... с женой... Проигрался... Зло работает...

– С Аннушкой?

– Да-с... Юрка к Замайскому поступил... Игроки с деньгами! У старьевщиков скупают... Кукиш и сам Цапля. Шуруют вон, гляди...

– Давай сюда Цаплю, дурак...

Подобострастно подбежал Цапля. Незаметным движением сунул в руку Смолину ассигнацию.

Андрей, что здесь происходит?

– Вот дело было! Сашку Утюга сегодня на шесть тысяч взяли...

– Сашку? Да он сослан в Сибирь!

– Какое! Всю зиму на Хитровке околачивался... болел... Марк Афанасьев подкармливал. А в четверг пофартило, говорят, в Гуслицах с кем-то купца пришил... Как одну копейку шесть больших отдал...

– Это, кто такой франт, что с Абазом стоит?

– Невский гусь... как его... запамятовал...

– Кахибарджи! Дурак, ничего не знаешь, пьешь. Зачем он здесь?

– За кем-то из купцов охотится... В «Славянском базаре» остановился, в сорокарублевом номере. И Караулов с ним... А Сашке дали сотенную, он в Нижний укатил...

– Опять ты, дурак, про Сашку. Но кто убил процентщицу?..

Длинный разговор с Цаплей, показавшим исчерпывающую осведомленность по множеству второразрядных вопросов, как и с другими ворами, достойными внимания, искомого результата не дал. Впервые Смолин испытал великое разочарование. С этого дня он стал быстро сдавать...

Расследование, проводимое самим уголовным миром, «Иванами», «болдохами», «волками» и прочими также результатов не дало. Сокровища как в воду канули.

Через два дня после описываемых событий Родион пришел с Николаевым в библиотеку, где и познакомил его с Федоровым. Тот выглядел несколько усталым, но постепенно разговорился. Состоялся знаменательный для них разговор с мыслителем, с отцом русского космизма.

Федоров начал беседу с определения сущности и направленности прогресса:

– Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкусить наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений. Особую форму приобретает прогресс в искусстве. Здесь он уже не довольствуется лишь признанием зла, он жаждет выпячивания его, особенно упивается им в реалистическом искусстве.

Внимание гостя мыслитель обратил также на особый статус ученых, которые превратились в некое подобие со-

словия. Глубокий протест у него вызывало и принятие знания за конечную цель. Он заметил, что замена дела мирозерцанием – это культ идей, идеолатрия. А посему чистое созерцание в духе платонизма следует заменить практической деятельностью, реальным воскрешением.

Николаев проявил достаточную осведомленность, спрашивая об отношении Федорова к Дарвину, новейшее учение которого уже получало распространение в московских научных кругах.

– Прогресс отождествляют с эволюцией, – заметил Фёдоров. – Его заимствовали у слепой природы, но прилаживают к человеческой жизни. Здесь извращена нормальная логика процесса. Прогресс от низшего в высшему, от худшему к лучшему применительно к человеку требует, чтобы недостатки слепой природы были исправлены сознающей эти недостатки природой, т.е. совокупною силою человеческого рода. Идеи дарвинизма для нас неприемлемы, поскольку улучшение путем борьбы, истребления должно заменить возвращением самих жертв борьбы, так можно искоренить зло и водворить вместо него благо...

Николаев внимательно слушал мыслителя, изредка прерывал его короткими репликами. Особенно заинтересовала его, высказанная Федоровым мысль о том, что воскрешение – это замена похоти рождения сознательным воссозданием.

– Что вы понимаете под воссозданием? Вы что, полагаете, что нормальная человеческая физиология будет каким-то внешним образом упразднена? Или люди откажутся от своей функции воспроизводства рода?

– Разум дан человеку для того, чтобы он руководствовался им всегда, во всех событиях своей жизни...

– А как же страсти человеческие, любовь, ненависть?..

– В цивилизованном обществе этого быть не должно, во всяком случае и искусство в таком обществе должно стараться избегать таких неопределенных явлений, – отвечал Федоров. – Сложная диалектика существования и сущего в цивилизованном обществе приобретает своео-

бразную форму: с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, **что есть**, к знанию того, **что должно быть**».

Здесь Николаев оживился, обратив внимание на последние слова Федорова:

– Как можно строить жизнь по принципу «что должно быть»? Кто будет определять вот это самое «что»?

Федоров разъяснял, что цель истинного прогресса в участии всех в деле познания слепых сил природы, которая чревата голодом, язвами и смертью. Слепую природу надо превратить в живородящую, сделать ее управляемой разумом, уверял он.

– Именно практическая сила разума – это тема мучительно важная для меня, – подчеркнул Федоров. – Еще Аристотель сказал: «Мы знаем только то, что сами можем сделать». Я думаю, здесь он не допускает отделение знания от действия. Хотя, по-видимому, более общим было бы все-таки гегелевское положение «о тождестве мышления и бытия». А в итоге все-таки для меня принципиально важно **обратить слепую силу природы в управляемую разумом!**

Родион молча слушал обоих, непрерывно размышляя, заставляя свой разум ответить на один вопрос: «С чего начинается воскрешение живших прежде?». Во все время разговора его подмывало вернуть разговор в практическое русло. Наконец он не выдержал:

– Николай Федорович, с чего же начинается практическое воскрешение?

– XIX век – это век восстановления суеверий, отрицания филантропии и гуманизма, – начал Фёдоров. – Усвоив дарвинизм, нынешний век признал борьбу законным делом и из слепого орудия природы стал сознательным её орудием, органом. Но недоразумение людей в том, что длительное время труд человеческий был обращен к земле, а не к небу; и даже не к Земле как целому. Поэтому я вижу такую логику выхода человечества из тупика прогресса, в который оно зашло: 1) метеорическая регуляция

как общее дело вначале; 2) осознание ограниченных ресурсов Земли, даже при регуляции климата; 3) осознание необходимости изучения Земли как небесного тела и небесных тел как земель.

Здесь Федоров ненадолго остановился, глаза его ожились, и он продолжил:

– Более того, люди должны понять, что земля превратилась в кладбище отцов и будет таким оставаться пока мы не обратим другие небесные тела в жилище для нас.

– Николай Федорович, я спрашивал о теле человеческого...

– Самое человеческое тело я рассматриваю как бессознательное произведение наших предков, но **наше тело должно быть нашим делом**, в смысле возвращение жизни отцам при его посредстве. Вернув жизнь отцам, мы сделаем и наше тело иным! – воскликнул Федоров. – Мы должны видеть себя орудием Бога в деле возвращения жизни отцам (имманентность Бога): люди в своей совокупности сделаются орудием всеобщего воскрешения, когда Слово Божие сделается в нас делом Божиим». Впрочем, и сами мы через всеобщее воскрешение станем «союзом бессмертных».

Родион почувствовал, что в этот раз он не услышит ответа на волнующий и Николаева, и его вопрос, как и чувствовал, что сам он до конца не додумал свой вопрос... Поэтому он скорее смотрел как говорит Федоров, чем слушал. Разговор по-прежнему вели двое, два Николая Федоровича.

Религиозность свою Федоров всячески подчеркивал, необходимость веры в бытие Бога – также. Чтобы уподобиться Божеству, деятельность человеческого рода должна быть действительным воскрешением, ибо всеобщее воскрешение есть высший критерий истины. В сознание Родиона время от времени пробивались фразы учителя:

– Превосходство каждого последующего поколения в том, что оно больше будет любить, почитать, служить своим предшественникам...

– Пока человечество не сочтет своим долгом дело всеобщего воскрешения, до тех пор оно будет занято взаимным истреблением...

– Долг к родителям имеет не только нравственный характер, но выражается и в физической зависимости, невольности, несвободе; рождённость – это несвободность...

– Позвольте, – прервал Николаев рассуждения Федорова, – в приведенных вами рассуждениях определено выражено важное положение вашей философии. Вы требуете от людей оплатить свой долг через возвращение жизни своим родителям, которых вы считаете нашими кредиторами. Вы полагаете, что таким образом мы сможем обрести себе свободу. Вы также утверждаете, что без всеобщего воскрешения нельзя признавать и торжество духа над плотью? Я вас верно понял?

– Да, верно.

– Извините меня, ради Бога, может быть, я чего-то недопонимаю... Странно, но в вашем учении удивительным образом переплетаются прагматизм и вера, эмпиризм и волюнтаризм, желание счастья, бессмертия и вечного блаженства. Почему же достижение всеобщего воскрешения превращает мир несвободы, физической необходимости в мир сознательный и свободный?..

– Всеобщее воскрешение – это не мечта, не идеал, – это проект, утверждаю я, – продолжил Федоров. – Естественно, – это трудная задача, требующая труда и доблести всех, чтобы обратить слепую силу природы в управляемую разумом. Здесь очевидна вдохновляющая диалектика феномена: устраняя из своих действий личные побуждения, стремление к личному счастью каждый человек в итоге их и получит в виде блага личного бессмертия...

Здесь Федоров остановился, очевидно, желая предельно четко сформулировать некую важную для него идею, и продолжил:

– **Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех; это и есть объединение**

живущих (сынов) для воскрешения умерших (отцов). И я уверен, что уже совсем скоро мои слова вполне примет новая культура...

– Не могу с вами согласиться, – возразил Николаев, – по причине противоречивости ваших слов. Боюсь, что господствующая идеология скорее примет первую часть, но вторая часть этому обществу будет чужда, ибо это будет общество атеистическое! Общество, которое дерзнет против Бога, – это общество атеистическое!

Наступила пауза. Спустя немного Николаев продолжил:

– Возможно, наука достигнет того, чтобы вернуть к жизни всех умерших, но это будет наука атеистическая! Я лично хотел бы, чтобы вернули к жизни людей, которые боролись против угнетателей, против самодержцев и тиранов. Но я против того, чтобы воскрешали тиранов. Пусть вернуться Дмитрий Каракозов, товарищи его, но не царские сатрапы.

Фёдоров обратил внимание на имя Каракозова:

– Вы знали Каракозова?

– Да, – замаялся Николаев.

– Понятно... – вскинул голову Фёдоров, – и мне припоминается эта история. Три недели провёл я в каземате, будучи подозреваемым. Но подозрения не подтвердились. Да и как они могли подтвердиться в отношении невинного человека.

– Не скажите, у нас всё возможно, – заметил Николаев.

Собеседники поговорили еще немного о морали современного общества, о технических новинках и возможностях метеорического регулирования природы и попрощались.

Выйдя из библиотеки на улицу, Родион и Николаев двинулись в сторону Манежной площади. Оба находились под впечатлением прошедшего разговора. Николаев был возбужден, готов был спорить и доказывать неосуществимость идеи воскрешения. Впрочем, слова его не отличались категоричностью; как и Родион он ожидал услышать

логику практического действия по воскрешению, но Федоров уклонился от развития разговора в этом направлении. Очевидно, он почувствовал, что сегодня об этом говорить не следует.

После того как Николаев ушел, Родион поразмыслив немного по сути разговора с Федоровым, понял, что обсуждение темы практического воскрешения с Федоровым возможно только в условиях доверительности, чего никак не обеспечивало присутствие строптивного Николаева.

Глава восьмая. КОНСТАНТИН ЦИОЛКОВСКИЙ

В наступившей осени Родион, вдохновленный преподанным ему в Праге курсом генитлиологии, серьезно занялся изучением естественных наук. Начал интересоваться и литературой по алхимии. Наряду с посещением основных лекций по специальности, он пользовался всякой возможностью посещать лекции по химии, биологии, астрономии у авторитетных профессоров Московского университета. Несколько раз ездил с этой же целью в Санкт-Петербург, Казань, Киев.

А между тем в летние месяцы произошли некоторые изменения в деле управления народным образованием. Лорис-Меликов добился отставки ненавистного ему министра графа Д.А. Толстого. Вместо Толстого был назначен А.А. Сабуров. Место министра финансов занял А.А. Абаз, убежденный сторонник преобразований в духе 1860-х. Несмотря на свои порывы в решении кадровых вопросов, Лорис-Меликов был категорически против дарования России конституционного устройства, в чем он и убеждал императора Александра II.

Сам император, находясь под впечатлением относительно спокойной ситуации в обществе, распорядился отменить различные чрезвычайные меры в рескрипте от 30 августа. Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел, очень оптимистически смотрел на результаты принятых им мер, обманутый временным прекращением террористических актов со стороны революционеров. Он убедил государя назначить сенаторские проверки в ряд губерний, дабы выяснить нужды страны и недостатки существующей административной системы. Впрочем, министр имел некоторые соображения относительно новых представительных выборных органов, которые были названы Лорис-Меликовской конституцией. Предполагалось о ней торжественно объявить 1 марта 1881 года. Но, увы, именно в этот день от руки террористов «Народной

воли» император был поражен на пути из Михайловского дворца в Зимний дворец. Наступили тяжелые времена создания дознавательных и карательных органов.

Новый император Александр III практически отказался от великих преобразований 1860-х годов. В отношении народных масс руководящим стал принцип всесторонней административной опеки. Иллюзия свобод закончилась.

Незадолго до гибели императора Александра II состоялась очень важная для Родиона встреча у Н.Ф. Фёдорова, в которой участвовали профессор Бутлеров, Циолковский и Владимир Соловьев. Середина февраля выдалась с жесточайшими морозами и выюгами, и приехавший в Москву на пару дней Циолковский вынужден был задержаться на целую неделю. Соловьев же часто в это время встречался с Федоровым, работая в библиотеке. Молодой доктор не более года тому успешно защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». Был он весел и оживлен.

Родион почти физически ощущал влияние мощного волевого и творческого интеллекта, столь характерного для Владимира Соловьева. Многочасовые размышления, напряженная работа над разнообразной литературой, внимательное наблюдение над окружающим приблизили Родиона к тому, чтобы, как ему казалось, сформулировать практические шаги на пути реализации идеи воскрешения живших прежде. Естественно, что беседа началась с обсуждения вопроса о сущности воскрешения мертвых.

Бутлеров начал с того, что тело любого живого существа, в том числе и человека, состоит из атомов, а каждому химическому атому свойственно лишь определенное и ограниченное количество химической силы или сродства, с которой он принимает участие в образовании тела. Эту химическую связь он называл химическим строением, или способом взаимного соединения атомов в сложном теле. Далее он утверждал, что химическая натура сложной частицы определяется натурой элементарных составных частей, количеством их и химическим строением...

Император Александр III

Увлечшись, Бутлеров углубился в дебри химического строения вещества. Желая вернуть разговор в русло актуальной темы, Родион заметил, что он видит три категории умерших: те, кто умирают у нас на глазах; те, кто умерли сравнительно недавно, и чьи тела еще не успели разложиться; те, чьи тела давно уже превратились в прах.

Николай Федорович удовлетворенно кивал головой и продолжил:

– Важно понять, что поскольку голод и смерть происходят из одних причин, то человек должен так познать себя и мир, чтобы производить себя из самых основных начал, на которые разлагается всякое человеческое существо. Так человек обретет возможность воскресить всех умерших и таким образом воссоздать и себя в жизнь вечную. Необходимо вернуть разложенные частицы тем существам, коим они первоначально принадлежали.

– Мне кажется, что касательно людей умирающих должно быть применено некое средство, называемое алхимиками «эликсир жизни», – заметил Циолковский.

Федоров оживился и нетерпеливо замахал рукой:

– Это очень узкое решение задачи! Бог делает всё для человека, но Бог делает всё для человека через самого человека. В природе нет целесообразности, потому что её должен внести сам человек, – это высшая целесообразность. Творец через нас воссоздает мир, воскрешает всё погибшее. И одна из задач человека – познать силу, движущую Землей, и научиться управлять ею.

– И потом, – заметил Константин, – труд человеческий не должен ограничиваться пределами земного шара. Вы,

Николай Федорович много раз говорили о том, что для сынов человеческих небесные миры – это будущие обитатели отцов, ибо небесные пространства могут быть доступны только для воскрешенных и воскресающих; исследование небесных пространств есть приготовление этих обитателей.

– Но здесь перед человечеством возникает снова проблема диалектическая: с одной стороны, без освоения космоса одновременно не смогут существовать все поколения; а с другой, – без воскрешения всех нельзя освоить небесное пространство, – в задумчивости изрек Федоров. – Таким образом, три частных вопроса: регулирование атмосферными явлениями; управление движением Земли; отыскание «новых земель» входят в один общий вопрос о преодолении голода и восстановлении жизни предков. Мы должны стать «небесными механиками», экипажем корабля – земного шара.

– И я сейчас сижу, читаю, думаю, как всю эту грядущую массу людей расселить в Космосе! – радостно воскликнул Константин.

Родион внимательно следил за ходом беседы, а при последних словах Константина ему вспомнилось услышанное в Праге, и он почти механически произнес фразу Николы Теслы:

– Сила действия равна силе противодействия. Важно преодолеть противодействие...

Собеседники задумались. Спустя некоторое время Федоров заметил:

– На телеге в космос не поедешь. Там воздуха нет...

– Да, – меланхолично изрек Родион. – Но сила действия... Ветер, например, может отталкивать, а бывает, что и притягивает... А?

Николай Федорович, листая свои заметки, начал говорить о том, что человечеству нужна единая живая, или деловая религия, ставящая в центр вопрос о жизни и смерти, вопрос о воскрешении, вопрос о том, «почему умершие не оживают, сущие в гробах не воскресают». Решать этот вопрос следует вполне натуралистически. Человечество

должно воскресить всех своих предков, вернуть им их телесное обличье. Разложение тела и рассеяние его частиц не может быть препятствием к этому, так как частицы тела не могут выйти за пределы нашего пространства.

– Вы знаете, Николай Федорович, ваши слова напомнили мне мысли Минуция Феликса, – прервал его Бутлеров. – Кто из философов сомневается в том, что все рожденное умирает и все получившее начало имеет конец...

Соловьев, молчавший доселе, поднял голову:

– А дальше, дальше..., – Александр Михайлович.

– Не понял, что дальше?

– Я вас спрашиваю, что вы хотите сказать дальше?

– Я хочу сказать, что смертное оно и есть смертное, – подчеркнул Бутлеров.

– Понятно. Но, помнится мне, Минуций Феликс, критикуя гностиков, рационалистов и язычников вообще, говорил о всемогуществе Господа. Николай Федорович, где у вас его «Октавий»?

Выйдя на минуту в соседнее помещение, библиотекарь подал ему книгу. Соловьев, полистав ее несколько, произнес:

– Вот, слушайте, что написано у Минуция в главе XXXIV:

«В самом деле, кто же столь глуп и бессмыслен, что осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? Что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших?»

Всякое тело – обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю».

На этом Соловьев остановился и закрыл книгу.

– Минуточку, позвольте, дайте мне взглянуть.

– Смотрите, Фома-неверующий, – сказал Соловьев, подавая книгу Бутлерову.

– Ага, перевод протоиерея П. Преображенского. Это того, которого прочили на кафедру философии Московского университета? А всё-таки избрали Памфила Юркевича. Интересно...

Александр Михайлович углубился в чтение, пока остальные собеседники молчали, размышляя над фрагментом из «Октавия».

– Ага, вот дальше, а почему вы, Владимир Сергеевич, дальше не читали? Слушайте продолжение:

«Посмотри также на то, как вся природа, к нашему утешению, внушает мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья на зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности».

– Понятно вам сие, господа? А теперь слушайте у Минуция Феликса главное, – с некоторым торжеством изрек Бутлеров:

«К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе?»

Здесь он удовлетворенно захлопнул книгу. Но торжество его было не долгим. Родион наблюдал за реакцией Николая Федоровича во все время искренних манипуляций профессора Бутлерова. Чувствовалось, что «Октавия» Федоров читал. Дождавшись последних слов Бутлерова, он взял книгу, открыл ту же страницу и произнес:

– Все правы по-своему. Но дело в том, чтобы доискаться правды жизни, которая суть воскрешение. Поэтому логику рассуждений Минуция следует продолжить его же словами.

Николай Федорович начал читать дальше:

«Нам также нужно дожидаться весны нашего тела. Я знаю, что очень многие, сознавая, что они заслужили, не столько убеждены в том, что уничтожаются после смерти, сколько желают этого; потому что им приятнее совершенно уничтожиться, чем воскреснуть для мучений. Их заблуждение возрастает и от их собственной распущенности в жизни и от долготерпения Бога; но чем более Он медлит своим судом, тем строже суд».

– Таким образом, и ранние христианские отцы Церкви явственно указывают нам, что воскресение необходимо, дабы воскресшие могли уже сейчас покаяться в своих согрешениях и снять с себя вину за содеянное. И наш долг помочь им, – заметил Федоров.

Соловьев согласно закивал головой, ободряюще поглядывая на Бутлерова, которому как естествоиспытателю не все из сказанного было по душе.

– Ну хорошо, – наконец заговорил Бутлеров, обращаясь к Федорову. Какова же на ваш взгляд логика практического действия?

Николай Федорович, не спеша, начал разъяснять свою позицию. Он заметил, что смерть человеческого тела приводит к разложению и рассеянию вещества, его составляющего. Собираение, рассеянных частиц есть вопрос космоллургической (космоземной) науки и искусства, т.е. дело мужское. Сложение собранных частиц есть вопрос физиологический, гистологический, вопрос сшивания тканей человеческого тела, т.е. дело женское. Труд собирания – великий труд, но не надо отчаиваться. Всё вещество, окружающее нас, есть прах предков. Даже в мельчайших частицах есть их следы. Как бы ни дробилась частица, в происшедших от дробления частицах есть следы разломов. Серьезное, целенаправленное напряжение творческих сил ученых приведет к нужному результату:

– Представим же себе, что мир вдруг или не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах – не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы

были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе или какого целого они составляли часть, принадлежность. Если это случится, а наука должна помочь в этом, то задача воскрешения близка к своему разрешению.

Родион с нетерпением ждал продолжения слов учителя. И Федоров продолжил излагать свое видение логики воскрешения. По его мнению, первый воскрешённый будет воскрешён тотчас же после смерти, едва успев умереть. Потом научатся воскрешать тех, кто едва подвергся тлению, потом более разложившихся и т.д. Наконец, обретая всё больший опыт воскрешения, род человеческий дойдёт до воскрешения первого умершего.

Изложение учения и внимание присутствующих вдохновляли Фёдорова:

– Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он сам будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы и быть в гостях у всех поколений – от самых древнейших, до самых новейших, во всех мирах, как самых отдаленных, так и самых близких, управляемых всеми воскрешенными поколениями, во всех мирах, которые во всей целостности будут предметом художественного дела всех поколений в их совокупности, как единого художника.

Из дальнейшего Родион понял, что по логике Фёдорова, воля к рождению есть похоть, она порождает богатство и приводит весь род человеческий к деморализации. Воля к воскрешению, напротив, приводит к морализации всех миров вселенной. Миры, ныне движимые бесчувственными силами, будут управляемы братским чувством всех воскресших поколений. Более того, эти миры будут управляемы и разумом воскресших поколений, а значит, они будут управляемы рациональным образом.

Внимательно следил за всем ходом дискуссии и за логикой учения Федорова и Константин Циолковский. Соб-

ственно он и прервал своей репликой неторопливое течение мысли учителя:

– Так, значит, сила действия равна силе противодействия? Важно преодолеть противодействие притяжения Земли! Я понял, я чувствую, что надо делать для этого!

Присутствующие заулыбались. Взглянув на часы, Бутлеров заторопился в университет на лекцию. Соловьев тоже начал прощаться.

Родион и Константин перешли в читальный зал и присев в углу за стол продолжили разговор. Говорили о том, какими должны быть корабли, которые будут бороздить бесконечные пространства Вселенной.

– Что-то должно уходить назад, чтобы корабль двигался вперед, – меланхолично заметил Родион. – *Re-cedo*.

– Что ты сказал?

– *Re-cedo*, – уходящий назад. Понимаешь, когда по рельсам едет паровоз либо телега по дороге, то здесь дорога точно уходит назад. Хотя дорога, конечно, остается на месте, а движется вперед паровоз с вагонами. Корабль движется в космической пустоте, а что-то движется назад... Что?

Константину понравилось это словечко «*Re-cedo*». Немного побутафорив по поводу, у Родиона неожиданно появилось и общее название для этих будущих космических кораблей – «ракета».

Молодые люди внимательно припоминали сказанное Федоровым, особенно старались понять причины его неприятия развития науки. Константин Циолковский, больше общавшийся с ним, заметил:

– Причину широко пропагандируемого социализма Фёдоров видит в индустризме, порождающем богатство и бедность. Разрешение противоречия между ними и есть социализм, или общество всеобщего обогащения. Как мы уже поняли, – это путь к разрушению природы, по причине востребования из её недр ненужных, праздных вещей, безделушек. Но ведь уже само воскрешение немыслимо без развития биологии, медицины, химии...

– А без развития технических наук немыслимо ни развитие инструментально-технической базы медицины, ни развитие агрономической науки и техники, ни тем более развитие средств транспорта и связи, – добавил Родион.

Размышляя над проблемой воскрешения, молодые люди видели две возможные версии: человеческий организм – только машина и смерть есть её разрушение и порча; или в человеческом организме живёт дух, это тело оживляющий и расторжение их союза (смерть) противостоит естественно. Материализм не может допустить возможности воспроизводства, возвращения к жизни того же самого живого существа. Тождественность личности воскресшей с личностью ранее жившей устанавливается только через посредство бессмертного человеческого духа.

Молодые люди вышли на улицу. Мороз сразу дал себя чувствовать, а высоко вверху равнодушно взирала на происходящее в бренном земном мире ярко-желтая полная Луна.

Глава девятая. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Со времени описываемых событий прошло около года. После окончания учебы в университете Родион поступил на службу в известную московскую адвокатскую контору Федора Никифоровича Плевако. Особого желания обрести адвокатский опыт у него не было, но служить в солидной конторе было крайне необходимо в виду перспективы создания исследовательской лаборатории. Первое дело, которым он занялся, было связано со вновь открытым магазином Елисеева, которому потребовался срочно адвокат.

Родиона подвезли в хозяйской коляске к магазину, в который его покупатели также не приходили, а приезжали. С обеих сторон дома на обеих сторонах Тверской и глубоко по Гнездниковскому переулку стояли собственные запряжки: пары, одиночки, кареты, коляски, одна лучше другой. Здоровенный, с лицом в полнолуние, швейцар в ливрее со светлыми пуговицами, в сопровождении своих помощников выносил корзины и пакеты за дамами в шиншиллах и соболях, за кавалерами в бобрах или шикарных николаевских шинелях с капюшонами.

Родиона ввели в раззолоченный магазин, подвели к самому представительному продавцу, которого почтительно называли Иваном Федорычем, представили, и тот проводил приглашенного к хозяину.

— Григорий Григорьевич, — представился Родиону хозяин, стройный блондин в безукоризненном фраке, с «Владимиром» на шее и французским орденом «Почетного легиона» в петлице.

— Родион Валентинович, адвокат, — в свою очередь представился тот, пожимая протянутую ему руку.

Хозяин четко изложил Родиону суть дела. Вновь назначенный акцизный чиновник участка, на территории которого находится магазин, сегодня утром заявился к хозяину с требованием прекратить торговлю вином, ко-

торую назвал незаконной. Грозился написать протокол. Елисеев, сославшись на срочный вызов к градоначальнику, договорился встретиться с чиновником завтра с утра.

— Как вы думаете, почему он заявил о незаконном характере торговли вином у меня в магазине? Ведь магазин с торговлей винами мне разрешен властями.

— А что, причины он не объяснил?

— Нет, сказал, что всё будет чётко объяснено в протоколе...

— Давайте пройдемся по магазину, вокруг, попробуем понять чиновника, — предложил Родион.

Родион сразу же понял, что хозяин чего-то недоговаривает из того, о чем он говорил с акцизным. Они прошли по всему магазину. По ходу знакомства с торговлей и помещениями магазина Родион понял также, и хозяин этого не скрывал, что вина составляли главный доход Елисеева. В его подвалах хранились самые дорогие вина, привезенные отцом владельца на трех собственных парусных кораблях, крейсировавших еще в 1820-1860-х годах между Финским заливом и гаванями Франции, Испании, Португалии и острова Мадейры, где у Елисеева были собственные винные склады.

Они вышли из магазина и Родион внимательно огляделся по сторонам. Он быстро сообразил, в чем суть претензий акцизного чиновника.

— Григорий Григорьевич, распорядитесь измерить расстояние от входа в соседнюю церковь до входа в ваш магазин. Здесь должно быть не меньше сорока двух сажен...

Хозяин лукаво усмехнулся:

Г. Г. Елисеев

– Ничего измерять, Родион Валентинович, мы не станем. Здесь, действительно, тридцать девять сажен и этот чертов чиновник прав! Что мне прикажете делать, завтра с утра я должен принять решение, если протокол еще не будет составлен к тому времени! Извольте, зайдем ко мне в кабинет, если не возражаете, проведем дегустацию некоторых вин из содержимого моего погреба, пообедаем... Время уже обеденное... Тем более, что я приглашал все-таки хорошего адвоката...

– Григорий Григорьевич, а ведь вы – «Весы»? Ну, признавайтесь, – полушутливо заметил Родион, когда они сели за стол в небольшом банкетном зале, имевшемся при магазине.

Что ответил Елисеев, и каков был дальнейший разговор его с Родионом – неизвестно. Но через двадцать минут к хозяину был вызван управляющий Сергей Кириллович, а еще через двадцать минут в магазине закипела работа, продолжавшаяся всю ночь. Вывеска о продаже вина была перенесена в другой конец дома, выходящий в Козицкий переулок, винный погреб получил отдельный ход и был отгорожен от магазина. С той поры вина, заказанные в магазине, приходилось брать через ход с Козицкого переулка, но, конечно, не для всех...

Как доложил управляющему наутро швейцар, с лицом в полнолуние, акцизный чиновник подошел к магазину, нерешительно потоптался у входа и убрался восвояси.

С момента этого первого адвокатского дела, проведенного Родионом, в его жизни произошли важные изменения. Он стал владельцем адвокатской конторы, выкупленной им у спившегося владельца ее П.А. Залукаева. А воспользовавшись связями коренного питерца Г.Г. Елисеева, бывшего одним из авторитетных членов попечительского совета Петербургского университета, он начал создавать в одном из принадлежавших Елисееву в Москве капитальных складских помещений химическую лабораторию.

Первым делом Родион решил обратиться за советом к Александру Михайловичу Бутлерову. По приезду в Санкт-

Петербург он вкратце напомнил ему содержание их беседы у Федорова. Бутлеров заулыбался, припоминая:

– Что, все-таки продолжаете верить в воскрешение?

– Дело не в вере, Александр Михайлович! Не могут ошибаться люди, которые занимаются делом возвышенным и значительным!

– Чем же я могу быть вам полезен? Ведь я не занимаюсь проблемой жизни, я даже не биолог, не медик... Я – химик!

– Да, Александр Михайлович, и этим вы интересны. Нам нужна помощь в закупке наиболее современного и совершенного химического оборудования для проведения всевозможного анализа строения различных образцов живого и неживого вещества. И в этом вы – специалист. Давайте снарядим в Европу ваших учеников, и по вашему указанию они это сделают. Далее, нам нужны специалисты, которые непосредственно работали бы в лаборатории на постоянной или временной основе. Мы смеем надеяться, что вы взяли бы хотя бы на первых порах за организацию исследовательской работы...

Родион замолчал, ожидая реакции Бутлерова. Тот не замедлил с ответом:

– Кто эти «мы», «нам»?

– Это группа крупных предпринимателей, купцов..., – уклонился Родион от прямого ответа. – Во всяком случае пока проблем со средствами не будет.

– Оборудование для серьезной лаборатории сегодня может позволить себе далеко не каждый университет. А для организации новой лаборатории вообще нужны десятки тысяч рублей. Я даже затрудняюсь сразу сказать, сколько. Надо анализировать, считать...

– Александр Михайлович, повторяю, средств пока вполне достаточно. Давайте ваши предложения по организации лаборатории в Москве. Когда вы смогли бы посетить Белокаменную? Все расходы по поездке вам и вашим помощникам будут оплачены.

– Хорошо! Думаю, что к концу следующей недели я приеду в Москву с одним или двумя своими учениками.

Родион чувствовал, что обращение к Бутлерову в ситуации начала исследовательской лаборатории наиболее уместно. Ведь он впервые объяснил явление изомерии тем, что изомеры – это соединения, обладающие одинаковым элементарным составом, но различным химическим строением. Большое значение для становления теории химического строения имело ее экспериментальное подтверждение в работах как самого Бутлерова, так и его школы. Бутлеров предвидел, а затем и доказал существование позиционной и скелетной изомерии. Еще в середине 1860-х годов он предсказал существование двух бутанов и трех пентанов, а позднее и изобутилена. Он последовательно проводил идеи теории химического строения через всю органическую химию.

Огромны и заслуги его в создании первой русской школы химиков. Его ученики по Казанскому университету В.В. Марковников, А.Н. Попов, А.М. Зайцев заняли профессорские кафедры в университетах. Родион знал, что сейчас успешно работают в Петербургском университете в бутлеровской лаборатории весьма профессиональные химики А. Е. Фаворский, М.Д. Львов и И.Л. Кондаков. Поэтому перспективы сотрудничества ему виделись радужными. К тому же отличительной чертой Бутлерова как руководителя было то, что он учил примером, – студенты всегда могли сами наблюдать, над чем и как работает профессор.

Но самое важное, что привлекало внимание Родиона к Александру Михайловичу, это то, что он из скромности умолчал о своем интересе к практическим вопросам сельского хозяйства, садоводству, пчеловодству, что, несомненно, могло способствовать решению тех всеобъемлющих задач, которые были намечены им. А в последнее десятилетие Бутлеров проявлял глубокий интерес к медиумизму и спиритизму. Обо всем этом Родион без труда разузнал у тех, кто тесно работал с профессором.

В те несколько дней, когда Родион ожидал приезда Бутлерова, он неожиданно для себя очень сильно сблизился с Тимирязевым, который с 1878 года был профессо-

ром Московского университета. Лекции профессора он несколько раз посещал в конце 1880 года, будучи наслышан о больших успехах его в области физиологии растений. В тех лекциях Климент Аркадьевич основное внимание уделял изучению процесса фотосинтеза, для чего им были разработаны специальные методики и аппаратура, принципы действия которой, он объяснял слушателям. Интерес у Родиона вызвала зависимость фотосинтеза от интенсивности света и его спектрального состава: ассимиляция растениями углерода из углекислоты воздуха происходит за счёт энергии солнечного света, главным образом в красных и синих лучах, наиболее полно поглощаемых хлорофиллом. Тимирязев показывал, что интенсивность фотосинтеза пропорциональна поглощённой энергии при относительно низких интенсивностях света, но при их увеличении постепенно достигает стабильных величин и далее не меняется, то есть им были открыты явления светового насыщения фотосинтеза.

Впрочем, после нескольких посещений Родион оставил лекции Тимирязева, будучи внутренне несогласным с его дарвинистским толкованием природы живого. Тот неоднократно подчёркивал, что современные формы организмов – результат длительной приспособительной эволюции; на любом виде ныне живущих организмов лежит печать, с одной стороны, приспособленности к условиям обитания, с другой, – всей предшествующей эволюции. Исходя из этого, Тимирязев считал, что для правильного понимания законов биологии, разнообразных проявлений жизни и возможности управления ими необходим исторический метод, то есть последовательный эволюционный подход к изучению организмов.

Но теперь, обуреваемый задачами практического характера, Родион почувствовал, что дело воскрешения может быть тесно связано с необходимостью учета особенностей живых организмов, бытие которых отстоит от нас на тысячелетия. Поэтому он посетил профессора на его кафедре, где и состоялся обстоятельный разговор.

К. А. Тимирязев (1843-1920)

– Климент Аркадьевич, как вы относитесь к проблеме продления жизни живых организмов? – спросил Родион.

– Я бы не стал смотреть на это явление как на проблему, – философски заметил Тимирязев. – Проблема, – это когда приходится принимать решение, апеллируя к вере. В науке такой необходимости нет. Если же говорить о практических вопросах, то продление жизни возможно при условии создания максимально благоприятных условий для жизни

того или иного вида. Но опять же, каждый отдельный индивид может сильно выпадать из среднего показателя... А что вас интересует?

– Я думаю над тем, насколько реально по останкам того или иного живого организма, даже и ископаемым, восстановить его общий вид и воспроизвести подобие.

– Видите ли, я ведь работаю с растениями..., – несколько замешкав отвечал Тимирязев. – Очевидно, здесь проще. Вот, например, нашли в египетской пирамиде посудину с зерном, посадили зерна в землю, а они возьми и взойди.

– И сразу все стало ясно?

– Для меня – нет. Те зерна пролежали, возможно, три тысячи лет в темноте и в стабильной обстановке. А когда их высадили, то они не могли дать того плода, который давали три тысячи лет тому. Изменился состав воздуха, состав почвы, углекислоты стало то ли больше, то ли меньше, солнечная радиация, думаю, тоже стала отличной от прежней и так далее. Учение Дарвина позволяет

по-новому определить задачи морфологии и физиологии и показывает пути их решения на основе изучения исторического процесса возникновения формы и функции. С позиций дарвинизма, и в первую очередь учения о естественном отборе, иначе следует объяснять и эволюцию функций у растений, в частности эволюцию фотосинтеза и универсальное распространение хлорофилла у автотрофных растений и многое иное.

Родион внимательно слушал профессора, пытаясь понять, насколько его мысли, пронизанные духом дарвинизма, возможно применить к той задаче воскрешения прежде живших, которая стала смыслом его жизни. Казалось, что Тимирязев услышал его немые вопросы:

– Да, конечно, ботаника и зоология имеют что-то общее, – живую клетку, например, в чем схожи и механизмы размножения, но все-таки... Так что, вас, Родион, все-таки интересует? Вы что-то недоговариваете...

– Да, недоговариваю. Климент Аркадьевич, позвольте спросить вас прямо: «Вы верите в возможность воскрешения мертвых?».

– С этого бы и начинали! – с видимым облегчением воскликнул профессор. – Тема сия мне знакома. Имел я несколько бесед с молодым поборником идеи, с Владимиром Соловьевым. Он, правда, приглашал меня к Федорову, да все как-то не сложилось. Оставьте эту мысль, молодой человек. Ни теория Дарвина, а он – человек верующий!, ни Закон Божий, ни здравый смысл, ничто не дает нам оснований ставить задачу воскрешения в практическую плоскость! Впрочем, вот здесь я могу, философствуя, определенно сказать, что – это проблема, ибо только через веру лежит путь к ее решению.

– Не может быть того, чтобы ученый вашего уровня не подсказал хотя бы, как возможно продлить жизнь человеческую, – продолжал настаивать Родион.

– Согласен, каждый ученый, если он гуманист и личность нравственная, должен что-то сделать для того, чтобы жизнь человеческая проходила достойно, чтобы

уменьшалась в ней доля человеческого страдания, которое, очевидно, и сокращает нашу жизнь. Но далеко не все зависит от науки, от ученого сословия. Да и природа, окружающая нас, и земные явления, и космические воздействия, все должно познавать, чтобы как-то ограничить их вредоносное воздействие, – вздохнул Тимирязев.

Две последующие беседы с Тимирязевым, проходившие до приезда Бутлерова, внесли все-таки в душу Родиона некоторую долю уверенности в успехе предпринимаемого дела. Климент Аркадьевич, как он заметил, готов был обсуждать тему, руководствуясь «чисто философскими соображениями». Прежде всего, как ученый-экспериментатор, он обстоятельно рассуждал о «космической роли растений», прямо перед Родионом обобщая свои многолетние исследования в области фотосинтеза. Он осветил значение фотосинтеза, осуществляемого зелеными растениями, как первоисточника органического вещества и запасаемой энергии, необходимых для жизнедеятельности всех организмов, утверждая, что при некоторых условиях растения могут произрастать и за пределами Земли. Родион вполне принимал и видел перспективу использования идей Тимирязева об энергетической закономерности фотосинтеза для обоснования учения о единстве и связи живой и неживой материи в процессе круговорота веществ и энергии в природе.

Как ученый, имевший значительный опыт практической работы, Тимирязев размышлял о постановке аналитической работы, об инструментальной составляющей исследований, о содержании перспективных экспериментов. Все, сказанное профессором, Родион внимательно слушал и фиксировал в памяти, а придя домой, заносил в специальный журнал.

Наконец, в Москву приехал Бутлеров с двумя своими ассистентами. Родион пригласил их пообедать в «Славянский базар» и сразу же после обеда они отправились в здание, где предполагалось создать лабораторию. Осмотрев здание, гости были удовлетворены состоянием поме-

щения, системой водоснабжения и освещения. Бутлеров сделал некоторые распоряжения относительно прокладки газовых труб, системы вентиляции и возведения перегородок. Присев у стола, они начали обсуждать вопросы заказа необходимого оборудования для проведения химических анализов. Сославшись на Д.И. Менделеева, один из ассистентов предложил заказать термометры и приборы для определения плотности жидкостей и удельного веса у знаменитого мастера Г. Гесслера из Бонна. Решено было заказать специальные катетометры и микроскопы у известных парижских механиков Ж. Перро и П. Саллерона.

Много времени заняло обсуждение вопросов заказа лабораторных столов, посуды, переходов, кернов, алонжей, лабораторных воронок, дефлегматоров, капельниц, разнообразных колб, бюксов, холодильников с внутренним и наружным охлаждением, промывалок, бюреток, дозаторов, мерных колб, мерных цилиндров и пипеток и пр. Здесь пришли к заключению, что стекло следует заказывать у пражских специалистов.

Решено было М.Д. Львова, в свое время проходившего практику в Гейдельбергском университете, направить туда с целью получить необходимую информацию о новейшем лабораторном оборудовании. Ему надлежало выяснить в Гейдельберге всё об оборудовании, которое там нынче использовали: дистилляторы, мешалки, аналитические весы, газовые и электропечи, газовые и жидкостные горелки, вакуумная техника, манометры и барометры, фильтры и центрифуги, сосуды Дьюара, оборудование для перегонки, возгонки и кристаллизации, хроматографы, разнообразные пикнометры и вискозиметры, приборы для измерения электрических величин и многое другое. Родион с восторгом слушал специалистов и все больше укреплялся в своей вере в успех. Львову было поручено разместить заказы на необходимые приборы и оборудование в наиболее престижных лабораториях и мастерских, особое внимание обращая на качество и сроки

исполнения. При этом Родион заметил, что наиболее добросовестным исполнителям заказов может быть обещана премия.

Особая часть обсуждения организации лаборатории касалась закупки необходимых химических реактивов. Договорились, что список необходимого будет готов через пару дней. Родион провел Бутлерова и его ассистентов в гостиницу, намереваясь с утра вместе с ними отправиться в Московский университет, где предполагалось в основном уточнить как перечень необходимых приборов и реактивов, так и выяснить перспективы привлечения к делу квалифицированных доцентов, инженеров и лаборантов.

Часть третья

*У нас, на Руси, никто не знает,
зачем он родился, жил, помер.
Ответ один — как все!*

**“Общее дело”
Родиона
Вечного**

Глава первая ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ

Обустройство лаборатории, исполнение технических заказов и закупка необходимых реактивов по тем или иным причинам задерживались. Наконец, к лету 1883 года в основном подготовительные работы были завершены. Радужные мысли Родиона, связанные с началом долгожданных исследований, омрачило одно событие. И нельзя сказать, чтобы оно было неожиданным. Как не хотелось Родиону возвращаться к самому тягостному эпизоду его жизни, но вернуться пришлось...

В середине августа, в его кабинет адвокатской конторы появился неброско одетый мужчина лет тридцати пяти. Внимательно взглянув в лицо Родиону, он представился:

– Степан Михайлович Каледин, следователь...

– Слушаю вас.

– Родион Валентинович?

– Да.

– Имею к вам одно дельце, касающееся событий некоторой давности. Извольте припомнить... старушку-процентщицу... вместе со служанкой... ее убили тогда..., – заглядывая в глаза Родиону, медленно, с расстановкой, налегая на каждое слово, произносил Каледин.

Голос показался Родиону знакомым, и здесь его осенило. Он вдруг вспомнил: давнее лето, Ивана Мичурина, Федорова, Сиддхартху, убитого мужчину с ножом в спине... Вспомнил он и этот голос, голос молодого пристава, заинтересовавшегося тогда ими.

– Вы меня удивляете, господин следователь. Какое мне дело до старушки-процентщицы? До ее служанки, убитой в «некоторой давности», как вы изволили выразиться.

– Оно то так, но может статься, что дело повернется в нужном направлении. Я вот смотрю и удивляюсь. Откуда у молодого человека вдруг взялись деньги, чтобы купить адвокатскую контору? Да, хотя вы и юрист, но ведь практикой никакой не занимаетесь... А за какие средства

изволите жить? Я просмотрел по Москве ситуацию, проанализировал, в предположении своём всё больше утверждаюсь, вот так-с...

– У меня контора, у меня люди работают...

– Я проверял, наводил справки, работают мало, зарабатывают еще меньше...

Родион внимательно слушал следователя, ожидая, что же он в конце концов намерен предпринять. Тот замолчал, очевидно, также рассчитывая, что Родион как-то проявит себя. Молчание затягивалось. В это время в контору вошел доцент Вахрушев, который на данный момент практически руководил работами в лаборатории. Он внимательно посмотрел на молчавших Родиона и Каледина, и не чувствуя никакого подвоха, сказал, обращаясь к Родиону:

– Родион Валентинович, мне сообщили, что завтра из Варшавы будет доставлена партия электротехнического оборудования...

– Кто это? Какое оборудование? – не удержался от вопросов Каледин.

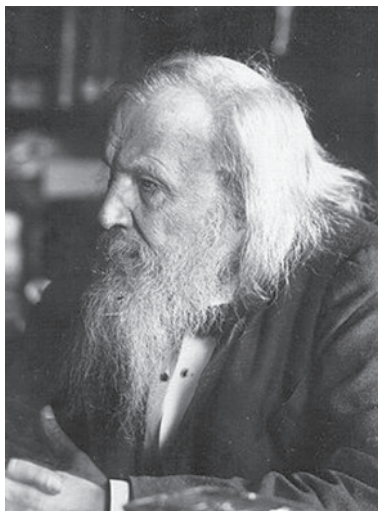
– Это наше дело, вас оно не касается, – сухо отрезал Родион. И добавил, обращаясь к Вахрушеву:

– Подождите меня в соседней комнате.

Вахрушев понял интонацию, и не мешкая, оставил кабинет.

– Извольте объяснить, что вам угодно, – обратился Родион к следователю.

– У меня есть серьезные подозрения относительно вашей благонадежности, – начал тот, – вот и оборудование какое-то. Небось больших денег стоит.

Д. И. Менделеев (1834-1907)

– Можете оставить ваши подозрения при себе, и если вам нечего больше сообщить мне кроме ваших подозрений, честь имею, – заявил Родион, указывая Каледину на дверь. – У меня дел много.

Помолчав несколько, Каледин кивнул головой и вышел.

Действительно, на следующий день крайне необходимое оборудование в лабораторию было доставлено, что существенно повлияло на повышение уровня лабораторных исследований. А через два дня из Праги вернулась группа работников лаборатории, которые там стажировались и обменивались опытом с ведущими чешскими специалистами в области органической химии. Судя по их восторженному виду и готовности немедленно взяться за дело, Родион сделал вывод об успешности такого командирования. В Праге они познакомились с новейшим методом хроматографии, который в сочетании с физическими методами идентификации и контроля позволял органикам непрерывно следить за ходом химических реакций или процессов разделения веществ.

Только трое доцентов, избранных Родионом по подсказке Бутлерова и Тимирязева, имели достаточно ясное представление о громадности предприятия, которое им надлежало осуществить. Учитывая специфику поставленной перед учеными и исследователями лаборатории задачи, были установлены тесные связи с очень профессиональными врачами, обслуживающими морги двух больниц. Профессиональный интерес их выходил далеко за пределы того, что от них требовалось по службе. Родион лично встречался с ними и чувствовал, что эти люди делают даже больше той задачи, которая было поставлена перед ними. Естественно, Родион и его главный помощник – Дементий Вахрушев, наладили тесное сотрудничество также с наиболее расторопными могильщиками, работавшими на самых старых московских кладбищах. Таким образом, составила некая первоначальная структура организации исследований в лаборатории, которую

вскоре, правда, неизвестно с чьей легкой руки, стали называть «Эдемом».

Сама лаборатория занимала большую часть огромного капитального складского помещения на территории табачной фабрики. В другой части находился склад сырья и оборудования фабрики. Лаборатория имела вход со стороны фабричного двора и отдельный въезд, оформленный под бутафорскую витрину, который выходил в тихий переулок, сообщавшийся с большим заброшенным кладбищем. Поэтому мало кто из работников фабрики мог догадываться как о её существовании, так и о её истинном предназначении.

В этот же период становления лаборатории Родион ездил в Санкт-Петербург с целью познакомиться с известным ученым-химиком Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Родион рассчитывал найти поддержку и получить какие-то практические советы от профессора. Д.И. Менделеев принял его вполне доброжелательно. Он внимательно, не перебивая выслушал его идеи, но когда Родион заговорил о своем предложении участвовать Менделееву в любой удобной и приемлемой для него форме в реализации проекта воскрешения мертвых, упомянув при этом имя Бутлерова, Менделеев резко прервал его:

– Родион, вы юрист, и возможно, хороший специалист в своём деле. Имеете собственную адвокатскую контору... Занимайтесь тем, что вы знаете хорошо. Не лезьте в те скользкие области знания, а скорее незнания, домыслов и иллюзий, которые сегодня популяризуют многие даже маститые ученые уровня Бутлерова и Вагнера.

Здесь Менделеев рассказал ему о деятельности комиссии для рассмотрения медиумических явлений, которую создали в ответ на распространение в русской культурной среде воззрений, призванных разрешить проблему непознанного обращаясь к разным формам мистицизма и эзотерики, в частности, спиритуализма, спиритизма или медиумизма. Видя некоторое недоумение Родиона, он заметил, что в числе ученых-лидеров такого понимания

мироустройства были А.М. Бутлеров – сторонник теории «четвёртого» состояния материи, разделявший взгляды убеждённого спиритуалиста У. Крукса, зоолог Н. П. Вагнер и известный публицист А. Н. Аксаков. И тогда по инициативе Д. И. Менделеева молодое ещё Русское Физическое Общество выступило с резкой критикой спиритизма, а 6 мая 1875 года было принято решение «создать комиссию по проверке всех „явлений“, сопровождающих спиритические сеансы».

– Борьба с коллегами была тяжелая и бескомпромиссная, – заметил Дмитрий Иванович, но мы победили. – Комиссией был использован ряд методов и технологических приёмов, исключавших использование «магнетизёрами» физических закономерностей для манипуляций: пирамидальный и манометрический столики, устранение внешних факторов, препятствующих полноценному восприятию обстановки эксперимента, допускающих усиление иллюзий, искажение восприятия реальности. Результатом деятельности комиссии явилось выявление ряда специальных приёмов, вводящих в заблуждение, разоблачение очевидного обмана, констатация отсутствия каких бы то ни было эффектов при корректных условиях, препятствующих неоднозначному толкованию явления – спиритизм был признан следствием использования «медиумами» психологических факторов для управления сознанием обывателей – суеверием.

Родион внимательно выслушал оживлённо жестикулировавшего Менделеева и сказал:

– Но вы ведь не опровергли главного, того, что возможно в принципе, например, передача мыслей на расстояние, ощущения людей относительно того, что происходит с их близкими за сотни верст, предчувствия, которые сбываются и прочее.

– Некоторые из этих явлений мы также исследовали...

– Но где уверенность, что нынешнее состояние науки настолько совершенно и самодостаточно, чтобы утверждать одно и напрочь отвергать непонятное?

– Работа комиссии и полемика вокруг предмета её рассмотрения вызвала много откликов, в целом поддерживавших сторону здравомыслия, – заметил на это Менделеев. – Но и я лично в итоговом издании предостерегал журналистов от легкомысленного, одностороннего и неправильного толкования роли и влияния суеверия. Да, кстати, свою оценку дали авторитетные в образованных кругах П.Д. Бабарыкин, Н.С. Лесков, а особенно Ф.М. Достоевский. Правда, критические замечания Федора Михайловича больше относились не к спиритуализму, противником которого и сам он был, а к моему рационализму.

– Вот видите, и Федор Михайлович видит изъяны последовательного рационализма, который часто упрощается до так называемого «здравого смысла»!

– Различие, Родион, коренится в исходной нравственной позиции исследователя: в «добросовестном заблуждении» или сознательном обмане. Именно нравственные принципы он ставит во главу угла в общей оценке всех аспектов и самого феномена, его толкования и, в первую очередь, убеждений учёного, независимых от его непосредственной деятельности – и должен ли он их иметь вообще?

– А что, разве воскрешать живших прежде – безнравственно?

– Давайте не будем путать понятия. Я не желаю насаждать грубый материализм, я желаю, чтобы было больше людей истинно понимающих, что между наукою и нравственными началами существует исконное единство. Если философы доказывали существование, бытие сверхъестественного мира, то спириты этот мир спустили на землю, показывают за грош, доказывают материальность духов. Я думаю, что проблема сверхъестественного тесно связана сразу с несколькими направлениями научной деятельности: психология, философия, педагогика, популяризация знаний, исследование газов, воздухоплавание, метеорология и т.д.

– Хорошо, Дмитрий Иванович, но как учёный-химик вы не отказываетесь помочь работе нашей лаборатории? – спросил Родион расставаясь.

– Как учёный-химик, да, не отказываюсь, – улыбнулся Дмитрий Иванович, пожимая руку Родиону. – Поэтому я готов поделиться некоторыми своими соображениями со специалистами вашей лаборатории, непосредственно занимающимися экспериментальной работой.

Удовлетворённый и ободренный знакомством с этим крупным учёным, Родион вернулся в Москву. Посоветовавшись с Вахрушевым, решено было отправить к Менделееву для консультаций и прохождения практики двух лаборантов, показавших существенный прогресс в исполнении своих обязанностей.

Основной акцент в работе с практикантами мэтр химии сделал на развитии сравнительного метода. Несмотря на свое неприятие спиритуализма и «оживления абстрактных покойников», как он выразился, Менделеев в принципе заинтересовался темой как пусть и абстрактной, но всё-таки как задачей, имевшей существенную новизну. Прежде всего, он заметил, что атомистическая теория может и должна быть положена в основу аналитических исследований живого организма. У него не вызывало сомнений то обстоятельство, что химический состав тел млекопитающих, включая и человека, идентичен. Поэтому, по сути, возможно начинать исследования с любого. К эволюционной теории отношение его было скорее скептическое. Особенно налегал Менделеев на том, что в процессе лабораторных исследований недостаточно ограничиваться только химическими анализами. Большую перспективу в деле познания живого он видел в применении физических методов, ибо физика могла существенно помочь пополнить таблицу химических элементов. Он поучал практикантов:

– Знания, относящиеся к количественной стороне химических превращений, далеко опередили изучение качественных отношений. Простая «арифметика» вам мало

поможет. Именно связь количественных и качественных отношений, по моему глубокому убеждению, составит нить, долженствующую вывести вас из лабиринта современного и значительного запаса данных, к сожалению, весьма и весьма односторонних. Вы должны понять, что атомы настолько самобытны и самостоятельны, что они не превращаются друг в друга, а каждый оказывает свое самостоятельное влияние, его природой определённое.

– Дмитрий Иванович, – обратился к учёному один из практикантов по поводу последних его суждений, – понимаете ли вы самобытность и самостоятельность атомов в русле идей Демокрита? Не следует ли понимать ваши слова в том смысле, что абсолютно все атомы оригинальны и неповторимы, что каждый атом имеет своё собственное и неповторимое «лицо»?

Судя по реакции Менделеева, вопрос не застал его вра-сплох:

– Я думал над этим, и по большому счету склонен признавать правомерность мыслей а la-Democritus. Но хочу внести ясность в постановку вопроса. Глядя на гостя из Китая, мы называем его китайцем, а он нас – русским. Это – справедливо, в смысле существующих понятий в современном мире. Но и китаец, и русский, и мексиканец и т.д. – это крупные млекопитающие и, естественно, в каждом из китайцев или мексиканцев при **определённой** сноровке русский может увидеть отличия. Но нам не требуется особой сноровки, чтобы легко отличать одного русского от другого, не правда ли?

– А, вот как, кажется, я понимаю вас, Дмитрий Иванович. – Очевидно, вы считаете, что с развитием инструментальных возможностей науки, ученые смогут различать, например, один атом водорода от другого, так?..

Профессор улыбнулся в ответ, но промолчал.

После двухнедельной практики молодые исследователи вернулись в Москву и на семинаре, проходившем под водительством доцента Вахрушева, достаточно подробно и обстоятельно поделились знаниями, полученными от

Менделеева. К тому же они привезли некоторое количество химических инструментов и реактивов, приобретенных по его рекомендации.

Лаборатория и весь ее небольшой, но высококвалифицированный коллектив быстро осваивали новейшие технологии химического анализа и синтеза.

Почти забылся Родиону и визит следователя Каледина, после которого прошло уже более полугода. Но вот, через пару дней после дня Герасима-грачевника, праздновавшегося в марте, неожиданно у входа в лабораторию появился сам Каледин. В это время в самой лаборатории находились Родион и доцент Вахрушев. Охранник сообщил о приходе визитера. Скрываться было бессмысленно. Полномочия Каледина были достаточно большими...

Родион вышел во двор и пригласил Каледина в свою адвокатскую контору. Судя по всему, тот не настаивал на посещении лаборатории. В конторе состоялся весьма интересный для обоих разговор. Каледин в частности сообщил, что он уполномочен передать Родиону привет от Николая Федоровича Николаева, ныне пребывающего в тюрьме:

– По пьяному делу, осмелюсь сообщить, по пьяному делу попался, Родион Валентинович. Столько лет искали негодяя, беглого каторжника, а попался-таки, стервец. Да-с, попался!

Родион сделал вид, что это сообщение его абсолютно не касается и вопросительно посмотрел на следователя, всем своим видом демонстрируя, что он ждет разъяснений. В свою очередь, Каледин с таким видом, точно он разговаривает с товарищем о давно известных им вещах, продолжил:

– Да-с. Так вот, Николаева мне удалось разоблачить совершенно случайно. После смерти Андрея Михайловича Смолина мне поручили заняться «делом процентщицы». В бумагах его нашлись некоторые сведения, позволяющие начать поиски, сделать которые он не смог. Поэтому некоторое время спустя после нашей встречи в вашей кон-

торе, проводили мы небольшое дельце в Сухаревских притонах; весьма и весьма тонко работали. Да вы и сами знаете, как там тяжело работать. Скорее нож в спину засунут, чем успеешь что-то узнать, – доверительно заметил он.

– Не могу знать, что происходит в Сухаревских притонах, – сухо заметил Родион. – Но я все-таки, хочу понять, чего вы, Степан Михайлович, от меня хотите?

– Экий недогадливый, – загадочно улыбнулся Каледин. – Явки с повинной я от вас хочу.

– По какому поводу?

– Ладно, не будем играть в кошки-мышки. Один из «болдохов», желая откупиться от меня, и клятвенно пообещав навеки исчезнуть из Москвы, показал на беглого каракозовца Николаева, сообщив мне, что тот с кем-то неизвестным совершил дерзкое ограбление с убийством. Старуху-процентщицу убили... Дело известное, нашумевшее, неясное... Да, сударь, нашумевшая история. Но уголовщина не могла успокоиться. И нашли, именно накануне моего визита в притоны... Вычислили, нашли хозяина лошадей, нашли и телегу, – правда кучу сгоревших остатков, – вышли на каракозовца Николаева. Я вынужден был его задержать. Мы держали его в одиночной камере. Он долго молчал, не отказывался от участия в деле подготовки цареубийства с Дмитрием Каракозовым, что и так давно было известно. Даже где-то намекал, что готов снова на такое дело. Но никак не хотел признаваться в том ограблении и убийстве. Но, но... Но я его дожал, нашел факты. Неделю назад он начал понемногу признаваться, показал на вас, Родион Валентинович...

– Где факты, где доказательства, Степан Михайлович? Вы находитесь в адвокатской конторе, бездоказательно обвиняете хозяина конторы, юриста... Странно, не правда ли?

– Не думаю. Кое-какие доказательства и бесспорные, заметьте, имеются.

– Ну так приводите их. Полгода назад потревожили...

– А припомните-ка... встреча в библиотеке у Федорова, – лукаво взглянул на Родиона Каледин.

– Да мало ли кто встречается в библиотеке с уважаемым и умным библиотекарем, – пожал плечами Родион.

– Разговаривают Фёдоров, Николаев, вы, Родион Валентинович, разговаривают о вечной жизни, о воскрешении... Сидят, чай пьют, – съехидничал Каледин.

– Да мало ли о чём говорят. На чужой роток не накинешь платок. А если Николаева интересуют темы философские, то мне какое дело до этого?

Каледин пристально посмотрел Родиону в глаза:

– А вас не удивляет, что встретились мы возле вашей лаборатории?

– А почему вы столь бесцеремонно в прошлый раз требовали от меня признания в совершении уголовного преступления? – ответил Родион вопросом на вопрос.

– Молодой, богатый, а деньги где взял на контору?

– Значит, обвиняете просто так, авось что-то выйдет? Не думаю, Степан Михайлович, что вы такой простой человек, как стараетесь представить себя...

– Но все-таки признавайтесь, Николаев показал на вас как на соучастника, показал местоположение лаборатории.

– Где доказательства? – повторил свой вопрос Родион.

– В том-то и дело, что Николаев мертв. Вчера его без моего ведома перевели в общую камеру, где сокамерники его и зарезали... Хотя, где награбленное у процентщицы, он не сказал. Будем искать!

– Надеюсь, в том, что его зарезали, меня не обвиняют, – усмехнулся Родион.

– В том, что зарезали? – нет, – засмеялся следователь. – Но, поверьте, доказательства по сути я доставлю. До свидания...

Родион проводил Каледина на улицу, они сухо расстались, кивнув друг другу на прощание.

– Я пришлю к вам своего поверенного, – вдогонку Каледину бросил Родион.

Вернувшись в контору, Родион сел у стола и задумался. Ситуация представлялась достаточно сложной и чре-

ватой неприятностями как ему лично, так и «общему делу». Необходимо было предпринимать какие-то шаги. Решение было принято. Поверенный Стерлягов, весьма расторопный и хитрый деляга, вполне мог справиться с этим делом...

Но постепенно повседневная суета, работа в лаборатории, постановка задач исследования в самом общем философском плане, длительные беседы с ведущими анализы доцентами и лаборантами, отодвинули на второй план ситуацию со следователем, и Родион стал забывать о встрече с ним. Впрочем, и Стерлягов с задачей справился, заметив, что больше Каледин не придёт, и тревожить не будет.

Глава вторая. ЯН КЕФЕР

В первых числах сентября Родион отправился вместе с Бутлеровым в Прагу. Несмотря на то, что в целом на словах Бутлеров не отрицал правомерности идеи воскрешения, Родион чувствовал, что внутренне он эту идею в ее материалистическом аспекте не принимает. Как-то в минуту откровения, сидя в отдельном кабинете «Эрмитажа», он поделился с Родионом своими мыслями о том как он видит жизнь вечную. И вот теперь, желая дать Родиону более широкую картину сущности жизни, он предложил ему поехать в Прагу – средневековую столицу алхимиков и астрологов. Тот с радостью согласился, рассчитывая встретиться и с Николой Теслой, и с Яном Кефером.

Какова же была радость Родиона, когда он встретился со своими пражскими друзьями. Они зашли в небольшое кафе на Староместском рынке. Оказалось, что Никола находился в сложной ситуации выбора. С конца 1882 года он работал в Континентальной компании Эдисона и в качестве инженера-электрика участвовал в монтаже и наладке различных электродвигателей и электрогенераторов постоянного тока конструкции самого Томаса Эдисона. Он очень внимательно исследовал устройство и принципы работы машин Эдисона и предложил большое количество усовершенствований. Тем самым он пользовался большим авторитетом в компании. Наиболее крупной работой компании в это время было сооружение электростанции для железнодорожного вокзала в Страсбурге. Дела шли плохо и компания оказалась в неприглядном положении. Исправить ситуацию поручили Тесле и он взялся за самую ответственную стройку в Европе. Весной 1884 года работы были успешно завершены. Но обещанной премии в сумме 25 тысяч долларов Никола не получил, его обманули. Параллельно с работами по строительству он экспериментировал и создал модель электродвигателя переменного тока, которая отлично работала. Но и его изобретение не

нашло поддержки у компании. Теперь, временно пребывая в Праге, он размышлял над перспективами дальнейшей жизни и работы:

– Я думаю, что мне следует поехать в Петербург. Ведь там в последние годы очень успешно работают Павел Яблочков, Дмитрий Лачинов, Владимир Чикилев, с которыми я встречался на выставке и на научно-технических конференциях, – заметил Никола. – Поэтому в России я рассчитываю найти поддержку своим мыслям и планам...

При этих словах Николы Бутлеров заерзал на стуле. Ему вспомнился Яблочков, который чуть не погиб в своей лаборатории, и который, будучи всемирно известным ученым и изобретателем, вынужден был покинуть родину и искать счастья в Париже. Вспомнился и Дмитрий Менделеев, великий первооткрыватель, в 1876 году избранный членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. Вспомнился и 1880 год, когда Менделеева выдвигали в академики и забаллотировали, что вызвало резкий общественный протест. С тех пор у самого Бутлерова много сил отнимала борьба за признание Академией наук заслуг русских ученых. В 1882 году, в связи с академическими выборами он обратился непосредственно к общественному мнению, опубликовав в московской газете «Русь» обличительную статью «Русская или только императорская Академия наук в Санкт-Петербурге?». И вот теперь молодой, и что было для Бутлерова несомненно, талантливый серб намеревается ехать в Россию...

– Я бы вам не советовал ехать в Россию. Боюсь, вас там будет ожидать большое разочарование. Лучше езжайте в Новый Свет. По крайней мере там разочарование если и будет, то меньше, – обеспокоено обратился он к Николу.

– Спасибо. Я думал об этом и Чарлз Бетлор – давнишний друг Эдисона, дает мне рекомендательное письмо к нему. Поэтому отсюда я направлюсь в Париж, далее поездем в Гавр и оттуда в Нью-Йорк.

Потом разговор постепенно перешёл в плоскость проблем, интересовавших Родиона. Полушутливо Бутлеров

начал определять категории людей, которых следовало возвращать к жизни, и которых не следовало.

– Ну вот вы сами подумайте, какой смысл возвращать к жизни умерших от тяжелых хронических заболеваний, или кровных врагов, или заматерелых преступников и убийц?

– Не скажите, – вступил в разговор Ян Кефер. – Ведь в значительной мере людей и больными, и кровными врагами, и преступниками делают обстоятельства. Если изменить обстоятельства жизни, то изменятся и сами люди. Хотя опять же и свободная воля человека что-то значит.

– Я скорее детерминист, но мне были бы весьма интересны мысли астролога о свободной воле, – бросил реплику Бутлеров.

Немного помолчав, он уточнил свой вопрос:

– Правда ли, что есть свободная воля человека?

– Какой трогательный интерес к этому вопросу! – широко улыбаясь, воскликнул Ян. – Сто лет доказывают академики и профессора, что свободной воли нет, что человек подвержен судьбоносным влияниям, что он является лишь несколько более совершенным животным. Возьмите, к примеру, мысли Рене Декарта, его учение об инстинктивной деятельности, размышления о «животном-машине». Естественно, что свободная воля объявляется бессмыслицей, а всякий лентяй и глупец оправдывает свои человеческие качества детерминизмом. Теперь люди допотопных взглядов выступают против астрологии, вместо того, чтобы приветствовать ее как подтверждение детерминистских воззрений.

Но это ошибка! Именно астрология доказывает существование свободной воли, и каждый человек может это ощутить.

– Ян, и все-таки меня больше интересует твое отношение к проблеме воскрешения, – не удержался Родион. – Если отбросить нравственный момент, я имею в виду, кого возвращать к жизни, а кого – нет, то что ты видишь в этой проблеме? Как все это видится астрологу?

– Думаю, что астрология здесь ни при чем. Хотя, конечно, пользуясь ее методами я мог бы с большой долей вероятности определить, справишься ли ты с поставленной перед собой задачей... Вот, к примеру, судьба учения великого Миколая Коперника. Ведь учение стало известно миру благодаря астрологам-протестантам круга Филиппа Меланхтона. Мужики школы Виттенбергской не только были заинтересованы узнать

Ян Кефер (?-1941)

ближе что-то о разглашенной уже «новой астрономии», но стремились постичь ее глубже, а именно утверждать из гороскопа ее творца, какую долговечность можно для той доктрины предвидеть, чего она в целом стоит, а в итоге посмотреть, не может ли тема рождения быть «бесспорным критерием», или ее владелец есть всего навсего «*homo stupidus*», «*ignorans*» или «*maniacus*»? Судя по всему, миссия Ретика оказалась удачной. В эффективности учения, в здравом смысле и способностях М. Коперника убедился он лично и те, кто его посылали. Обоснованием стало истолкование карты рождения ученого. Поэтому было дано добро на публикацию работы.

– Ну, так определите и вы, – с некоторым напряжением в голосе, попросил Бутлеров.

– Даже если я и займусь этим, и определю, я не стану делиться своими открытиями.

– И правильно, – заметил Никола Тесла. – Вера в свои силы не нуждается в астрологических доказательствах. Вот я, например, верю, что электрическая энергия может быть передаваема на любые расстояния в любых количествах, и я это докажу практически!

Последние слова Теслы заставили всех на какое-то время замолчать. Слишком дерзким представлялось сделанное им заявление. Спустя некоторое время Бутлеров заметил:

– Увы, это явления совершенно разного рода. В одном случае – это возможности человеческого гения, а в другом – божественное провидение.

Наконец, официант подал клиентам заказанные ими свежеприготовленные фирменные коленца, вино и они продолжили свою беседу. Родион какое-то время вслушивался в общий разговор, но что-то удерживало его от участия в нем, где-то очень глубоко в душе усиливалась тревога...

Перевалило за полдень, когда в кафе вошли какие-то незнакомые Родиону люди, о чем-то пошептались с Яном Кефером. Он тронул Родиона за рукав и кивком головы пригласил выйти на улицу. Незнакомцы вышли следом за ними.

– Сейчас я познакомлю тебя с хозяином одной из алхимических лабораторий, – негромко сказал Ян. – Но ты должен поклясться, что никто не узнает о нашем посещении этой лаборатории.

– Конечно, обещаю, можешь не сомневаться.

– Хорошо. Тогда пошли...

Они прошли по переулкам еврейского города, к Влтаве, подошли к одному из древних домов... Неожиданно из-под сумрачных сводов проходного двора послышался шепот:

– Сюда! Здесь ваш дальнейший путь!

Незнакомцы отделились и исчезли в лабиринте узких улочек. Вместо них как из-под земли появились люди в черных масках. Открылась невзрачная, оббитая ржавым железом дверь. Они вошли в небольшую комнатку, обставленную старой потертой мебелью. За столом сидел старик и ел какое-то варево. Не обращая на него никакого внимания, люди прошли к покосившемуся посудному шкафу, заполненному всяческой дребеденью, молча отодвинули его в сторону. В стене зияло небольшое отвер-

ствие, в которое можно было с трудом протиснуться. Родион, Ян и двое людей вошли в тесный ход, конец которого пропадал во тьме. Гнилые доски скрипели у них под ногами. Оскользаясь, Родион инстинктивно хватался за шероховатые стены. Слабый свет просачивался сквозь редкие щели, расположенные высоко над головой.

Люди, сопровождавшие Родиона и Яна были вооружены. Один из них снял маску и говорит:

– Не бойтесь, путь ваш надежный... Но имейте в виду, ваш визит следует сохранить в тайне. Иначе...

Осклизлая, илистая земля под ногами – доски давно кончились – все круче уходит в глубину. Меркнут последние проблески дневного света. Сырые стены распространяли запах плесени. Вдруг все остановились. Проводники начали тихо перешептываться. Появился третий. Родиону стало понятно, что они углубились под реку, когда проводники зажгли факелы, а на голову стали капать редкие капли воды.

Вспыхнул один факел, второй... не меньше дюжины их осветило самую низкую часть подземелья. В трепещущем пламени факелов видна уходящая вдаль штольня. Через правильные интервалы из мрака vyplывают массивные дубовые балки, подпирающие каменные своды. Временами сверху слышны какие-то глухие удары. Долго, очень долго шел Родион и остальные, задыхаясь от невыносимой вони гниения. Под ногами время от времени шныряли крысы. По стенам копошились мириады мерзких насекомых. Когда штольня пошла вверх, над головами стали проноситься летучие мыши, обжигая перепончатые крылья о пламя коптящих факелов.

Наконец, подъем стал крутым, впереди мелькнуло что-то голубое. Факелы погашены, эскорт закрепляет их в железные кольца, врезанные в камень стены. И снова густая темнота и скрипящие доски под ногами. Шахта круто уходит вверх неровными ступенями лестницы. Но вот и дневной свет. Все оказались на дне колодца. Двое сопровождаемых с трудом поднимают железный люк. По одному

Ян и Родион протиснулись в узкий проход и вылезли из очага в убогую кухоньку. Крошечное помещение с кривым столом и табуреткой, дальше низенькая дверь, ведущая в некое подобие прихожей, и наконец, через еще одну низенькую дверь они вдвоем попадают в достаточно просторное помещение. Провожатые остаются за дверью. В комнате большое окно, за которым широко раскинулись кроны старых деревьев. В старинном кресле, занимающем порядочно места, восседает весь в чёрном благообразный крупный человек в очках, гладко выбритый. На голове низко надвинутая черная шляпа. Пронзительный взгляд черных глаз.

Рядом с ним заросшее левкоями окно, сквозь которое проникает теплый золотой отсвет предвечернего солнца. С первого мгновения у Родиона сложилось ощущение покоя, умиротворенности, расслабленности. После похода в сумрачной жуткой штольне под руслом Влтавы, где каждый шаг казался последним, Родион оглянулся в этой приветливой комнате. Вслед за Яном он почтительно приветствовал хозяина.

Человек молча кивает и небрежным движением руки предлагает присесть на стулья, стоящие у стены. Они садятся.

— Господин из Москвы, говорят, что вы интересуетесь возвращением к жизни умерших? Думаю, что в таком случае нам есть о чем потолковать... Тема интересная, она сродни королевскому искусству.

Родион взглянул на Кефера, который молча внимал словам мэтра. Но вот Ян заговорил:

— Вашей милости известно, что я занимаюсь астрологией и достиг в этом искусстве некоторых успехов. Но у меня, в отличие от многих шарлатанов и ярмарочных шулеров нет ни малейших амбиций позолотить свое скромное существование алхимическим золотом. От мудрейшего адепта я хотел бы услышать только указания и авторитетные советы. Что же касается философского камня, который вы изволили упомянуть, то он нам нужен, — здесь Ян

кивнул в сторону Родиона, – для того, чтобы трансмутировать тленную плоть.

Человек при последних словах Яна склонил голову набок и Родиону показалось, что он сразу стал похож на старого беркута, который нахохлился и меланхолично смотрит в недостигаемое небо сквозь толстые прутья оконной решетки.

Наступила длительная пауза. Наконец человек сквозь зубы бросает:

– Ересь, господа! Единственная святыня, которой следует пресуществлять нас, христиан, находится в руках наместника Сына Божьего на земле.

Слова эти прозвучали надменно и насмешливо. Ян возразил:

– Истинный Камень, сэр, насколько я осмеливаюсь судить, – материя не от мира сего...

– Это все теология, – усталой рукой отмахивается человек.

– Нет, – это алхимия!

– Возможно, но в таком случае Камень должен являться магическим **injectum**, веществом, которое определенным образом вводится в организм, чтобы трансформировать состав нашей крови, – задумчиво и негромко произносит человек.

– А почему бы и нет, сэр? Ведь и **aurum potable**¹ вводится в организм как напиток, которым мы очищаем нашу кровь!

– Напрасно вы дерзите, Ян Кефер, – грубо обрывает его человек, – смотрите, как бы в один прекрасный день этот столь возжеланный камень не утащил вас на дно! И помните мой добрый совет: не есть и не пить ничего такого, что до вас не попробовал кто-то другой...

Здесь речь человека становится бессвязной, он продолжает что-то неразборчиво бормотать... Но вдруг он вскидывает голову, взор его ясен, речь безупречна:

– Где книга?

1. Питьевое золото.

Зловещий голос человека ворвался в сознание Родиона, который было уже успокоился, привыкая к обстановке.

– Книга в надежном месте, сэр. Открыть замок, за которым она хранится, можно только одновременно двумя ключами. Один у меня, а другой у известного только вам человека. Я его не знаю. И еще, сэр, верните мне фиолетовую пудру, которая вам ни к чему. Без второго компонента она – ничто! Упаси боже, она попадет в руки какого-то мошенника или висельника, они могут натворить много бед.

– Когда вы прочтете книгу? Когда я, наконец, узнаю искомую тайну? Отвечайте, Ян Кефер!

– Дайте мне второй ключ от замка, и я это сделаю немедленно, – дерзко отвечает Ян человеку в кресле.

Проходит минута, вторая. Человек, глядя в окно, говорит:

– Все-таки с эликсиром мы как-нибудь порешим при следующей встрече...

Родион очнулся от того, что его тормозили за руку.

– Ты что, уснул? – заглядывал ему в глаза Никола Тесла.

– Похоже, что немного придремал, – признался Родион, оглядываясь по сторонам. Солнце не очень далеко отклонилось от того положения, которое он помнил. Выходило, что задремал он совсем ненадолго.

– А мы как раз говорили о том, что же является главным в деле воскрешения, – обрадовано сообщил ему Ян. – Думается, что все-таки главное – это живая клетка. От неё надо и начинать. Господь вложил душу в каждую живую клетку. Внимательно почитай «Монадологию» Лейбница, возможно, его мысли тебе помогут в ваших исканиях.

– Я бы пошел дальше в разработке учения о воскрешении, – добавил Тесла. – Я бы исходил из того, что пока есть хоть какой-то целостный фрагмент человеческого тела; будь то кусочек кости, волос или еще что-либо, до тех пор существует реальная возможность вернуть человека, – хозяина его, к жизни. Но опять же, каким-то образом надо знать, что это за человек. Нужны авторитетные свидетельства,

что это именно тот некто. Если всемогущий Господь Бог продолжает в силу своего высшего промысла сохранять какой-то фрагмент человеческого тела, то он не мог отнять жизнь у того, что продолжает существовать! А что касается рассуждений о том, что человека жившего некогда в давние времена можно собрать из атомов, его некогда составлявших, то это скорее некоторая метафора, но не более того. Если не будет существовать того, к чему можно добавить, то ничего с воскрешением в принципе не получится.

– Ну, если пойти совсем уже далеко, то надо идти к опыту «королевского искусства», к алхимии, – продолжил Ян Кефер рассуждения Теслы. Конечно, нынешнее представление об алхимии крайне превратное. Былая наука после трагического поворота, известного в истории европейской культуры как Возрождение, прекратила своё существование. Она распалась на «теофизическую алхимию» – собственно искусство трансмутации минералов и металлов, и «спагирию» – искусство приготовления бальзамов, панацей, всевозможных эликсиров бессмертия. Впрочем, под бессмертием понимается неопределенно долгая жизнь.

– А не слишком ли вы идеализируете астрологию? – прервал Бутлеров Яна.

– Никоим образом! Трагичность ситуации в том, что из алхимии исчезли небесные, сверхъестественные принципы ее функционирования. Подобная же участь постигла и все «свободные искусства»: математику, астрологию, грамматику и риторику. Когда влияние «эйдетической энергии формы» прекратилось, жизнь потеряла принципиальную смысловую ось, то есть реальное обоснование, а посему превратилась в калейдоскопическую игру элементов, наподобие периодической системы элементов. Но произошло это не только в химии, но и в любой другой области человеческой активности.

Здесь все оживились, посыпались реплики. Бутлеров продолжил:

– Да, здесь есть о чем задуматься. Когда прекращается действие небесной фаллической эманации, то что же получается? Раздробление единства на бесконечное количество изолированных множеств?.. Не правда ли, Ян?

– Браво, господин Бутлеров! Правда, правда! Получается распыление человека в общечеловеческое облако, математизация хаоса, равенство всех и вся перед Молохом тотального уничтожения! Грустно, но усиливается угнетающая одноплановость бытия. Мы оказываемся детьми великой матери, иллюзорными порождениями фиктивного матримониума. Наша, так называемая «реальность», тождественна реальности наших сновидений. Алхимия же по своей глубинной сути ищет константы, не предполагая их наличия в «объективной реальности», которую так любит грубый материализм.

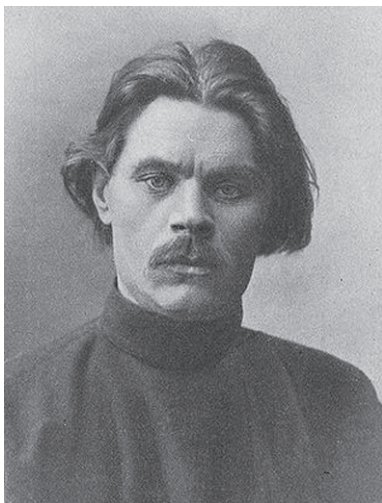
– Но если вернуться к теме эликсира бессмертия, пусть и относительного бессмертия, то такой ли это уж бесценный дар? – заговорил Бутлеров, заглядывая в глаза Родiona. – Жить двести, триста, даже пятьсот лет в данных условиях, в данном человечестве?! Нет, увольте, вполне достаточно опыта шестидесяти-семидесяти лет жизни.

– Да, смысл жизни изменился. На смену человеку-«индивиду», каким его знала классическая алхимия, видя в человеке систему неделимую, герметическую, внутренне целостную, максимально защищенную от внешних воздействий, теперь приходит человек-«дивид» – делимый. Нынешний человек разрушается как под влиянием внутренних дисгармоний, так и под разъедающим действием внешних окружений. И это сегодня считается нормальным, и это называется жизнью, – с грустью подытожил Никола Тесла. – Но в перспективе будет еще хуже... Если обратиться к одному из аспектов идеологии Библии, то можно сказать, что грядет приход всемирного Хама. И об этом, сердце мне подсказывает, скоро будут писать серьёзные и вдумчивые люди.

Глава третья. АЛЕКСЕЙ ПЕШКОВ

Пребывание в Праге Бутлерова и Родиона было непродолжительным. Через пару дней после достопамятного обеда в кафе на Староместском рынке они попрощались с Николой Теслой, который все-таки отправился за океан воплощать свои электротехнические идеи и мечты, Родион некоторое время после отъезда Теслы занимался с Яном Кефером прогрессивными астрологическими техниками. В общем Ян был доволен его успехами и приглашал почаще приезжать в Прагу, что искренно и обещал ему Родион. Бутлеров также не терял времени понапрасну, общаясь со своими коллегами в Карловом университете.

К середине октября оба вместе вернулись в Москву к своим обычным занятиям. Родион много внимания уделял исследовательским работам в лаборатории, где теперь систематически работала большая группа химиков, биологов и врачей, объединенных общей гуманистической целью. Коллектив исследователей сформировался в процессе трехлетней работы, люди сомневающиеся в успехе общего дела или отошли сами, или под разными предлогами были отстранены от работы в группе. При этом Родиону и Вахрушеву, который теперь имел степень доктора биологических наук, удалось максимально сохранять закрытый от вмешательства посторонних образ жизни лаборатории. При лаборатории была создана библиотека, в которой была собрана литература по фундаментальным проблемам естественных наук, регулярно выписывалась периодика. К сожалению, Бутлеров с самого возвращения из Праги начал понемногу отстраняться от общения с Родионом. А в начале августа 1886 года пришло печальное известие о том, что Александр Михайлович Бутлеров – российский химик, создатель теории химического строения, глава крупнейшей казанской школы химиков-органиков и известный общественный деятель скончался на пятьдесят восьмом году жизни.

А. М. Горький (1868-1936)

Прощаясь с Бутлеровым, Родион неожиданно обнаружил присутствие на церемонии следователя Каледина, которой и ему высказывал сочувствие по случаю смерти Бутлерова. Сам Каледин, в ответ на удивленный взгляд Родиона заметил, что уже третий год служит в Петербурге с повышением «по известному ведомству». Но Родиона не забывает...

Все больше Родиону пришлось заниматься делами своей адвокатской конторы.

Реальные действия императора Александра III, который в первые дни своего вступления на престол заявлял о желании «посвятить себя прежде всего делу внутреннего государственного развития, с развитием гражданственности и вопросами экономики и социальными», приводили к усилению социального напряжения в российском обществе. Реакционные поползновения начались с того, что император поддержал позицию обер-прокурора синода К.П. Победоносцева. В итоге в манифесте 29 апреля 1881 года появились знаменательные слова, что император, уповая на божественный Промысел и веря в силу и истину самодержавной власти, намерен утверждать и охранять ее для блага народного от всяких поползновений. Впрочем, были и положительные моменты в законодательстве: ограничение времени работы малолетних, создание фабричной инспекции, отмена подушной подати, налог на процентные бумаги и другие.

В мае 1882 года министром внутренних дел был назначен ненавистный русскому обществу граф Д.А. Толстой. Началось решительное подавление либерально-демократических журналов и газет в пользу тех, которые пропаган-

дировали «истинно-русский» национализм. А в 1889 году, с введением земских начальников, по требованию самого императора были уничтожены мировые судьи. В сфере народного образования реакционные тенденции усиливались еще до гибели Александра II от руки террористов.

Но реакция усиливалась, и не удивительно, что с начала 1890-х годов начались массовые притеснения сектантов: пашковцев, толстовцев, штундистов, духоборов. Иногда дело доходило до отнятия детей у родителей-сектантов. В Юго-Западном крае и в Польше жесткие меры принимались к униатам, формально обращенным в православие. Дух воинствующего национализма способствовал стеснению и преследованию иноверцев и инородцев. Более всего преследовали евреев и поляков-католиков, но не избежали преследований калмыки и буряты. В 1891 году из Москвы и Московской губернии было выселено более 17 тысяч евреев-ремесленников. Еще раньше (1887) введена процентная норма для приема евреев в высшие и средние учебные заведения. Естественно, реакционно-кастовые изменения претерпевала и армия, где много внимания уделялось изменениям воспитательной системы в военно-учебных заведениях. Возобновились и где-то поощрялись дуэли в офицерской среде.

Реакция наступала по всем направлениям и работы адвокатской конторе добавлялось с каждым новым законоуложением все больше и больше. И сам Родион все больше интересовался профессиональными юридическими вопросами, не желая оставаться просто хозяином конторы. Активизация внутривополитической жизни и его не обошла стороной. Постепенно он сблизился с активными деятелям подпольного революционного движения. Особенно тесные отношения завязались у него с московскими социал-демократами.

Однажды, где-то в самом начале зимы в год смерти императора Александра III, в контору заявился крепкий, живой молодой человек лет 27–28-ми с роскошной копной темно-русых волос, никак не желавших лежать так,

как их укладывал хозяин. Пришел он с мороза, в распахнутом пальто и в длинном кашне. В это время Родион с молодым практикантом обсуждали перипетии последнего судебного решения. С порога молодой человек заметно окая, что выдавало его происхождение, представился:

– Алексей Пешков! Дело у меня здесь гражданское, кто может со мной поговорить?

– Присядьте, – предложил Родион визитеру, указывая на стул возле стола.

В завершение обсуждения судебного решения, Родион обменялся с практикантом еще несколькими фразами и отпустил его. Беседа с Пешковым не могла продолжаться долго, судя по интересующему его делу. Подобного рода дела, по которому он ходатайствовал, обычно адвокатская контора Родиона не принимала к рассмотрению. Внимательно выслушав суть его ходатайства, Родион подсказал, к кому следует обратиться, где могут помочь.

Разговор был закончен, но что-то удерживало Пешкова от того, чтобы попрощаться. Он спросил:

– А вы, случаем, не занимались адвокатской практикой в Нижнем?

– Ни случаем, ни намеренно, ни как-то ещё не занимался, – с улыбкой ответил Родион. – А почему вы спросили об этом?

– Ощущение у меня такое, что мы с вами там встречались, не в конторе, а так, на улице где-нибудь, может, в трактире...

– Нет, нет, В нижнем Новгороде никогда бывать не доводилось. И вообще, я мало где бывал в России.

При этих словах молодой человек оживился:

– А мне сколько довелось походить, поездить, поплавать. Столько насмотрелся всякого, и грустного, и мерзкого, и смешного; одним словом – всякого...

– Это хорошо, может быть, когда-то напишете рассказ, повесть, а то, глядишь, и роман, – произнес Родион, рассчитывая в такой способ закончить разговор.

– Так я и пишу, кое-что уже и напечатали.

Сказанное заинтересовало Родиона. В продолжившемся разговоре Пешков назвал несколько имен из писательской среды, знакомых и Родиону. Разговор оживился, Пешков стал делиться своими литературными планами, несколько бравируя обширным материалом личных наблюдений. При этом жаловался на скаредность редакторов.

– Каким же вы видите назначение писателя в наше время? – спросил Родион.

– Насколько я понимаю, работа писателя непроста: писать рассказы о людях не означает для меня просто что-то рассказывать, это значит – рисовать людей словами, как рисуют их кистью или карандашом. Я стараюсь найти наиболее устойчивые черты характера в данном человеке. Необходимо понять глубинный смысл его действий и писать об этом настолько точными, яркими словами, чтобы со страниц книги, из-за черных ее строк, из-за сетки слов читатель видел живое лицо человека, чтобы связь чувств и действий героя рассказа казалась ему неоспоримой... Я добиваюсь, чтобы между читателем и автором образовывалось сердечное доверие друг к другу. Хочу писать «от души».

– А о душе не пишете?

– Вопрос мне не вполне понятен. Думаю, что я молодой еще очень, чтобы писать о таком. Два года тому я шел вместе с толпами голодных, изнуренных людей, которые искали хлеба. Было тяжело смотреть на эти тысячи людей, внутри меня кипела злость против власти, которая так относится к людям, но сами люди смиренно шли и шли, можно сказать, в никуда. Видел умерших в пути. Да, кстати, помогал молодой роженице, так получилось... Жалко умирающих, хотелось бы, чтобы человек жил дольше, чтобы жизнь приносила радость.

– А если бы жил вечно, ну хотя бы пару тысячелетий, – поправил себя Родион. – Что тогда?

– Тысячелетиями? Зачем? Есть люди, которым вообще жить не следовало бы. Мерзкие люди, насильники,

эксплуататоры и вообще... – безнадежно махнул рукой Пешков.

– Нельзя смотреть на людей, как на таких, что изначально плохи. Люди обретают опыт, думают над происходящим, меняют свое отношение к жизни, к другому человеку.

– Вы знаете, я хотел бы, чтобы мир был преобразован на каких-то разумных началах, чтобы среди людей царили мир и согласие, чтобы справедливость и совесть господствовали в мире, а не деспотизм и своеволие толстосумов, – с некоторым пафосом произнес Пешков.

Несколько помолчав, он добавил:

– И вообще, я думаю, что общество должно развиваться, руководствуясь знанием того, что должно быть правильным и справедливым!

Последние слова Алексея Пешкова напомнили Родиону о Федорове, с которым уже давненько не видался. Вспомнилось, как в давнишней беседе с участием Николаева Николай Федорович также напирал на то, что нужно строить жизнь по принципу «что должно быть».

– Откуда у вас эти мысли? – удивленно спросил он Пешкова.

– Как откуда? Смотрел, думал, хочу, чтобы обществом управляли умные и порядочные люди.

– Трудно возразить против умных и порядочных. Но, кто будет определять вот это самое «должное быть правильным»?

– Ну... эти самые... умные и порядочные.

– Это просто мечты. История показывает, что до сих пор обществом управляли негодяи и воры, – задумчиво произнес Родион, и добавил, – и все они называли себя умными и порядочными, а несогласных с таким определением преследовали и уничтожали.

– Но ситуация изменится, я верю, придут умные и порядочные. Я буду искать их, писать о них, призывать к тому, чтобы они победили!

– Надо полагать, это те, которые сегодня борются против нынешней власти? Это – революционеры?

– Надо учиться смотреть на ядовитую, каторжную мерзость нынешней жизни с высоты великих целей будущего! Надо верить в великую творческую энергию человека труда, в безграничную трудовую коллективную силу... – опять заговорил Пешков с пафосом.

Родион внимательно смотрел на Алексея и думал о том, что будет с обществом, с людьми его составляющими, когда власть получат те, кто определит для всех остальных образ жизни по принципу «что должно быть». Однако толпившиеся у него в голове мысли так и не проясняли картины такого будущего. Хотя где-то подспудно Родион чувствовал, что этот молодой писатель выступает рупором новых сил, ставящих на волевое преобразование существующего мира. Он заметил:

– Что будет с теми, кто не верит в великую творческую энергию человека труда, как вы изволили выразиться?

– Человек труда заставит их поверить!

– Именно сам человек труда? Или...

– Согласен, или передовые представители трудового класса, – задумчиво произнес Пешков.

– Так, значит, насилие, смерть, подавление несогласных...

– Может быть, на каком-то этапе и так. Но, поймите, Родион Валентинович, есть объективные законы развития общества, действие их неотвратимо.

– Алексей, опыт революций, насколько я понимаю, свидетельствует о том, что вначале уничтожают врагов «трудового класса»...

– Вот именно! – согласно перебил Пешков Родиона.

– А дальше, случайно или в пылу ослепления, уничтожают тех, кто сочувствует этим врагам, просто как людям. Потом оказывается, что все-таки не следовало так огульно размахивать топором. И тогда наступает очередь чересчур ретивых революционеров: горящие уголья на свою голову они приготовили сами.

– Может быть, вы и правы, но тогда наступает, наконец, спокойствие и некое благополучие для трудящихся.

Родион усмехнулся:

– Нет, тогда все возвращается на круги своя. Просто роли меняются: одни эксплуатируют, другие – протестуют, и нет ничего нового в подлунном мире...

– Я спорить с вашей историософской позицией не могу. Но я – начинающий писатель и для себя определил, что вся литература Запада и наша литература нынешнего века, в сущности, построена на одном типе, а главные ее произведения, – на молодом человеке, выходеце из буржуазного класса, из того класса, который после французской революции пришел к власти. Но этому человеку, образованному, эрудированному по какой-то причине в обществе победителей неудобно жить. Он не находит себе места там, может быть, потому, что он очень высокого мнения о себе. Он считает себя выше других. Он внушает другим мысль о своей исключительности, и поэтому вся его жизнь проходит в мелких драмах.

– Интересно. Но что из ваших наблюдений следует?

– А следует то, что вот эти молодые люди и станут теми, кто будет определять, как должно жить в новом обществе! – торжествующе заключил Пешков.

– Да, прав был старик Платон, прав был... Люди, мало знающие реальную жизнь, сначала реальность строят в своей голове, потом её провозглашают, потом заставляют поверить в неё, а потом, – несогласных с этой идеей реальности, ещё не ставшей действительностью, уже карают. Поэтому-то эти образованные и эрудированные молодые люди будут определять не только, «как должно жить», что в общем ещё не самое страшное. Страшно то, что они будут определять, **кто должен жить...** – с грустью в голосе произнёс Родион.

На какое-то время он перестал делать замечания и вмешиваться в монолог молодого писателя. А того понесло. Оказалось, что он знаком с некоторыми социалистическими и коммунистическими идеями, что его волнует тема становления социалистической индивидуальности, что он видит будущее в свете освобождения трудящихся от ига

помещиков и буржуев. Но самое интересное заключалось в его видении основных принципов организации будущей литературы, которая должна помочь преобразователям. Позиционируя себя как писателя-реалиста, Пешков мечтал о новом реализме, который будет торжествовать в обществе трудящихся. Он восторженно говорил:

– Новый реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью.

– Стоп, стоп, сударь, – не удержался от реплики Родион. – Здесь вы что-то уже сильно перегибаете. Вы здесь уже против Бога дерзнули! Ведь сначала Господь дал жизнь человеку, а потом уже человек может действовать и побеждать силы природы.

Оба на какое-то время замолчали. Родион сидел и думал над тем, что он сам дерзнул делать. Перед его умственным взором возникла так любовно и с таким восторгом создаваемая им лаборатория. Сегодня – это три десятка первоклассных биологов, химиков, врачей, первоклассное оборудование. И все ради чего? Пару последних лет Родион уже не столь уверен был в перспективе всеобщего воскрешения, хотя установка на продление жизни человеческой хотя бы до возраста библейских патриархов, у него оставалось. Работники лаборатории поднаторели в постановке аналитической работы, ставили оригинальные эксперименты, внимательно следили за новейшими открытиями, не пропускали ни одной более или менее серьезной научной конференции. Наиболее серьезные научные достижения тщательно сохраняли в тайне от научной общественности. В положительных результатах лабораторной деятельности трудно было усомниться, что придавало Родиону гордость за начатое дело. В то же время

он активно продолжал заниматься астрологией, конечно, втайне от сотрудников лаборатории. С этой целью он организовал небольшую группу молодых энтузиастов, оборудовал помещение в одном из доходных домов, закупил необходимые инструменты, эфемериды, соответствующую литературу. Дважды съездил в Прагу, встречался с Яном Кефером и его однодумцами. Все чаще и чаще астрологические прогнозы сбывались, что также не могло не радовать. С некоторых пор Родион также начал собирать коллекцию книг и рукописей астрологического содержания.

В затянувшемся молчании Алексей Пешков почувствовал намек на то, что пора прощаться:

– Спасибо за совет, за внимание к моей скромной персоне, – напомнил он о своем присутствии.

– Спасибо и вам, приятно было пообщаться. Успехов вам, заходите.

– Ну, так я пошел. До свидания.

Они пожали друг другу руки, Алексей поплотнее обмотал кашне вокруг шеи и вышел на улицу, на прощание помахав Родиону рукой.

Глава четвёртая. В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)

В последующие два года после случайной встречи с Алексеем Пешковым Родион существенно интенсифицировал работу в лаборатории. Среди работников лаборатории значительно возросло число биологов и врачей, серьезно и всесторонне занявшихся изучением живой клетки как самого человека, так и высокоорганизованных млекопитающих. Центральной идеей, которую в целом разделяло большинство членов творческого ядра исследователей, стала идея продления человеческой жизни до нескольких сотен лет и в идеале до тысячи лет. При этом, припоминая беседы с чешскими товарищами, Родион высказал предположение, что жизни живых существ возможно многократно повторять, каким-то образом возрождая каждый раз живое существо из наиболее продуктивных и живых клеток отмирающего тела. Таким образом, идея вечной жизни обретала новую форму.

Немаловажное значение для интенсификации лабораторных исследований имели продолжающиеся сравнительно регулярно встречи с самим Николаем Федоровичем Федоровым и его последователями: несколькими известными московскими философами, Константином Циолковским, Львом Николаевичем Толстым, а также группой революционно настроенных молодых социал-демократов.

Именно последние и заинтересовались личностью Родиона, узнав, что он располагает некоторыми средствами. Как оказалось – это были члены московского «Рабочего союза». Они периодически заходили в контору к Родиону, вели с ним беседы в защиту рабочих, предлагали читать работы Карла Маркса, просили денег на организа-

ционные цели. В конце 1897 года рабочий Илья Прохоров обратился к Родиону с просьбой помочь деньгами для проведения съезда российской социал-демократии. Родион дал ему несколько сот рублей. На исходе марта Прохоров доверительно и даже с каким-то восторгом сообщил Родиону, что I съезд РСДРП состоялся в Минске и предложил ему вступить в партию. На это Родион твердо ответил отказом, заявив, что у него есть достаточно серьезные задачи в жизни.

Но уже в самом начале 1900 года тот же Прохоров привел к Родиону недавно вернувшегося из сибирской ссылки и уже известного в революционных кругах Владимира Ильича Ульянова. Представляя его, Прохоров сказал Родиону, что это – брат казненного по обвинению в покушении на царя Александра Ульянова. (История с покушением в 1887 году народовольцев на императора Александра III была известна в своё время, и Родион её помнил). Но в тот раз Родион был сильно занят работой по нескольким судебным делам и не мог обстоятельно поговорить с Владимиром Ульяновым, который пообещал зайти в другой раз. Сдержав слово, буквально через несколько дней он снова появился в адвокатской конторе Родиона.

– Здравствуйте, Родион Валентинович! Вот, как и обещал, зашел к вам на огонёк души, – заметно картавя, приветствовал Родиона гость.

– Проходите, премного рад!

– Мы ведь с вами в некотором роде коллеги. В 1891 году я сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета Санкт-Петербургского университета, а после этого работал помощником присяжного поверенного в Самаре у Волькенштейна. Впрочем, занимался юридической практикой недолго.

Далее гость проявил некую осведомленность относительно поездок Родиона за границу. Интересовался его общими впечатлениями об особенностях жизни в Европе, условиями проживания в отелях, отношением властей к иностранцам и другими практическими вещами. О себе

говорил мало: интересуется политическими учениями, изучает марксистскую теорию классовой борьбы, желает добиться справедливости в обществе, достойных условий жизни рабочих, наделения крестьян землей.

— За что вы были арестованы и отправлены в ссылку? — прервав его, спросил Родион.

— Ну, это история известная. Пять лет назад я сделал много для того, чтобы объединить более двадцати разрозненных марксистских рабочих кружков в один

«Союз за освобождение рабочего класса». Мы начали массовую политическую агитацию среди петербургских рабочих. Наши агитаторы начали выезжать и в другие города, желая теснее связаться с российской рабочей массой. И мы добились определенных успехов: уже в июне 1897 года царское правительство вынуждено было издать закон, ограничивающий рабочий день до одиннадцати с половиной часов. Нас преследовали, непрерывно следовали аресты, а последние четыре года и я лично провел в тюрьме и ссылке.

При каждом упоминании царизма и самодержавия, Ульянов не скрывал своего негодования и ненависти в его адрес.

— Какие же ваши дальнейшие планы, если не секрет? — участливо поинтересовался Родион у Владимира Ульянова.

— Я считаю себя профессиональным революционером, а посему путь мой один — сделать Россию другой. Жаль только, что это трудный путь жертвенной борьбы, и не многие нынешние революционеры увидят её результат...

В. И. Ленин (1870-1924)

Здесь он вопросительно и даже несколько лукаво посмотрел на Родиона.

– А вы, батенька, чем ещё занимаетесь помимо адвокатской практики?

– Человек я увлекающийся, читаю много, интересуюсь смыслом жизни... – уклончиво заметил Родион.

– Да, если бы знать, что потом, когда-то, после победы разума над невежеством, свободы над насилием, ты будешь возвращен к жизни и наступит дивное царство, тысячаletнее царство коммунистическое на земле, – задумчиво проговорил Ульянов, глядя Родиону прямо в глаза.

Этот взгляд был весьма красноречив, в нём почувствовал Родион твёрдую веру и даже какой-то непонятный ему фанатизм.

– Вы знаете, я интересуюсь ещё и астрологией. Наслышаны вы о такой?

– Что вера в Господа Бога, что астрология, что хиромантия, – несерьёзно все это...

– И все-таки, Владимир Ильич, давайте сделаем ваш гороскоп, – предложил Родион, – тем более, что это всё, как вы заметили, несерьёзно. Давайте сделаем, а, давайте?

– А сколько времени это может занять?

– Назовёте дату рождения, место рождения, желательно час и минуту.

После непродолжительного молчания Ульянов согласился с предложением, но час назвал приблизительно. После нескольких уточняющих вопросов, ответы на которые вполне устраивали Родиона, он и предложил встретиться завтра и показать готовую натальную карту марксисту-революционеру. Вечером Родион вместе с двумя своими товарищами-астрологами составили такую и внимательно проанализировали. В целом карта показывала успех предпринимаемого дела, хотя конец натуса просматривался не вполне успешным по причине особого рода болезни...

– Ну что, батенька, выяснили ли вы что-то относительно моей судьбы? Успешны ли будут деяния мои, долго ли

проживу? – начал он задавать вопросы Родиону прямо с порога, входя к нему на следующий день в кабинет.

– Здравствуйте, – отвечал Родион. – Да ведь вы всё равно не поверите. Но утешу, полагая, что с поставленной задачей своей жизни вы справитесь успешно.

– Спасибо на добром слове, но, очень прошу вас, более ничего мне не говорите по поводу моей судьбы.

Родион спросил Ульянова о его родителях.

– Мама живет с младшими детьми, а отец рано умер, – с огорчением произнёс тот.

Ответ заставил Родиона попросить уточнений, и он узнал, что отец Ульянова умер от непродолжительной тяжёлой болезни в возрасте 55 лет. Полученные сведения оказались настолько значительными для Родиона, что ему с большим трудом удалось не выдать своей реакции. Но Ульянов заметил его невольное движение и спросил:

– Это что-то добавило к вашим предположениям?

– Совсем немного, хотя всякая информация, как вы понимаете, полезна, – уклончиво заметил Родион. – Так, может быть, хоть взглянете на свой гороскоп?

Ульянов категорически отказался от этого предложения и перевёл разговор в другую плоскость. Он не стал скрывать от Родиона, что имеет некоторые сведения относительно его главного дела, но сразу же попросил не беспокоиться, уверив в том, что умеет сохранять тайну, что понимает всю значимость дела продления человеческой жизни. На вопрос Родиона, откуда у него такие сведения, ответил, что скрывать источник не станет, но не сегодня:

– Вы работаете со многими людьми, а люди очень разные... Надо быть внимательным... Да, кстати, дед мой по матери, – Александр Дмитриевич Бланк, по профессии был врач-физиотерапевт. В 1840-е годы дослужился до чина надворного советника со старшинством (подполковник), что дало ему право на потомственное дворянство. Выйдя в отставку в Златоусте в чине статского советника, доктор Бланк приобрёл в Казанской губернии село Ко-

кушкино, где внук его Владимир Ульянов и отбывал свою первую ссылку, – с грустью закончил Ульянов.

– Бывает и так, – философски заметил Родион.

Дальше разговор продолжился в русле перспективы практического значения продления жизни человеческой на сотни лет. Родион в общих словах изложил свое видение особенностей воскрешения живших прежде. Ульянов внимательно слушал, изредка перебивая того, уточняя понятия. Но чувствовалось, что тема ему интересна, что он видит в ней перспективу успешного исхода:

– Да, было со мной одно интересное приключение в Сибири, на охоте. Очень странное... Когда мы победим, мы создадим мощный научно-исследовательский институт, пригласим туда лучших в мире ученых и специалистов, – с мечтательной улыбкой произнес Ульянов. – Хотя, нет, мы займемся этим раньше!

На этом и расстались. Позже Родион узнал, что осенью Ульянов уехал за границу, чтобы сговориться с товарищами из группы «Освобождение труда» относительно издания общерусской политической газеты. А уже где-то в начале февраля следующего года неизвестный молодой человек передал на улице привет от Ильина и небольшой пакет. Открыв пакет дома, Родион нашел там маленькую записку со словами: «Из клетки возгорится жизнь!», с пожеланиями успехов в любимом деле, с пожеланием здоровья и подписью: «В. Ильин». Там же лежал отпечатанный на тонкой бумаге первый номер газеты «Искра».

Следующая встреча Родиона с Владимиром Ульяновым состоялась ранней весной 1903 года в Мюнхене, куда он приехал с двумя сотрудниками лаборатории на конференцию, проводимую весьма авторитетным местным медико-биологическим обществом. Встреча была неожиданной, поскольку Родион и предполагать не мог, что Ульянов, а тот при встрече назвался своим партийным псевдонимом – Ленин, теперь находится в Мюнхене. Тем не менее, оба были рады встрече; Ленин засыпал Родиона вопросами о том, что происходит в России, какие настро-

ения в среде московской интеллигенции и т.д. Родион в свою очередь, поинтересовался партийными успехами.

– Работаем, батенька, работаем! – с энтузиазмом отвечал Ленин, доверительным тоном добавляя, – сейчас готовимся ко второму партийному съезду...

Из дальнейшего Родиону стало известно, что проведение съезда Ленин планирует на вторую половину лета, что много непонимания среди партийцев, что всюду шныряют шпики и работать доводится в трудных условиях, но с улыбкой заверил:

– Я убежден, что всё получится. Я жду этого съезда с большим нетерпением, ведь состоявшийся 5 лет назад I съезд фактически не создал партии: не принял программы, не сплотил революционных сил пролетариата. Впрочем, избранный на первом съезде ЦК тотчас же был арестован. Поэтому я взял подготовку съезда в свои руки, инициировал создание «Организационного комитета», члены которого оценят работу социал-демократических организаций перед съездом. Уже сейчас я в основном написал проект устава партии, набросал проекты многих резолюций, продумал и наметил план работы съезда. Спасибо Плеханову, который помог составить проект программы партии.

Здесь Родион прервал Ленина, поинтересовавшись самочувствием и здоровьем Плеханова.

– Вы с ним знакомы? – спросил Ленин.

– Встречались в молодости. Но это было очень давно...

Далее Ленин поинтересовался у Родиона, разделяет ли он основные идеи подготовленной программы РСДРП, которая намечала ближайшие задачи рабочей партии: свержение царизма, установление демократической республики, уничтожение остатков крепостничества в деревне, в частности возвращение крестьянам земель, отрезанных у них помещиками при отмене крепостного права, 8-часовой рабочий день, полное равноправие наций и народов. Глядя в глаза Родиону, он твердо сказал:

– Конечная цель рабочего движения – построение нового, социалистического общества, а средство её достиже-

ния – социалистическая революция и диктатура пролетариата. Принципами новой партии должны стать серьёзно продуманная система конспирации и формула: «Меньшинство подчиняется большинству». Ну, как вам наша программа?

– Я не член вашей партии, не мне решать, – уклонился от прямого ответа Родион.

Ленин еще раз вернулся к теме лаборатории, участливо спросил, достаточно ли средств для проведения экспериментов, лучшие ли специалисты участвуют в работе. Родион откровенно заметил, что работают серьёзно, глубоко, хотя в недалёкой перспективе возможны финансовые затруднения.

– Мы будем помогать вам, – заверил Ленин.

После Мюнхена Родион отправился в Прагу, намереваясь встретиться с Яном Кефером, который определённо выдвинулся в ряды первоклассных европейских астрологов. Естественным намерением Родиона было показать ректифицированный гороскоп Ленина и спросить мнение Яна о его интерпретации. Ян внимательно изучил все поданные Родионом материалы, похвалил его за квалифицированную работу:

– Карта весьма интересная... Стеллиум впечатляющий... Вершина тау-квадрата... Как они охватили Солнце его: с одной стороны Нептун и Марс, с другой – Меркурий и Юпитер... Тау-квадрат завершают Уран и Луна. Но там ещё кто-то... И Сатурн там же... Через него вся энергия и канализирована... Так, так... Волевые качества – потрясающие. Но – жесток! Через колено готов ломать. Но и сам сломается. А как родители его?

– Отец умер в 55. Очевидно, склеротические изменения...

– Да, да, перспектива подобная вполне просматривается. И по возрасту, определённо!

– Но, вы понимаете, Ян, он не захотел меня даже выслушать о том, что я мог сказать ему о позитивном содержании гороскопа.

– С такой картой не слушают никаких рекомендаций! А жаль, ему можно было бы помочь...

Постепенно разговор перешел к более общим вопросам. Родион заметил, что в Российской Империи набирает размах рабочее движение, обостряется внутривнутриполитическая ситуация. Ян его поддержал, говоря о том, что то же в общем происходит и у них, в Австро-Венгерской Империи. Королевский двор уже мало управляет национальными явлениями, растет напряжение. Заговорили и о судьбах Европы на ближайший десяток лет. Ян сказал, что его анализ свидетельствует, что война к исходу грядущего десятилетия неизбежна. И втянет в свою орбиту она всю Европу.

– А кто начнет войну? – спросил Родион.

– Естественно, я смотрю со своей колокольни, со стороны своей страны. У истоков войны мне почему-то в последнее время видятся два лица: Франц Фердинанд и дядя его – император Франц Иосиф I. Конечно, – это с нашей стороны. Но у войны всегда есть и другая сторона.

Спокойный тон Яна вдруг напомнил Родиону их первую встречу, когда так же упоминались эти имена. Неожиданно вспомнилось:

– Ян, а ведь вы тогда, более двадцати лет назад говорили о том, что сын...

– Да, да, сын Рудольф – единственный наследник!

– ... что сын Рудольф, скорее всего, покончит с собой.

– Так ведь и покончил, бедняга. Известная история: 30 января 1889 года застрелился сам, а любовница его – Мария Вечера, отравилась стрихнином. Правда, ходили слухи, что его застрелили. Но это – заблуждение. Звезды говорят о самоубийстве, а звезды не обманывают. Теперь, наследник престола – племянник императора Франц Фердинанд. Но я уверен, что он не успеет унаследовать престол, и он уйдет из жизни раньше своего дяди... Увы, карта рождения предвещает ему смерть от руки убийцы. Но десяток лет судьбой ему еще отпущено. Поживем, увидим, – уверенно закончил Ян.

Дальнейший разговор их касался темы не менее волнующей – продление жизни. Ян был согласен с Родионом, что говорить о вечной жизни – это безосновательная фантазия. Но продлить жизнь человеческую – это реально и наука должна повсеместно решать эту задачу. Согласился Ян и с идеей о том, что из некоторого фиксированного начала можно человеческую жизнь вызвать:

– Действительно, если природа воссоздает жизнь из каких-то начал, порождаемых живым, а зарождение любого живого существа имеет место именно в такой способ, то и человеческая наука и биологические технологии когда-нибудь смогут это осуществить. Тонкости процесса – опять же дело времени, дело прогресса научного и технического.

Заговорили о внешних факторах, о пагубном влиянии внешних воздействий на формирование индивида. С юных лет человек пропитывается познаниями, возможно, принципиально чуждыми его природе. Готовые религиозные и моральные догмы, навязываемые стили жизни и питания, – все это точно не добавляет нам лет жизни. Соответствующего индивидуальной сущности человека – ничего, а вокруг пассивно интерчеловеческое кружится среди памятников, афоризмов и авторитетов. И вот человек, уже разрушенный, уже разорванный специальными знаниями, вдруг слышит свой внутренний голос, своё я! Вернее, имеет шанс услышать. И тогда может начаться ужасно сложная работа – отделение своего от чужого. И окажется, что своего ничего нет, что абсолютно всё – чужое.

Здесь Ян загадочно улыбнулся и достал из металлической резной шкатулки два шара величиной чуть больше бильiardных.

– Это – эликсир, – средство укрепляющее и продлевающее. Его здесь мало. Смешивать надо в равных пропорциях. Учителя говорят, что необходимо один миллиграмм на один килограмм веса живого существа. Больше ничего сказать не могу. Экспериментируйте!

Родион с трепетом взял гладко отполированные шары в руку. С трудом заметил линию, по которой отделялась одна половинка шара от другой, и попытался разделить половинки. Попытки не принесли никакого результата. Видя его потуги, Ян рассмеялся:

– Надо развинчивать против движения часовой стрелки.

После указания дело пошло. Поднатужившись и осторожно сделав два оборота, Родион почувствовал, что половинки расходятся. Испытывая трепетные чувства, он разомкнул их и увидел на дне одной половинки немного тонко размолотого порошка с густым синим оттенком, которого на первый взгляд было не более десятка граммов весом. Ян, довольный результатом, ободряюще кивнул головой и Родион разомкнул второй шар. Там было примерно столько же пудры зеленоватого цвета.

– Эликсир надежный, хотя его произвели еще в середине шестнадцатого века, – заметил Ян. – Я думаю, что интеллектуальный потенциал ваших сотрудников и техническое совершенство используемых вами приборов, реактивов и инструментов позволит вам сегодня повторить технологические процессы, известные алхимикам пражской школы, и получить то, что требуется... Хотя...

Здесь Ян остановился, подошел к книжному шкафу и откуда-то из-за книг достал несколько пожелтевших листков с рукописным латинским текстом:

– Это небольшой трактат украинского герметика XVIII века Григория Сковороды. Слыхали о таком? Дело в том, что, несмотря на свидетельства именитых ученых, существование философского камня вызывает весьма законное сомнение. Интересная история произошла с основателем научной химии, автором книги «Скептический химик» – Робертом Бойлем. В его присутствии некий адепт произвел трансмутацию свинца в золото, поклонился и удалился. Потрясенный увиденным позитивист Бойль, который не называл алхимию иначе как «галиматъей», тщательно проверил полученный металл, убедился, что это золото, и уже решил было раскаяться и пересмотреть свое мировоз-

зрение. И вдруг на его глазах золотой цвет металла начал медленно исчезать и вскоре превратился в тусклый оттенок свинца.

– Простите, а при чём здесь этот Григорий Сковорода? – заметил Родион.

– Так вот, я и спрашиваю: «В чем же дело? Почему золото не получилось?» А дело в том, что в составе «пудры проекции», которую использовал упомянутый адепт, отсутствовала соль – «космический фиксатор» текучего, – в неоплатоновском смысле, – состояния вещества. А в недавнем прошлом «теорию космического фиксатора» разрабатывал и вполне вразумительным слогом изложил украинский герметик XVIII века Григорий Сковорода, который некоторое время пребывал в наших краях. Теперь вам понятно, что за текст у меня в руках? – спросил Ян Кефер Родиона.

– Теперь в общем понятно. Но в частностях не вполне.

– Хорошо! Объясняю частности: химический состав «пудры проекции» может быть почти такой же как надо, но если нарушена технология, если структура не надлежащая, то «соль» не появится.

– Ян, а текст Сковороды мне не передадите? Может быть, там есть что-нибудь и по нашей проблеме?

Ян Кефер извинительно покачал головой:

– Нет, рукопись я не могу передать вам. Это – раритет, а к тому же там для вас в нём нет ничего интересного.

Родион благодарно склонил голову, трепетно соединил половинки шаров и аккуратно положил шары в карман пиджака.

На следующий день он вернулся в Москву. Ранняя осень слегка золотила листья деревьев, придавая окружающему какую-то задумчивость и ожидание. В воздухе летала паутина бабьего лета.

Глава пятая.

А. А. БОГДАНОВ И ДРУГИЕ

С 17 июля по 10 августа 1903 года в Лондоне прошел II съезд РСДРП. В целом Ленин был доволен результатами работы съезда, хотя с открытием съезда стала очевидна неоднородность партии. Он упорно отстаивал положения о диктатуре пролетариата, о жёстких требованиях к членам партии, считая, что членом партии может быть только тот, кто не только признаёт её программу и поддерживает её материально, но обязательно принимает постоянное личное участие в повседневной работе одной из партийных ячеек. В ходе ожесточенной дискуссии группа Ленина получила большинство при выборах в ЦК партии и в редакцию «Искры». Отсюда и термины: «большевики» и «меньшевики».

По возвращении из Праги Родион увидел, что с лёгкой руки социал-демократов его адвокатская контора стала получать всё больше клиентов, и всё больше втягиваться в рассмотрение дел, имевших политический оттенок. Поздней осенью, когда уже устойчиво выпадал снег, в контору вошел мужчина лет тридцати, и внимательно осмотревшись по сторонам, передал привет от «старика» и пакет из плотной бумаги, который попросил вскрыть в его присутствии. В пакете оказалась отпечатанная брошюра с «Программой РСДРП» и значительная сумма денег – шесть тысяч рублей. На удивленный взгляд Родиона мужчина приветливо ответил:

– Всё, что сегодня можем... Давайте знакомиться, Александр Александрович Богданов, врач. Владимир Ильич просил, если вы не возражаете, конечно, участвовать в делах вашей лаборатории. Меня лично интересует проблема крови как важнейшей составляющей человеческого естества, флюида, который несет в себе память обо всем индивидуальном бытии человека и связывает его с бытием себе подобных.

– Спасибо, весьма рад и благодарен, – ответил Родион.

А. А. Богданов (1873-1928)

Гость, не мешкая, взял инициативу в свои руки:

– Вы позволите мне изложить свою точку зрения по вопросу бытия и сущности человека? Я не нарушаю ваши сегодняшние планы? – заглядывал он в глаза Родиону.

– Пожалуйста, готов выслушать ваше мнение.

– Думаю, что всем наивным точкам зрения о том, что есть «человек», надо противополжить научные. Человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается

целиком ни анатомическим и физиологическим комплексом, т.е. человеческим телом, ни психическим комплексом – сознание, ни социальным – сотрудничество.

– Чьего опыта? – попытался уточнить Родион.

– Человека надо рассматривать не только как целый мир опыта, но и как мир развертывающийся, не ограниченный никакими безусловными пределами, – продолжал Богданов, не реагируя на вопрос. – Человек – это микрокосм, – часть и отражение великого целого, космоса. Микрокосмом делает человека общение с другими существами, обретение их опыта. Человек убеждается, что поток опыта не один, а их много, и все они сливаются для него в бесконечный океан коллективного опыта, который мы называем природой.

– Это слишком общо...

– Не спорю, но другой ваш вопрос касается происхождения человека, жизни, мира. Происхождение я понимаю в смысле абсолютном, в смысле внеопытного творческого первоисточника. А решая вопросы, которые ставите вы, невозможно игнорировать проблему

смысла, т.е. «цели» существования человека, жизни, мира.

– Сожалею, господин Богданов, но поднимаемые вами «вечные» вопросы из разряда того, что называется проблемами, как учили меня мои учителя, а проблемы решаются человеком, исходя из принимаемых им на веру основных норм человеческого бытия.

Из дальнейшего разговора, происходившего за обедом в ресторане, Родион смог выяснить, что его визави достаточно глубоко эрудирован по широкому кругу как естественнонаучных, так и литературно-художественных вопросов. Он свободно цитировал Лермонтова, Гете, Адама Мицкевича и других признанных классиков, компетентно рассуждал по вопросам современной теоретической физики, знал авторов и новейшие концепции химии и биологии. Договорились о дальнейшем сотрудничестве...

28 декабря 1903 года после непродолжительной болезни умер Николай Фёдорович Фёдоров. Родион навестил его в самом начале болезни, но старик сказал, что чувствует себя вполне нормально. Дескать, заболел по случайности, немного просквозило. Но как рассказал Родиону Юрий Петрович Бартенев, – это именно доброхоты в трескучий декабрьский мороз закутали Николая Фёдоровича в шубу и отправили домой на извозчике, желая ему услужить. Его просквозило, и он схватил воспаление лёгких.

За несколько дней до кончины мыслителя, Родион сидел на низенькой скамейке у постели больного, держа его руку в своей. Николай Фёдорович благодарно пожимал руку гостя, рассказывая Родиону что-то из своих больных наблюдений. Потом устало прикрыл глаза и по дрожанию его руки тот почувствовал, что старик хочет сказать ему что-то важное.

– Родион Валентинович, заberi папку с рукописями, – тяжело, с придыханием проговорил он. – Она лежит в моём рабочем столе, на службе, в Главном архиве Министерства иностранных дел. Если возникнут вопросы, скажешь, что я послал принести мне в больницу.

– Папка там одна? – уточнил Родион.

– Да, папка одна, большая. Там рукописи Григория Сковороды, харьковского философа. Сегодня его имя известно, труды изданы, я помогал. Есть там и мои размышления. А папка эта досталась мне в наследство от хороших людей. Получи и ты эти рукописи в наследство.

– Может быть, её всё-таки отдать в Румянцевскую библиотеку, – участливо предложил Родион.

– Нет, материалы там оригинальные, многие из них не известны исследователям, а потому и не опубликованы. Там есть важные для тебя мысли. Я вижу, вы в своей лаборатории уже приближаетесь к тому, в чём папка вам поможет, если будете внимательны.

Родион поблагодарил и отправился выполнять поручение. Папку с рукописями он забрал из архива и отнёс к себе домой. Впрочем, в те дни ознакомиться с её содержанием он не имел возможности. Был сильно занят, да и состояние здоровья учителя быстро ухудшалось.

Зная аскетический образ жизни Фёдорова, многие годы ходившего в самые сильные морозы в своей «ветошке», Родион не ожидал столь скорой развязки. Мыслитель и философ, мечтавший о вечной блаженной жизни для людей, умирал в Мариинской больнице для бедных. Родион, естественно, узнал о его кончине одним из первых, а посему вместе с другими близкими Фёдорову людьми, предпринял все необходимые в этой ситуации меры, чтобы достойно похоронить мыслителя.

Ю.П. Бартенев, который также пришёл в это время в больницу навестить мыслителя, тут же на месте начал писать некролог. Просмотрев текст, Родион вспомнил замечание Фёдорова о матери, у которой смертельно болен ребенок. Она оставляет всё: еду, сон, хлопоты, окружение, забывает обо всём, отдавая все силы спасению любимого ребёнка.

– Напишите об этом, – предложил Родион Бартневу.

– Безусловно, напишу, – заверил тот. – И более того, напишу, что в таком состоянии Николай Фёдорович Фёдоров прожил всю свою жизнь.

Похоронили Фёдорова на кладбище Скорбященского монастыря. И со смертью Учителя у Родиона что-то обрывалось внутри.

Правда, тогда же обнаружили и приятные новости. На мышах велись интенсивные исследования влияния «пудр», подаренных Кефером, и появлялись обнадеживающие результаты. Используя новейшие методы химической спектроскопии, удалось в основном установить химический состав алхимических «пудр», хотя еще не вполне удалось постичь особенности технологии их производства. Но химики, вдохновленные привезенными из Праги материалами, работали с огромным энтузиазмом. Родион всё больше и больше времени стал проводить в лаборатории, понимая, что необходимо искать новое помещение.

Выполняя волю покойного учителя, Родион внимательно читал и перечитывал подаренные ему рукописи. Внезапно он вздрогнул, остановившись на отрывке:

«Да, и человеческую жизнь можно продолжить. Один путь – это путь алхимии человеческого тела. Здесь достаточно знать, какие происходят процессы в человеческом теле, как превращаются питательные вещества, получаемые с едой в силу, которая делает нас подвижными, сильными и ловкими. Надо знать, как сделать усвоение этих питательных веществ наиболее полным, вводя в тело некое вещество, некий эликсир или пудру проекции, что поможет сохранить при этом жизненные силы как можно дольше. Знание этих веществ и правильное их употребление поможет сохранить работоспособной машину человеческого существа на многие столетия».

«Потрясающе, и мы то же делаем», – удовлетворённо подумал Родион, продолжая читать дальше:

«Иной же есть путь, – это путь воспроизводства телесности... Всё дело в том, что каждая даже самая мельчайшая частица человеческого тела **и праха его**, содержит в себе тот божественный первообраз».

Взгляд Родиона задержался на последних словах. Он подумал, что чего-то недосмотрел ранее. Вернулся стра-

ницей раньше и прочитал: «Карта рождения несёт в себе и телесный, и душевный, и духовный первообразы человека».

Именно в это сложное время к Родиону и зашли Александр Богданов и давний знакомый Родиона Илья Прохоров, который теперь играл большую роль в рабочем движении Москвы. Этот человек располагал к себе, вёл себя уверенно, не суетился, умел выслушать и сделать обстоятельный комментарий. К ним и обратился Родион со своими мыслями о необходимости найти ещё одно помещение для исследовательского центра. Илья радостно хлопнул себя ладонью по колену и воскликнул:

– Эврика! Вы понимаете, мы серьезно готовимся к вооружённой борьбе с самодержавным режимом, поддерживаем по этому вопросу Ленина, совершенствуем систему конспирации, создаём явочные квартиры и всякое другое делаем. А наемдни ко мне обратился один наш юный помощник, который случайно раскопал в районе храма Христа Спасителя заброшенный подземный ход, вход в который, по-видимому, обвалился совсем недавно. Оказалось, что под землей находится, можно сказать, целое поселение с добрым десятком изолированных просторных помещений, расположенных на разных уровнях.

– А кто знает об этом? – практически одновременно спросили Родион и Богданов.

– Да никто и не знает: я да этот парень. Парень надежный, болтать не будет.

На улице было холодно, но весеннее солнце уже пригревало, с крыш капало. Решили не медля отправиться посмотреть найденное подземелье. Поплутав по переулкам, вышли к пустырю, густо заросшему кустарником. Прохоров достаточно быстро нашел практически разрушенный вход, на первый взгляд представлявший какую-то промоину в земле среди кустов. Богданов и Родион удовлетворенно переглянулись понимающими взглядами.

– Ну что, будем продираться внутрь, будем смотреть? – спросил Прохоров.

– Я думаю, что не время, да и ничего у нас собой нет, чтобы обследовать ход и подземелье, – взял на себя инициативу Богданов. – Давайте пока уйдём отсюда, чтобы не привлекать ничьего ненужного внимания.

Выйдя на оживленную улицу, они расстались с Прохоровым, попросив его и молодого партийца держать информацию в глубокой тайне.

– Нешто я не понимаю! Не сомневайтесь, никто знать не будет.

Затем Родион с Богдановым уединились в отдельном кабинете ближайшего трактира и разговорились о перспективах использования неожиданного открытия.

– Завтра же я возьму с собой своего друга – инженера-путейца, посмотрим на месте, обследуем подземелья, если это возможно, составим карту и подумаем над перспективой, – подытожил Богданов.

Родион согласился с предложением, и они расстались. А к лету развернулась большая работа по созданию новых помещений для биохимической лаборатории. Были тщательно обследованы подземные ходы, которые строились на рубеже XVI-XVII веков. По рекомендации инженера Б.Г. Дугина один из ходов был продолжен под стоящий неподалеку недавно построенный огромный доходный дом. С хозяином удалось договориться, чтобы он продал под жилье одному из работников лаборатории большую квартиру в первом этаже. Из этой квартиры был сделан вход в систему подземных помещений. В большом подземном помещении, расположенном на глубине около десяти метров, была оборудована центральная лаборатория, в которой проводились наиболее ответственные исследования образцов тканей, полученных из захоронений разных лет, наиболее раннее из которых датировалось началом 1630-х. Здесь же работали над оживлением и обеспечением длительного функционирования различных отдельных органов в физиологических растворах. Работы с препарированием трупов по-прежнему проводились патологоанатомами одной из крупных московских больниц.

Согласно проекту, предложенному Дугиным, второй выход из подземелий наиболее целесообразно было сделать в подвальное помещение одного из популярных и посещаемых трактиров «Бегемот». Но выполнение этого проекта пока было отложено, поскольку необходимо было заручиться поддержкой начинания со стороны хозяина трактира. Учитывая секретность дела, пока это было невозможно.

1905-й год начался с революционных выступлений. На протяжении всего года в Москве продолжались массовые демонстрации, забастовки, вооруженные стычки. В ходе декабрьских вооруженных столкновений с полицией и войсками погибли Илья Прохоров и его молодой товарищ, открывший подземелья. О их гибели Родиона поставил в известность Богданов, умолчав о том, что оба они погибли от выстрелов в спину.

Эффективное функционирование лаборатории требовало достаточного освещения и электроснабжения. Поэтому летом того же года Родион отправил Павла Р. — одного из способных молодых лаборантов в Америку, на стажировку к Николе Тесле, который любезно принял того по рекомендации Кефера и Родиона.

Время было не самое удачное, ибо Теслу преследовали трудности со строительством и функционированием «Мировой системы», задерживалось строительство башни в Уорденклифе, то же касалось и развертывания лаборатории: не было денег на оплату заказанного технического оборудования. Тем не менее, Никола Тесла продолжал напряженно трудиться над своими проектами.

Пока Павел разыскивал Теслу, ему успели наговорить массу дивных историй об изобретателе. В частности рассказали об электрических эффектах в атмосфере, возникших вследствие манипуляций Теслы с экспериментальным оборудованием. Молодой мужчина с восторгом рассказывал как два года тому назад несколько ночей превратились в светлый день из-за непонятного свечения неба:

– Вы не поверите, но от каждого человека в эти ночи исходило сияние как от святых! И вообще, он вытворяет такое! Впрочем, и сами увидите...

Определенная сумма денег, которую передали Тесле с молодым инженером, помогла ему завершить работы по строительству небольшой очень производительной паровой машины. Одна из спроектированных им паровых турбин при мощности 30 лошадиных сил весила всего 10 фунтов. Это был шедевр инженерной мысли.

Тесла понял суть потребностей и в короткое время были изготовлены три высокопроизводительных электрогенератора постоянного тока, работавшие в соединении как с паровой машиной, так и с бензиновым двигателем. Были также сделаны специальные электроосветительные приборы и некоторое другое электрическое оборудование, идею производства которого Тесла генерировал с удивительной прозорливостью. Тесла также помог приобрести микроскоп, сделанный по его чертежам, и позволявший производить увеличение во много раз большее, чем самые лучшие микроскопы того времени. Была сделана также аппаратура для внутрилабораторной связи, позволявшая без проводов разговаривать на расстоянии до 5 километров.

При случае Родион сообщил Богданову о материальных затруднениях Теслы в осуществлении его научно-технических проектов, о том, что этот талантливый мыслитель помогает в оборудовании лаборатории. Богданов обещал передать сказанное Ленину.

Начало революции 1905 года застало Ленина в Швейцарии. В феврале в России арестовали почти весь состав ЦК РСДРП, а оставшиеся на свободе лидеры партии – сторонники Ленина начали подготовку III съезда, который и прошел в Лондоне в апреле 1905 года. Ленин подчёркивал, что главная задача этой революции – покончить с самодержавием и остатками крепостничества в России. Одоблив точку зрения Ленина, съезд определил тактику партии: организация стачек, демонстраций, подготовка вооружённого восстания.

Ленин хотел принять непосредственное участие в революционных событиях. При первой же возможности, в начале ноября 1905 года, он нелегально, под чужой фамилией, прибыл в Петербург, где возглавил работу Центрального и Петербургского комитетов РСДРП. Ленин много внимания уделял руководству газетой «Новая жизнь» и под его непосредственным руководством партия готовила вооружённое восстание.

Богданов сдержал слово. В начале мая 1906 года в адвокатскую контору Родиона вошел невысокий мужчина лет 26-27, с аккуратно подбритыми усами, кавказской наружности. Разговаривая с заметным грузинским акцентом, он передал привет от Владимира Ильича, узнал адрес, по которому возможно встретиться в Америке с Павлом Р., и сообщил, что тому будет передана значительная сумма денег для помощи в осуществлении научных проектов Николы Теслы, а также для оплаты дополнительного оборудования, необходимого для «московского дела», особо подчеркнул кавказец. Родион поблагодарил грузина:

– Я вам очень признателен. Но не ограничиваем ли мы материальных возможностей...

Родион не успел закончить свою мысль, так как грузин успокаивающим жестом остановил его:

– Сейчас интересное время, а денег в Российской империи достаточно! Нужно будет, добудем ещё!

Через несколько лет Родион узнал, что это был один из руководящих деятелей партии, близкий к Ленину товарищ Куба, признанный мастер «эксов».

Уже в сентябре 1906 года Павел Р. доставил все оборудование в Москву. Революционные выступления пролетариата шли на убыль, реакция наступала на свободы и права трудящихся. Царская охранка интересовалась деятельностью Ленина, а когда его пребывание в России стало опасным, он перебрался в Финляндию.

Одной из жертв декабрьского восстания 1905 года в Москве стал и сын хозяина трактира «Бегемот». Молодой человек был задержан, приговорен военно-полевым су-

дом к расстрелу и расстрелян. Ни связи, ни богатства отца спасти его не помогли. Отец, не перенеся тяжести утраты, решил продать трактир и уехать в Германию к старшей дочери. Через подставных лиц сравнительно недорого трактир был приобретен и сразу же соединен со вторым входом в подземелье. Тем самым была обеспечена устойчивая система нормального функционирования подземной части лаборатории.

Родион продолжал внимательно изучать тексты, находившиеся в папке от Фёдорова, часть которых уже была распечатана на пишущей машинке

В эти же дни произошел знаменательный разговор Родиона с Вахрушевым. Прочитав распечатанные фрагменты рукописей, которые Родион считал возможным дать профессору, последний не скрывал своего восторга.

– Вы только подумайте, Родион Валентинович, какое гениальное прозрение! Вы говорили о непонятности этой мысли Сковороды о прорастании разных растений, ядовитых и полезных на одном клочке земли.

– А что же вы думаете по этому поводу, Дементий Иванович? – поинтересовался Родион.

– Думаю, что философ хотел подчеркнуть, что из одной и той же почвы, а для нас из одного и того же исходного материала можно получить разного качества вещества или материалы.

– А если это привести к тому, чем мы занимаемся, – осторожно заметил Родион, – что это может означать?

– Думаю, что теоретически исходный материал одной ткани или органа тела может послужить основой для воспроизводства другой ткани или органа... – не совсем уверенно сказал Вахрушев.

Родион внимательно слушал профессора, продолжая перелистывать рукопись:

– Вы имеете в виду, что-то подобное регенерации?

– Не совсем. Регенерация – это, например, отрастание оторванного у ящерицы хвоста, который отрастает ведь от остатков хвоста.

– Нашёл! – воскликнул Родион. – Как же это я упустил из виду. Смотрите, что здесь говорится! Похоже – это поможет нам определить перспективу исследования.

– Где? – уточнил Вахрушев.

– В тексте, где формулируется постановочная задача для лаборатории Харьковского университета. Там побывал Николай Фёдорович в начале 1850-х годов. Вот, послушайте, он пишет, что через Григория Саввича, – потрясающей глубины мыслителя и провидца, – хирурги обратились к трудам Декарта. Руководствуясь идеями этого мыслителя, они предполагали, что природа вообще и природа человека устроены разумно, ибо высший разум всё устроил!

– Это общие фразы.

– Не скажите! Идём дальше. Слушайте, что они предположили: «Если из малюсенькой оплодотворённой яйцеклетки может инкубироваться целостный человек со скелетом, волосами, печенью, кровью, то, очевидно, что каждая исходная клетка несёт в себе все эти потенции. Природа даёт возможность каждой из ограниченного числа изначальных клеток стать чем-то, чем эта клетка предпочитает стать!»

– Минуточку, повторите ещё раз, – попросил профессор. – Как это понимать: **клетка предпочитает стать?**

Родион взглянул на профессора, улыбнулся, ещё раз перечитал последние фразы из рукописи и продолжил:

– А дальше харьковские медики определённо утверждали, что любая из некоторого количества исходных клеток человеческого зародыша до какого-то момента может быть основанием для образования специфического человеческого органа или кости, или кожи.

– Конечно, конечно, – это же так ясно, – с досадой проговорил Вахрушев. – Но почему я-то до этого не додумался!

– Не сетуйте на себя, – начал успокаивать профессора Родион. – Это скорее общая идея, философская. Разве кто-то из ваших нынешних коллег это сегодня знает?

– Хорошо, – успокоился Вахрушев. – Теперь мне понятно. Да, до какого-то момента это возможно, но позже уже становится невозможным.

– Да, да, – согласился Родион, – и университетские профессора так думали. На этом пути они рассчитывали найти разгадку тайны жизни и смерти. Правда, сетовали на ограниченные возможности их лабораторного оборудования.

– Наши возможности намного больше, – уверенно сказал Вахрушев. – Впрочем, теперь мы к приобретению инструментов, препаратов и оборудования будем подходить, руководствуясь новыми идеями. Жаль, и купили, и сделали много лишнего. Что значит, ложная посылка, недомыслие. Обидно.

– Стоп, стоп! – резко возразил Родион. – О чём это вы, Дементий Иванович, так беспокоились? Пути научного поиска неисповедимы. Мы на правильном пути, мы справимся!

После этого, естественно, оба задумались над вопросом о принципах функционирования лаборатории на ближайшую перспективу. Определённым образом к этому подвигали и декабрьские события, когда, находившаяся на территории табачной фабрики лаборатория едва не была разгромлена противоборствующими сторонами. Поэтому на встрече Родиона и А.А. Богданова с ведущими специалистами лаборатории было принято решение рассредоточить ее «наземную» часть в лабораториях Московского университета, в изолированных помещениях «Бегемота» и в нескольких квартирах в доходных домах.

Спустя некоторое время после означенных событий, Родион в очередной раз отправился в Прагу, намереваясь встретиться там с Яном Кефером, а если удастся, то и с Николой Теслой. Конец мая и почти весь июнь месяц в Европе и России ознаменовались непонятными атмосферными явлениями. По ночам по небу проходили огромные сполохи света, проносились раскаленные шары света, молнии прорезали безмолвное небо. В такие минуты Ян радостно

улыбался. На недоуменный взгляд Родиона однажды прореагировал полусмешливо, полусерьезно:

– Это кто-то из сильных мира сего развлекается, наверное.

После 20 июня по ночам небо озаряли необычные зарницы, становилось светло как днем, наконец, в последние дни июня свечение в небе резко усилилось. А ранним утром 30 июня 1908 года мир был потрясен необычным явлением, названным Тунгусской катастрофой. Газеты пестрели многочисленными заголовками, один фантастичнее другого. Держа в руках одну из свежeweшедших газет, Кефер улыбнулся:

– Родион, вы не догадываетесь, что произошло?

– Ну, вы же видите, Ян, пишут всякое, – не понимая, к чему он клонит, ответил Родион.

– Это – плоды гения Николы Теслы, я знаю! – с восторгом прокричал Ян. – Представьте себе: 100 миллионов вольт, 10 миллионов ампер! А в импульсе, что же это получается! Помножьте! Гигантская энергия! Да такого никто, кроме Николы, никогда больше не повторит! Гений! А вы говорите, может быть, метеорит...

– Если это так, я рад за Николу, – поддержал восторги Кефера Родион.

– А каковы ваши успехи? – поинтересовался, в свою очередь, Кефер.

– И у нас есть творческие прозрения, – улыбаясь и потирая руки, ответил Родион.

Глава шестая. ЗИНОВЬЕВ. ПРАГА

К началу 1911 года в лаборатории были достигнуты существенные успехи. Подопытные мыши и крысы, которым однократно ввели «эликсир», до сих были живы, в то время как их «ровесники» давно издохли. Потомство подопытных животных произвели только однократно вне зависимости от пола. Потомство было не более одной-двух особей. Особи отличались крепкой телесной организацией, однако продолжительность их жизни не отличалась от обычной. Те же, которые, в свою очередь, получили «эликсир» продолжали жить и после естественной гибели собратьев по помёту. К сожалению, эликсир израсходовался быстрее, чем химической лаборатории удалось воспроизвести аутентичный. Ян Кефер оказался прав: всё дело было в технологии. Но ученые-химики упорно продолжали работать. Микроскоп, привезенный Павлом Р., несомненно, сильно продвинул исследования вперед, но что-то не получалось...

Ближе к лету Родион получил письмо от Яна Кефера, в котором тот извещал его, что в ближайшее время в Прагу приедет Никола Тесла, и они смогут встретиться, «вспомнить годы молодые и подвести промежуточные жизненные итоги». Родион быстро собрался и уже через неделю давние знакомые сидели в привычном кафе и вели неспешные разговоры. На прямой вопрос, заданный Родионом Николе по поводу Тунгусского события, тот ответил доброжелательно и уклончиво, заявив, что иногда бывают странные стечения обстоятельств, которые современная наука едва ли в состоянии объяснить.

В какую-то минуту Родион как наяву увидел картину своей встречи с Яном в Праге ранней осенью 1903 года. Вспомнились его пророчества о грядущей европейской войне, которые Родион пытался перепроверить, пользуясь средствами мунданной астрологии. Результат в общем получался близкий. Всё это заставляло его серьёзно за-

думываться над глубокими философско-нравственными вопросами. Естественно, он не преминул задать вопрос о судьбах Европы на ближайшие годы и Николе Тесле. Вопрос того не удивил:

– Я не очень задумываюсь над такими вопросами, просто, что-то приходит ко мне и я чувствую, что могу видеть... Да, я вижу эту страшную войну в Европе... Середина 1914-го года, начало... Продлится до конца 1918-го. Но европейский мир будет непродолжительным, лет двадцать, не более... Да и какой это будет мир? Насилие, диктатуры под видом демократии, террор, массовое истребление людей, преследование инакомыслящих, двоемыслие...

Здесь в разговор вмешался Ян, который явно не ожидал от Теслы такого прорицания:

– Ты понимаешь, Никола, насколько ты близок к тому, что произойдёт. Правда, ты не называешь никаких имен, инициаторов, провокаторов, которые приведут к началу войны.

– Так что, Ян, правда, середина 1914-го? – уточнил Родион.

– Похоже, что так. И герои остаются те, о которых мы с вами говорили: Франц Фердинанд и дядя его – император Франц Иосиф I. Но есть и нечто новое. Новые герои, революциями пахнет, революционерами-правдоискателями, террористами... Плебс поднимется, плохо будет на востоке Европы, хотя наибольшие беды ждут двух европейских соперников: Германию и Россию...

Тесла с напряженным вниманием следил за тем, что происходило у него на родине. Маленькая страна героически боролась за свою самостоятельность против многочисленных и более сильных врагов. Вместе со своими соплеменниками-патриотами он мечтал о том, чтобы увенчались успехом усилия объединить все балканские народы: сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев. Тогда можно сбросить иго ненавистных Габсбургов и создать единое южно-славянское государство. Но пророческое чувство говорило ему и о том, что порыв такой – трагичен,

что даже возникший союз будет, увы, непродолжительным. И это его тревожило как человека...

В эту поездку в Прагу Родион познакомился с одним молодым поляком, членом польской группы социал-демократов, примыкавших к РСДРП. Знакомство состоялось благодаря оказавшемуся тогда в Праге Алексею Пешкову, который узнал Родиона и радостно бросился его обнимать. Он сообщил, что давно уже известен в революционных кругах как Максим Горький. Сказал, что ему страшно не нравятся нынешние русские революционеры, амбициозные, нетерпимые к мнению иного, болезненно честолюбивые. Поинтересовался, читал ли Родион его рассказы и повести. И представил Родиону молодого человека:

– Знакомьтесь, Збигнев Гринеvский. Настоящий революционер, умный, ненавидит самодержавие, участвовал в декабрьском восстании в Москве, был ранен, арестован, приговорен к расстрелу, сбежал из-под стражи, – выпалил он одним духом, подталкивая Збигнева вперед.

Разговорились, и в ходе беседы выяснилось, что Збигнев закончил исторический факультет Ягеллонского университета, интересуется историей науки, много читает... Он пригласил Родиона в Краков, пообещав показать ему эту колыбель польской науки и культуры. Родион поблагодарил Збигнева, пообещав непременно воспользоваться его гостеприимством. Молодой поляк происходил из аристократической семьи, имел великолепное классическое образование. Оказалось, что Збигнев серьезно интересуется оккультизмом и астрологией. С восторгом он рассказывал об успехах краковской астрологической школы, о гениальном Копернике, о прекрасном своем городе. Несколько бесед в кафе, которые они провели на протяжении недели, сильно сблизили их. Родион попросил Збигнева к своему приезду в Краков найти несколько рукописных или печатных астрологических текстов старой краковской школы.

А в ноябре месяце в контору к Родиону вошел очередной клиент. Приветливо поздоровавшись, и передав записку от Богданова, представился:

Г. Е. Зиновьев (1883-1936)

– Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК РСДРП. Примите дружеский привет от Владимира Ильича, пожелания здоровья и успехов в ваших начинаниях. Извините, но рассчитываем на вашу помощь в одном деле.

– Какой же помощи вы от меня хотите?

– Мы советовались с Лениным относительно места проведения очередного партийного форума. В Европе сейчас сложно, масса шпионов, буквально «пасут» наших товарищей.

Из дальнейших объяснений Зиновьева, искренность которого у Родиона не вызвала сомнений, стало очевидно, что раскол в партии существенно препятствует эффективной работе в рабочей среде. Ни Стокгольмский, ни Лондонский съезды не привели к единству, а события последних двух лет еще больше показали слабость нынешней большевистской фракции, подчинившейся духу примиренчества.

– Ленин полагает, что необходимо провести партийную конференцию, которая, наконец, утвердила бы большевистскую платформу как особую партию. Мы думаем, что местом проведения следует избрать Прагу. Знаем, что вы бываете в Праге, имеете там знакомства и могли бы помочь нам с конкретным заведением...

– То есть, подыскать соответствующее помещение, чтобы можно было нормально разместиться, общаться, чтобы это не бросалось в глаза окружающим...

– Да, да, именно так! Конспирация прежде всего! Хотим начать принципиально новый этап работы российской социал-демократии.

– Хорошо, я помогу вам. А когда будет проходить ваша конференция?

Здесь Зиновьев взял Родиона за локоть и попросил проводить его. Выйдя в прихожую, он приблизил свое лицо к лицу Родиона и негромко сказал:

– Вторая или третья декада января.

– Хорошо, в конце декабря я дам вам точный положительный ответ, – так же негромко ответил ему Родион. – Успеете вы организовать?

Зиновьев согласно кивнул головой.

На следующий день Родион отправился в «Бегемот», рассчитывая посетить лабораторию и ознакомиться с достигнутыми там успехами. Он привычно вошел через черный ход, привычно остановился за плотной портьерой и осмотрел зал. Каково же было его удивление, когда в нескольких метрах, за столиком он увидел заметно постаревшего Степана Михайловича Каледина собственной персоной. Рядом с ним сидел мужчина лет тридцати пяти с шикарной рыжеватой шевелюрой кучерявых волос и густыми усами. Что-то в этом лице насторожило Родиона, но он не стал рассматривать его больше, и еще раз удостоверившись, что за столом сидит действительно Каледин, прошел боковым проходом ко входу в подземную лабораторию. Здесь, радостно потирая руки, его встретил профессор Вахрушев:

– Работаем, сударь, работаем!

– Вижу, что есть новости?

– Да, Родион Валентинович, есть потрясающая новость – мы сделали клон!

– Что, что?

– Мы сделали клон, то есть точное подобие материнского тела! Представьте себе, путём бесполого размножения из ничтожного фрагмента мыши мы вырастили точную ее копию. Это здорово, что мы плодотворно поработали с профессорами А.А. Колли и Н.К. Кольцовым! «Мозговой штурм» в размышлениях о молекулярном механизме передачи признаков по наследству позволил нам пойти дальше. Теперь мы на правильном пути!

– А-а-а, понимаю: клон – это «побег, поросль». Припоминаю, около года тому вы говорили мне о возможности получить генетически однородное потомство из одной клетки не только одноклеточных организмов, но и из клеток высших организмов.

– Именно так. Теперь мы начали практическую работу по клонированию собаки. Пока эксперимент идёт удачно... Думаю, что скоро возьмёмся и за человека! – радостно воскликнул он.

Родион промолчал и не поддержал восторга коллеги по «общему делу». Вспомнилась ему одна из встреч с университетскими преподавателями то ли в 1906, то ли в 1907 году. Тогда была затронута тема, что больше зависит от чего: тело от души или душа от тела. Достаточно длительная и эмоциональная дискуссия мало подвинула ее участников к согласному решению. Они так и разошлись каждый со своим мнением.

И вот теперь тема дискуссии, которая, конечно, никогда по большому счету не оставляла Родиона, вдруг приобрела зримые очертания. «Что на что влияет в первую очередь?», – спрашивал он себя и не находил однозначного ответа, чувствуя глубокую связь этих начал с третьим, – с Духом.

Трепет прошел по всему его телу...

– Хорошо, рад вашим успехам, Дементий Иванович, но прошу пока за человека не приниматься, – полушутливо, полусерьезно заметил он, обращаясь к Вахрушеву.

– Согласен, поверьте, тема чувствительная и для меня. Доведем дело с собакой, подумаем, что делать дальше.

Каково же было удивление Родиона, когда на следующий день в его конторе появился вчерашний незнакомец, – собеседник Каледина.

– Позвольте побеспокоить, наслышан о ваших успехах, – начал он, входя в кабинет Родиона и снимая лисью шапку.

Незнакомец сразу же вызвал неприятное ощущение:

– Чем могу служить? – прервал его Родион.

– Роман Малиновский, – представился вошедший. – Зашел к вам по партийным делам... Я работаю в рабочих профсоюзах Москвы...

При этом он сделал вид, что чувствует доверительное к себе отношение. Родион, напротив, строго заметил:

– К нам нередко заходят по партийным делам, но мы принимаем клиентов только по делам гражданским или уголовным. Гонорар, понимаете ли, в первую голову, а политика нам не интересна, для адвоката времена всегда смутные...

Родион внимательно рассматривал водянистые глаза, круглое, изрытое оспой лицо, усы... Впрочем, своими манерами и поведением Малиновский ничем не отличался от других передовых интеллигентных рабочих, которых немало перевидал за последние пять-шесть лет Родион. Не испытывая никакого доверия к клиенту, Родион холодно спросил:

– Так по какому вы делу? Назовите, тогда я смогу передать вас одному из наших присяжных поверенных.

– Я, видите ли, мне говорили... – несколько стушевался Малиновский. – Впрочем, я вижу вы заняты, я зайду в другой раз, если позволите.

На этом расстались, но теперь у Родиона не осталось никаких сомнений относительно того, в каком ведомстве ныне служит Степан Каледин. Оставался только один вопрос: «Встреча именно в «Бегемоте» – это случайность, или...» Не имея возможности сегодня ответить на этот вопрос, на следующий же день он уехал в Прагу к Яну Кеферу, рассчитывая параллельно с его помощью выполнить просьбу большевиков, памятуя о строжайшей конспирации.

Ян сразу же понял суть дела и несколько удивился:

– Вы тоже записались в социал-демократы?

– Нет, Ян, не записался и не собираюсь записываться. Но, может быть, для России они принесут какие-то более достойные формы жизни, нежели нынешнее самодержавие...

– Очень сомневаюсь, – со снисходительной усмешкой заметил тот. – Фридрих Ницше о нашем столетии нехоро-

по пророчествовал... Кстати, припомните, что совсем недавно здесь говорил Никола Тесла. Я с ним согласен: насилие, диктатуры под видом демократии, государственный террор и большие, большие тюрьмы... Не минует такая перспектива и России.

После короткого размышления, заглядывая в свой блокнот, Ян предложил оптимальный вариант:

– Есть у меня хороший друг – Иохим Гавлена, – администратор Народного дома, умеренный социал-демократ. Он сделает всё лучшим образом. Наймет отдельные пристойные квартиры, обеспечит зал для совещаний.

Сразу же была организована встреча с Гавленой, который с радостью согласился участвовать в организации проведения партконференции российских социал-демократов.

– Сколько будет гостей? – спросил он.

– Надо рассчитывать на полсотни... – ответил Родион. – Нужно ли вам сейчас какую-то сумму денег передать?

– Пока не надо.

– Хорошо, я оставляю часть денег Яну, если потребуется, он вам даст, – заметил Родион.

Вернувшись в Москву, Родион сообщил о достигнутых в Праге договоренностях, передав все необходимые сведения Зиновьеву, который долго, с благодарностью тискал его руку.

Пражская конференция проходила с 18 по 30 января 1912 года. Несмотря на все меры конспирации, принимавшиеся участниками конференции, о результатах её работы было сразу же донесено. Пребывание в составе делегатов одного или нескольких провокаторов не вызвало сомнений.

Ранней осенью 1912 года Родион отправился в Краков. Наряду с другими он рассчитывал встретиться и со Збигневом Гриневским, предполагая получить что-то из обещанных астрологических текстов краковской школы.

Выходя из вагона поезда на перрон, Родион неожиданно увидел среди толпы встречавших и Григория Зиновье-

ва. Не имея намерения скрываться, он не спеша пробирался к нему сквозь толпу, когда вдруг увидел, что Зиновьев приветственно махал рукой... Роману Малиновскому. Родион торопливо скрылся, и сев на извозчика, отправился в гости к Збигневу. Тот не скрывал своей радости:

– Великолепно, что вы приехали! Пане Родион, я раздобыл то, о чём вы меня просили. Вы давно в Кракове? Почему не позвонили мне? – обрушился он с вопросами на Родиона.

– Я только сейчас с поезда. Не успел еще акклиматизироваться, отшутился Родион.

– Спасибо, что сразу приехали ко мне

– Но я сейчас не надолго, надо где-то остановиться в отеле. Какой вы посоветуете?

– Я прошу оставаться у меня в гостях, сколько потребуется. Поверьте, мне будет очень приятно! Сейчас я органирую небольшой завтрак, а чуть позже сходим пообедать в ресторан.

Сразу же появились на столе бутерброды, кофе, бутылка вина. Выпили за встречу, и Збигнев заговорил о жизни в Кракове, о краковских достопримечательностях, которые необходимо обязательно посетить. Родион внимательно слушал его и улучив минуту спросил:

– Збигнев, вы общаетесь с русскими социал-демократами?

– В общем, да, – несколько замявшись ответил тот.

– Вопрос мой не праздный, и мне не интересно, с кем из них вы общаетесь. Однако я наверняка знаю, что среди них есть провокатор. Жаль, если он нанесёт большой вред их организации.

Збигнев задумался и спросил:

– Могу я сослаться на вас?

– В принципе можете, но я бы хотел услышать хотя бы одно из знакомых мне имен.

– Здесь находится один из ближайших сподвижников Ленина, – снова уклончиво сказал Збигнев.

– Григорий Зиновьев?

Роман Малиновский (1876-1918)

– Да, он. А откуда вы знаете?

– Ну, так вот, не далее как два часа назад он с поезда встретил Романа Малиновского. Я чудом не попал в их поле зрения... Это и есть известный мне провокатор, человек, который в ноябре прошлого года достоверительно, в Москве, в трактире встречался с одним из крупных деятелей охраны, с полковником Калединым. Полковник специально при-

езжал из Петербурга, где он служит в охранном управлении, насколько мне известно.

Збигнев опешил:

– Вы уверены в этом? – переспросил он, и не дожидаясь ответа сказал, – надо немедленно поставить в известность Зиновьева и Ленина. Сейчас Владимир Ленин здесь, в Кракове. Нельзя допустить, чтобы Малиновский попал на конспиративную квартиру Ильича!

Збигнев торопливо вскочил из-за стола.

– Родион Валентинович, я прошу вас оставаться пока у меня в квартире, вы ничего не знаете в Кракове, поэтому пока почитайте журналы, газеты, отдохните с дороги, а я побегу.

В ответ на предостерегающий жест Родиона, он заметил:

– Я знаю Малиновского в лицо; во время Пражской конференции я приезжал к Ленину, но Малиновский меня не видел, и думаю, не знает. Все-таки я неплохой конспиратор, если и в переполненном шпиками Кракове нормально работаю...

Збигнев выбежал из квартиры и отправился на явочную квартиру Ленина. Владимир Ильич уже несколько

дней находился в городе, а очередная встреча Збигнева с ним была назначена на завтра пополудни. Встревоженной походкой Гриневский шел на явочную квартиру. Проходя мимо Мариацкого костёла, желая проверить нет ли за ним «хвоста», он вошёл в храм и недолго постоял среди соборного великолепия. Немногие верующие, находившиеся в костеле, каждый сам по себе просили у Всевышнего возможного: кто-то милости к страждущему, кто-то о материальном благополучии, кто-то дерзнул просить у Господа даже Царствия Небесного. Недолго пробыв в Мариацком, Збигнев вышел на площадь.

Погода стояла великолепная, уличные музыканты наигрывали краковяк. Солнце полыхало в небесах, в кафе отдыхала праздная публика. Легкие облака пробегали по небу...

Ильич, спустя некоторое время после звонка, широко улыбаясь сам открыл дверь.

– Збигнев? Что-то случилось? Извините, что замешкался. Наденька ушла в библиотеку, в университет, поработать ей надо, а я тут занялся немного хозяйственными делами...

Они обнялись, троекратно облобызавшись. В эти мгновения боковым зрением Родион увидел в зеркале прихожей мелькнувшую в соседней комнате полуодетую женскую фигуру.

– Лукавит Ильич, – подумал он. – Инесса уже успела...

– Владимир Ильич, я не надолго. Много работы. Приятное известие принес нам гость из Москвы.

– Кто, Малиновский?

– Нет, Родион Валентинович!

– Странно, мы ждем сегодня Романа Малиновского... – заметил Ленин, внимательно всматриваясь в лицо Збигнева. – Да вы чем-то очень встревожены, я вижу?

– Владимир Ильич, Роман Малиновский – провокатор! Родион Валентинович лично видел как он недавно, перед Пражской конференцией, встречался в Москве с полковником из петербургской охраны. Сегодня он узнал Малиновского, когда тот встретился с Зиновьевым!

– Да, батенька, задали вы работы, однако... Мы чувствуем, что провокатор был. Но судя по тому, что мог знать Малиновский, и по тому, что реально произошло, все-таки здесь может быть и ошибка... Потому что он знал меньше, далеко не всё, – поправился Ленин.

– Владимир Ильич, я не знаю, что он мог знать, но думаю, что адвокат не ошибается.

– Да, да, и Наденьке Малиновский не понравился сразу. Ну, ладно, я воздержусь от встречи с ним. Передайте Зиновьеву, чтобы он не вёл Малиновского ко мне. Я попрошу Зиновьева, чтобы он завтра же встретился с Родионом Валентиновичем. Есть одно архиважное дело... Работы много, ой как много...

Ленин, назвав время и место встречи, здесь сделал паузу, явно намекая на теперешнюю неготовность к дальнейшему разговору. Збигнев понял, и с изрядной долей иронии произнёс, прощаясь:

– Хорошо, работайте...²

2. Подлинный «гвоздь» Пражской конференции 1912 года – создание особой вполне самостоятельной большевистской партии. Роман Малиновский – делегат конференции, опытный провокатор со стажем. Осенью 1912 года был избран депутатом Госдумы от социал-демократов, но в мае 1914 года сложил депутатские полномочия. Партийная следственная комиссия провела несколько допросов Малиновского, на которых он рассказал, что в молодые годы бедствовал, голодал, еле вырвался из плена религиозных предрассудков. Мучимый голодом, что-то украл, был судим, ушел из семьи. Решил скрыться от позора прежней жизни, раздобыть паспорт на другое имя. Паспорт तो ли украл у спящего пассажира, то ли забрал у убитого им в пьяной драке парня. Потом его начала мучить совесть, он не смог из-за угрызений совести служить партии и сложил депутатские полномочия в Госдуме.

С началом первой мировой войны стало ясно, что он – провокатор охранки. В марте 1917 года в архивах охранки были найдены неопровержимые доказательства этого. Осенью 1918 года Малиновский, вернувшись из плена, явился с повинной в Смольный, откуда его и препроводили на Гороховую, в ЧК. На допросе Малиновский признал, что стал провокатором, якобы вследствие угрозы со стороны охранного отделения разоблачить его уголовное прошлое. Ревтрибунал 5 ноября приговорил его к расстрелу, и приговор незамедлительно был приведён в исполнение.

Глава седьмая. ГАВРИЛО ПРИНЦИП

По возвращении домой, Збигнев радостно сообщил Родиону:

– Да, пане, так я раздобыл у антикваров два текста. Это инкунабула Петра Гашовца – доктора медицины, ректора Краковской академии, придворного астролога Казимира IV Ягеллончика, и переписанный текст Ержи из Дрогобыча, в котором дается астрологический прогноз на 1478 год.

– Спасибо. А кто же этот Ержи?

– Насколько я смог установить – это очень интересная личность. Родился в Дрогобыче возле Львова, учился в Ягеллонском университете, потом в Болонье, где его избирали ректором *Artistarum et Medicorum* Болоньского университета. К тому же он был известным членом Истрополитанской Академии в Презбурге и даже какое-то время ее вице-канцлером. Я здесь в Кракове выяснил, что с 1487 года он заведовал кафедрой медицинского отделения университета. Пользовался очень высоким авторитетом среди профессоров и студентов как астролог и лекарь, что способствовало принятию его в свиту королевскую. У того же Казимира IV он был личным лекарем.

Собеседники еще какое-то время поговорили на тему астрологического прогноза. Збигнев поделился своими соображениями касательно ректификации карты рождения. Родион при этом указал на ряд принципиальных положений и на возможные ошибки. Збигнев заметил, что астрологические традиции в Кракове всегда были на высоте:

– Известно, что в 1459 году в Краковском университете была создана кафедра астрологии, которую возглавил Мартин Круль (*Rex*) из Перемышля, доктор медицины и профессор. Кстати, в то же время во Франции в 1465 году король Людовик XI приказал уточнять влияние планет на проведение операций и назначение лекарств. Знаменательно, что астролого-медицинский календарь «*Almanach*

Crasoviense ad annum 1474» был в Кракове одной из первых печатных книг. Закономерно, что вторая половина XV в. – это время, когда начали продуцировать ежегодные астрологические прогностики. Речь идет о том, что «Прогностики» – это один из элементов культуры того времени: Прогностик на 1476 год рассчитывал Ян из Глогува, на 1477 год рассчитывали *Johannis Laet de Borchloen* и Миколай Водка. А «Прогностиков», рассчитанных на 1478 год, сохранилось переписанных рукой собравшего их Гартмана Шеделя, несколько: а) *Magistri Jeorij de Russia* (= *de Drohobycz*), в) *Mag. Hieronymi de Manfredis*, с) *Baptistae Piasii Cremonensis* и несколько других.

– Много ли известно о личностях этих астрологов? – спросил Родион.

– Кстати, интересную вещь я обнаружил, – заметил Збигнев. – Что удивляет при изучении жизни и деятельности выдающихся астрологов означенного времени, так это отсутствие, как правило, даже точного года рождения, хотя дату смерти биографы приводят.

– Да, свою смерть трудно скрыть от других...

– Безусловно, – продолжал Збигнев. – Вот посмотрите: Юрий Дрогобыч (ок. 1448–04.02.1494), Ян из Глогува (ок. 1445–11.02.1507), Михал из Вроцлава (ум. 09.11.1534). Думаю, что особой фантазии здесь не требуется: астрологи скрывали точное время своего рождения, хотя владели техникой ректификации, т.е. установления точного времени рождения человека, что неоднократно демонстрировали. Понятно, что ректификацию своей карты рождения все они провели, хотя сочли необходимым скрыть ее, тем самым скрывая от других особенности своего естества, своей сущности.

Профессиональный разговор продолжился далеко за полночь.

На следующий день, ближе к обеду в кафе состоялась намеченная встреча с Зиновьевым. Он внимательно выслушал Родиона, в принципе согласился с его предположением о провокаторской деятельности Малиновского,

пообещав для начала существенно ограничить общение с ним. После этого Зиновьев обратился к Родиону:

– Хотел бы с вами поговорить об одном архиважном деле... Очень доверительно, по-дружески...

Родион согласно кивнул головой, готовый выслушать суть дела. Збигнев встал со стула, не желая мешать разговору, но Зиновьев жестом пригласил его оставаться на месте:

– Вы знаете, что Пражская конференция взяла курс на решительную борьбу с царским самодержавием. Говоря о «современном моменте», Ильич отметил, что царизм остается бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств. Отсюда и стремление царизма в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией удовлетворить свои хищнические интересы за счет грубой националистической политики в отношении угнетенных окраин. Эта политика направлена, в первую очередь, против более культурных областей империи, коими являются Польша, Финляндия, Северо-Западный край. Самодержавный режим ведет и колониальные захваты в Азии, в частности, в Китае и Персии. Это – очевидно.

– Очевидно, – согласился Родион, – и такая политика может продолжаться достаточно долго.

– Я вижу, вы меня понимаете, – обрадовано закивал головой Зиновьев. – Но что из этого следует? А то, что значительная часть общества, участвуя в колониальных захватах и в преследовании инородцев, будет чувствовать себя вполне удовлетворенными. Более того, эти люди будут активно противодействовать попыткам изменить существующие социально-экономические отношения... Не правда ли?

– В общем, – логично, – заметил Родион.

– И Ленин согласен с таким предположением! Поэтому у нас есть один шанс колоссально ускорить развитие революционного процесса и приблизить время коренных социалистических преобразований в России и даже в Европе...

Родион и Збигнев внимательно следили за его словами. И здесь Зиновьев высказал то, к чему сводилось в итоге его «архиважное дело»:

– Нам нужна большая война в Европе! И мы с Лениным и Каменевым сейчас думаем над тем, что мы лично могли бы сделать для скорейшего начала этой войны.

– И какой же вы видите перспективу **скорейшего** начала? – спросил Збигнев.

– Мы внимательно присматриваемся к Балканам, к проблемам южных славян. Сербия, Босния, подавляемые Габсбургами, – вот в перспективе, по нашему мнению, пороховая бочка нынешней Европы, – выдохнул Зиновьев.

Родион вздрогнул, услышав это заявление. Вспомнились беседы с Яном Кефером и Николой Теслой. Вначале повеяло духом чего-то мистического, но успокоившись, Родион вдруг осознал, что «карты не врут», как однажды заметил по поводу своих астрологических прогнозов Ян. И сам того не ожидая, вслух произнёс:

– Не врут!

– Что, что... Что вы говорите? – удивленно переспросил Зиновьев.

– Любопытно мне, удивительны извивы человеческой мысли и неисповедимы пути истории, – философски смиренно произнес Родион.

Все замолчали, а Родион неожиданно задумался над моральной, как он определил её для себя, дилеммой. Поддерживать тему, уводить в сторону, убеждать или переубеждать... Но сам Зиновьев и подвел некоторый итог обсуждаемой теме:

– А мы, всё-таки, постараемся исповедать пути истории! Мы, – большевики, мы будем менять историю!

Размышляя над темой в полупустом кафе, и допивая остывающий кофе, все трое невольно обратили внимание на происходящее за отдаленным столиком. Там молодой человек лет 22-24-х активно флиртовал с девушкой явно легкого поведения. Он пытался говорить с девушкой на польском, но заметный русский акцент выдавал его с го-

ловой. Девушка кокетливо улыбалась, помахивала веером, поддерживая знакомство. Но невесть откуда появившийся верзила молча схватил её за руку и потащил из кафе. Та пыталась что-то объяснить, но верзила небрежно махнул рукой в сторону соседа за столом, что-то авторитетно сказал и она успокоенная пошла за ним, выдернув из его руки свой локоть.

– Сутенер, нашел более достойный заработок, – промолвил Збигнев.

Все молча наблюдали за происходящим. Между тем молодой человек был явно обижен произошедшим, особенно потому, что всё происходило на глазах посетителей кафе, хотя и немногочисленных.

Собеседникам стало жаль его и почти не сговариваясь они решили пригласить молодого человека присесть к ним за столик. Збигнев встал и подошел к столику, за которым сидел тот:

– Простите, вы из России, – обратился он к гостю.

– Да, – обрадовано воскликнул молодой человек.

– Мы приглашаем вас в нашу компанию, – жестом указал на товарищей Збигнев.

Молодой человек обрадовано согласился.

– Присаживайтесь к нам, – оживленно обратился к нему и Зиновьев. – Вы прямо сейчас из России?

– Спасибо, я сейчас из Праги, а до того попутешествовал по Боснии, Сербии и Хорватии.

– Любопытно, – заметил Родион.

Из завязавшегося разговора они узнали, что молодого человека зовут Николай Бухарин, что он интересуется экономическим учением Маркса. После того как было заказано бутылку коньяка, а затем выпито и другую за братство славян и процветание свободных братских народов, у гостя немного развязался язык. Он начал говорить витиевато, а в итоге признался, что является членом российской социал-демократической рабочей партии и очень хотел бы «добиваться равенства, свободы и социальной справедливости» на просторах Российской империи.

Н. И. Бухарин (1888-1938)

Родион и Збигнев, не прерывая, внимательно и с видимым сочувствием слушали его порой высокопарные разглагольствования. Николай пожаловался на то, что среди его нынешних товарищей по делу мало людей культурных и образованных, что не с кем поделиться своими мыслями о теоретической подоплеке учения Маркса, что руководители группы постоянно разъезжают по каким-то совещаниям и съездам, расходуют деньги из партий-

ной кассы и многое скрывают от рядовых членов. В общем молодой человек вызвал у собеседников симпатию своей эрудицией и энергичным желанием работать.

На Зиновьева, внимательнейшим образом слушавшего Бухарина, слова последнего повлияли серьезнейшим образом. Зная много лучше других присутствующих российское социал-демократическое движение, он быстро убедился в том, что же из себя представлял Бухарин. Улучив минуту и перемигнувшись с товарищами, он показал взглядом, что хочет остаться наедине с Николаем.

Родион и Збигнев с радостью встали, извинились и ушли, сославшись на занятость.

На следующий день Зиновьев представил Николая Бухарина Ленину, встретившись с ним в укромном кафе. Владимира Ильича очень заинтересовала личность молодого человека, побывавшего в южно-славянских странах. После обсуждения перспектив российской революции, в ходе которого Бухарин показал себя неплохим аналитиком, разговор постепенно перешел на ситуацию на Балканах и в Австро-Венгерской империи. И здесь, неожиданно, Бухарин поведал, что находясь в Боснии он

познакомился с членами анархистской, националистической организации «Млада Босна», боровшейся против оккупации. Более того, ему удалось познакомиться и с членами тайного сербского общества «Черная рука», ставивших своей целью объединение южно-славянских стран в одно славянское государство. Девиз общества «Черная рука» был лаконичен: «Объединение или смерть». Во главе общества, как ни странно, стоял полковник Драгутин Димитриевич, одновременно возглавлявший разведку генерального штаба Сербии. Членам «Черной руки» он был известен под псевдонимом Апис и таким же знал его Николай Бухарин. Поделится Бухарин и своими личными наблюдениями относительно настроений разных слоёв населения в тех краях, где успел побывать.

На протяжении всего разговора Ленин и Зиновьев восторженно переглядывались друг с другом, не скрывая своего удовлетворения от услышанного.

Уже на следующий день Владимир Ильич пригласил Николая Бухарина к себе домой, где они втроем с Надеждой Константиновной довольно обстоятельно обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества с южно-славянскими патриотами и анархистами. Встречаясь в тот же день в кафе с социал-демократами, Николай с восторгом и витиевато говорил Зиновьеву:

– Ушел от Ильичей как замороженный, летел домой, точно за спиной крылья выросли, перспективы раздвинулись, миры новые открылись...

Правда, присутствовавший на встрече Збигнев Гриневский, улучив минуту, когда Зиновьев отлучился, заметил Николаю Бухарину:

– Будьте очень осмотрительны в своих отношениях с другими и в выборе знакомых. Вы умный человек, но остерегайтесь говорить лишнее, иначе погибнете от пули. Марс к вам настроен враждебно.

– Чепуха ваши гадания, Збигнев, – сразу же отреагировал Бухарин, но помедлив, спросил:

– Когда?

– Ничего, вы успеете вкусить и славы, и власти, и богатства.

– Тогда ваши пророчества несерьезны.

– Не думаю. Я бы на вашем месте прислушался к совету. Хотя, беда вас, русских, в том, что вы не верите в Логос. Вы всегда рассчитываете с судьбой договориться. Судьба для вас – фортуна!

Здесь к столику вернулся Зиновьев, и разговор принял практическое направление. Бухарину было предложено, не медля долго, ехать в Вену. Зиновьев пообещал передать ему завтра же необходимую для «приличной жизни» сумму денег, достаточную на три-четыре месяца, а также средства «для работы со славянскими патриотами».

Назавтра Бухарин уехал в Вену, где активно включился в работу, выполняя различные поручения В.И. Ленина и Заграничного бюро ЦК РСДРП. Естественно, что важнейшим направлением его деятельности была, как четко выразился Ленин, «работа на войну».

В целом деятельность его имела успешный характер, и уже в начале сентября 1913 года он писал Н.К. Крупской о том, что рядом с ним работают и другие партийцы из Москвы: «... мой приятель Лев Борисович Суница с рьяностью принялся за изучение здешнего рабочего движения и, между прочим, хочет посещать местную партийную школу. По сему случаю я говорил с австрийским социал-демократом Максом Адлером, философом, профессором Венского университета. Тот просил дать надлежащие рекомендации. Я думаю, что Суница будет специально изучать австрийское рабочее движение. Я знаю его давно, хотя он и не совсем наш, но так мы его привяжем к себе».

Но все-таки, главным направлением работы Бухарина оставалась подготовка к организации начала большой европейской войны, которая по замыслу Ленина и Зиновьева должна была перерасти в гражданскую войну в России. А в целом итогом Гражданской войны должна была бы стать победа пролетарской революции в России.

Среди молодых патриотов-террористов особенно заинтересовал Бухарина, отличавшийся особым фанатизмом Гаврило Принцип. Окончив торговое училище в Сараево, он поступил в гимназию — сначала в Тузле, потом снова переехал в Сараево. В то время Босния и Герцеговина около 30 лет, как годится, под предлогом восстановления порядка и мира, были оккупированы Австро-Венгрией, а потом

Австрия и вовсе объявила об аннексии этих провинций. Примерно с пятого класса гимназии Гаврило Принцип был воодушевлен идеей освобождения южных славян от ига Австро-Венгрии и Турции и их объединения. Перед началом Балканской войны, в 1912 году, он приехал в Белград, где попытался записаться добровольцем, но из-за плохого физического развития на войну с турками его не взяли. В начале 1914 года в Белграде Гаврило экстерном сдал гимназический курс, после чего отправился в Сараево, где вступил в молодежную националистическую организацию «Млада Босна». Единственным действенным средством против австро-венгерского угнетения гимназисты считали террор. Организация поддерживала тесные контакты с Белградом, и с конца февраля по май 1914 года именно там Гаврило Принцип готовился к теракту.

Бухарину достаточно быстро и легко удалось заполнить «надежного информатора» в австрийских спецслужбах, что потребовало определенных затрат. Поэтому, как только полковник Д. Дмитриевич получил от Николая Бухарина сообщение о намерении эрцгерцога посетить Сараево, тот сразу же принял решение готовить покушение. На примете у Аписа уже находились три молодых челове-

Гаврило Принцип (1894-1918)

ка, горевших желанием отдать жизнь за свободу Боснии и Герцеговины, – это были Неделько Кабринович, Трифко Грабеж и Гаврило Принцип. Апис представил их членам «Черной руки» и новобранцы повторили клятву тайного общества: «Солнцем, греющим меня, землей, питающей меня, Господом, кровью моих предков, своей честью и жизнью клянусь в верности делу сербской национальной идеи и готовности отдать за него жизнь». Потом каждому из троих героев вручили браунинг, бомбу и дозу цианистого калия, чтобы не попасться живым в руки полиции. После этих приготовлений Апис организовал боевикам переход через боснийскую границу.

В Боснии молодые люди поселились в доме Данилы Илича, члена «Млада Босны» – отделения «Черной руки» в Сараево. Следуя указаниям Аписа, для покушения на эрцгерцога Илич привлёк ещё четверых добровольцев.

Утром 28 июня Франц Фердинанд и его супруга Софи прибыли в Сараево. Несмотря на огромные толпы народа, австрийских солдат по пути следования высоких гостей было расставлено не так уж и много. Военные знали, что император Франц Иосиф бывал недоволен, когда эрцгерцога принимали слишком помпезно, поскольку недолюбливал Фердинанда. Дело в том, что племянник огорчил императора своей женитьбой на Софи Хотек, бывшей всего-навсего графиней. Некоторые из семи террористов по воле обстоятельств оказались нейтрализованы: рядом с одним слишком близко оказался полицейский, другой был зажат в толпе и не смог высвободиться к нужному моменту, третий не решился стрелять из опасения, что попадёт в неповинную, да к тому же ещё и беременную, Софи. Наконец, воспользовавшись моментом, Неделько Кабринович метнул бомбу, но не слишком метко. Бомба разорвалась под машиной эскорта, ранив армейского офицера.

Гаврило Принцип, стоявший дальше по пути следования эскорта, услышал взрыв и, решил, что заговор удался. Тем временем эрцгерцог добрался до ратуши, где его встре-

тил мэр города, произнесший подобающую случаю речь. Фердинанд выступил с кратким ответным словом, после чего направился в больницу, чтобы навестить офицера, пострадавшего от бомбы Кабриновича. По пути к больнице машина, в которой находился Франц Фердинанд, должна была следовать по боковой набережной Аппель. Но шофёр повернул на улицу Франца Иосифа. Ему объяснили, что он едет неправильно, и шофёр начал медленно разворачивать машину. В этот момент машину заметил Гаврило Принцип, купавший в соседнем магазине сэндвич. Он подбежал к машине и выстрелил беременной Софи в живот, а затем Францу Фердинанду в шею. Как и Чабринович, он попытался отравиться, и его вырвало. Затем он попытался застрелиться, но набежавшие люди отобрали у него пистолет. Как и Чабриновича, его избили так жестоко, что в тюрьме врачи вынуждены были ампутировать ему руку.

Фердинанд и его жена были перевезены в резиденцию губернатора, где они умерли не более чем через час после выстрелов. К суду были привлечены более двух десятков заговорщиков. Нескольких, в том числе Данилу Илича, казнили. Позднее смертный приговор также был вынесен и Апису. Трех несовершеннолетних гимназистов-добровольцев, включая Гаврило Принципа, приговорили к 20 годам каторги.

Австрийское правительство действовало решительно и старалось выжать из убийства эрцгерцога максимум возможного, как будто заранее ждало чего-то подобного. Принесенные сербской стороной извинения на тот момент вполне могли бы удовлетворить австрийцев, но Вена твердо вознамерилась покарать Сербию. После сараевских выстрелов на Европу, как сорвавшаяся снежная лавина, неумолимо накатывалась война. Германия оказалась не в состоянии образумить южного соседа. Тогда, под лозунгом спасения славянских братьев, Россия объявила мобилизацию. К августу мировая война была уже неизбежной.

Большевики, возглавляемые Лениным, были в восторге. Ленин называл Бухарина и Зиновьева истинными

Франц Фердинанд (1863-1914)

героями партии. Перспектива пролетарской революции неизмеримо приблизилась. Пророчество Фёдора Михайловича Достоевского, чей болезненно-наблюдательный интеллект породил ко всему прочему ещё и образ лакея Смердякова, становилось реальностью. Правда, российская реальность нынче обнаруживала себя уже в образе пролетарского вождя, интеллигента в третьем поколении В.И. Ульянова (Ленина).

Свою задачу новый мессия видел теперь в том, чтобы

приблизить поражение своей страны в начавшейся войне.

Как и предсказывал ранее Никола Тесла, I-я мировая война закончилась к декабрю 1918 года, унеся два десятка миллионов жизней и многие миллионы искалеченных и страдающих от отравлений ядовитыми газами. Многомиллионную добавку жертв приуготовляла и пролетарская революция, породившая Гражданскую войну в России.

Глава восьмая. ПРОФЕССОР П. П. ШУЛЬГИН И ДРУГИЕ

Наступило лето 1915 года. Работа в лаборатории продолжалась ударными темпами. Но это было ужасное лето, когда духовный климат в стране стал постепенно и неотвратно ухудшаться. Родион никак не мог освободиться от дурного предчувствия, несмотря на все свои усилия. Теперь война шла на русской территории и приближалась к ним. Всё зашаталось. Скрытая самоубийственная деятельность, которая столь многое предредила в русской жизни и истории, всё более и более выходила наружу. Всё время шла «проба сил». Постоянно бастовали печатники, рабочие табачной и швейной фабрик, рабочие крупных заводов. Родион уже начал думать о том, что катастрофа постигнет «общее дело» раньше, чем удастся сделать задуманное.

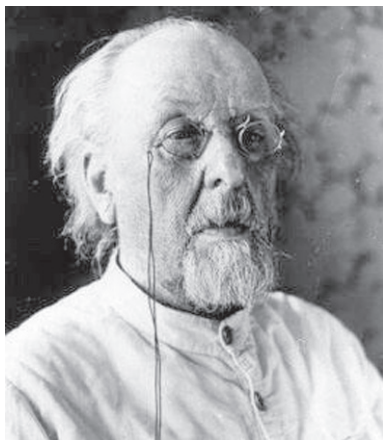
И здесь, неожиданно, Родиона нашёл Константин Циолковский и пригласил его на «вечер памяти по Николаю Фёдоровичу»:

– Будут очень интересные люди. Я пригласил философов и инженеров. Мы давно с тобой не встречались. У меня работа, идеи, гимназия... Приходи, Родион Валентинович, ты очень нужен для дела, – сказал он, смиренно складывая руки на груди.

– Как можно, Константин Эдуардович, конечно, буду! – уверил старого друга Родион.

Слово по слову давние товарищи разговорились о том значимом, что представляло для них интерес. Циолковский запальчиво утверждал:

– Время сделает человека когда-нибудь хозяином Земли. Он будет распоряжаться жизнью растений и животных, даже собственной судьбой. Он будет преобразовывать не только Землю, но и существа, не исключая самого себя. Скажу больше, человек может без церемонии относиться к низшим существам, истребляя вредное для себя и размножая полезное.

К. Э. Циолковский (1857-1935)

Сердце наше, совесть могут быть покойны. Эти существа почти не страдают.

– А почему ты знаешь, что низшие существа не страдают? – возразил Родион. – Все философы уверены как раз в обратном: и Декарт, и де Ламетри и другие.

– К этому делу надо подходить осмотрительно. Так, роды существ несознательных, но с большим мозгом, должны быть милосердно

уничтожены разлучением полов или соответствующей операцией. Их прямое уничтожение было бы жестокостью. Она будет допущена только для хищных, как волк, тигр и прочие, если не найдут возможности поступить иначе.

– Константин Эдуардович, ты я вижу размахнулся. Точно Господь Бог готов карать и миловать, отделять и сочетать, – улыбнулся Родион.

– Я уверен, что и человека надо преобразить. Сознательность требует не только особого строения мозга, но и значительного его объема. Таковой же неизбежно сопровождается большим размахом чувств, значительными смертными муками, что нежелательно. Малый мозг также невозможен, так как погружает существо в несознательное состояние, потому что дает мало ума и знаний. Требуется усовершенствование человеческого мозга без умаления сознательности. При этом может произойти и увеличение объема мозга, и уменьшение. Последнее возможно, так как большая часть теперешнего человеческого мозга занята ненужными и даже вредными людям свойствами, например страстями. Оно как будто и выгоднее, так как уменьшает смертные муки и вообще размах жизни.

– Слишком дерзко и бессмысленно твоё пожелание, – возразил Родион.

– В большинстве случаев наши замыслы не удаются, особенно трудные, но теоретически можно допустить, что есть сильная воля, которая осуществляет все разумные желания, – утверждал Циолковский. – Если не теперь, то в будущем, если не нами, то иными более совершенными существами или даже нашими потомками преобразование человека осуществится. Нет ничего выше сильной и разумной воли. Каждое существо должно жить и думать так, как будто, оно всего может добиться рано или поздно.

Означенная встреча проходила в одной из аудиторий философского факультета. Собралось не менее сотни преподавателей и студентов, желавших послушать выступления по этому поводу. Первым выступил профессор Зимоглядов, который вспомнил ряд эпизодов из своих многочисленных встреч с патриархом русского космизма. Запомнилось Родиону и яркое вдохновенное выступление юного студента Александра Чижевского, который обещал приложить все свои силы и интеллект для того, «чтобы жизнь человека под Солнцем была полнее, здоровее и продолжительнее».

Особый интерес присутствующих вызвало выступление доцента Николая Александровича Бердяева. Расценив идеи Федорова как гуманистические в принципе, саму философию его он назвал «безбожной». Жесткой критике подверг он концепцию в свете христианских представлений о жизни вообще и о жизни души в частности. Выступление Бердяева достаточно критично оценил присутствовавший на собрании известный русский оккультист П.Д. Успенский. Во все время дискуссии Родион молча переглядывался с профессором Вахрушевым, который так же сосредоточенно слушал аргументацию как одного, так и другого.

По окончании собрания Родион с Вахрушевым пригласили нескольких профессоров и доцентов в «Бегемот», где в отдельном гостевом кабинете они смогли продолжить разговор по сути. Естественно, основное внимание было уделено вопросам сущности души, душевной и духовной

жизни. Вахрушев несколько раз порывался поставить волнующий его вопрос, но Родион жестом останавливал попытки.

Суть вопроса, волновавшего Вахрушева, заключалась в том, что собака, от которой взяли клон, была злой и вела себя крайне агрессивно по отношению к чужому. Однако клонированная от неё собака, достигшая уже двухлетнего возраста, была удивительно ласковой и покладистой. Но вдруг издыхает первая и на глазах изумленных лаборантов практически сразу же ласковая собачонка превращается в злобного монстра. Ситуация вызвала много вопросов у работников лаборатории, Родион с Вахрушевым также долго дискутировали, ища различные объяснения ситуации, чувствуя, что здесь есть какая-то загадка.

Наконец, когда ученые, участники щедрого застолья, достаточно «разогрелись», Родион жестом пригласил Вахрушева задать волновавший того вопрос. Естественно, что говорить о лаборатории, о клонировании, об эксперименте и прочем было недопустимо. Поэтому, собравшись с мыслями, Дементий Иванович обратился к присутствующим:

– Господа! Представьте себе ситуацию. От собаки-родителя, весьма злого и агрессивного, родился щенок, который и по достижении двух лет оставался добродушной и ласковой собачкой. Но вот поддыхает злой родитель и доселе ласковая собачка моментально превращается в злобного пса. Существует ли какое-то логическое объяснение этому?

Доцент Бердяев взглянул на Вахрушева и спросил:

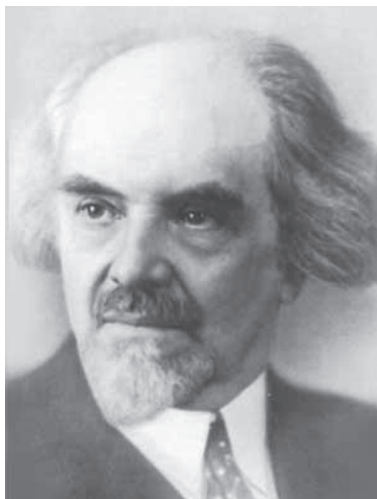
– Это единичное наблюдение, или у вас есть какая-то статистика?

– Скорее единичное наблюдение, потому что мы как биологи смотрим прежде на телесное. Но этот случай просто бросился в глаза, не заметить его было невозможно, – добавил Вахрушев.

– Я думаю, что объяснение случаю есть, – включился в обсуждение профессор П.П. Шульгин – известный в узких кругах своим пристальным интересом к оккультизму и эзотерике.

Все сразу повернули головы в сторону доселе молчавшего профессора, который продолжал:

– Животное не имеет индивидуального **обитающего в нём** духа, а имеет лишь групповой дух, который направляет его **извне**. Всякое животное имеет плотное физическое тело, жизненное тело и тело желаний, но управляющее животным начало – групповой дух, находится снаружи, вне тела животного.

Н. А. Бердяев (1874-1948)

– Непонятно говорите, коллега, – прервал его Николай Бердяев.

– Что же здесь непонятного, – удивился Петр Шульгин. – Представьте себе комнату, разделенную надвое плотным занавесом. В занавесе десять отверстий, в которые просунуты десять пальцев, которыми движет один человек. Пальцы представляют животных, относящихся к одному виду. Наблюдающий со стороны не видит человека, но видит движения пальцев точно самостоятельно движущиеся. Но они – управляемы точно групповым духом. Если поранить один палец, то будет поранен и сам человек. Но если поранить животное, то страдать будет оно одно, но в значительно большей степени, нежели групповой дух.

– Часто говорят о «животном инстинкте», о «слепом инстинкте», – снова прервал Бердяев Шульгина.

– Вот, вот, говорят... Не существует такой расплывчатой, неопределенной вещи как «слепой» инстинкт. Нет ничего слепого в том, как групповой дух руководит своими членами. Но есть Мудрость, написанная с большой буквы. Этот групповой дух собирает стаи птиц и в соответствующее время направляет их на юг. Он же возвращает

их весной, он же задает им нужную высоту полета, разную для разных птиц. Также и групповой дух учит бобра строить плотину, учитывая скорость течения и все обстоятельства, как это сделал бы квалифицированный инженер...

– А пчела?... – спросил Вахрушев.

– То же самое и с пчелой, – тотчас отреагировал на вопрос Шульгин. – Именно мудрость группового духа направляет строительство шестиугольной ячейки пчелы с такой геометрической точностью; учит улитку придавать своему домику форму такой аккуратной, красивой спирали и т.п. Мудрость, Мудрость во всём!

– Правильно ли я вас понял, – вновь переспросил Вахрушев Шульгина, – означает ли происшедшее с собакой, что **групповой дух** «принял решение» освободившуюся вследствие издыхания одной собаки энергию зла поместить в другую собаку?

Профессор Шульгин ненадолго задумался и повертев в воздухе левой рукой, неопределённо сказал:

– Боюсь, что в этой истории есть что-то ещё, чего вы не заметили... Или не договариваете...

Родион и Вахрушев, не сговариваясь, удовлетворенно кивнули головами и понимающе переглянулись. Далее разговор, естественно, переместился в плоскость обсуждения сущности человеческого естества. И вновь инициативу взял в свои руки Шульгин:

– Человек имеет несколько тел. Любой оккультист скажет вам, что этих тел четыре, хотя называть эти тела может и по-разному. Очевидно, в контексте нашего разговора наибольший интерес могут представлять тело плотное (физическое) и тело жизненное (душа). Всем злоупотреблениям, которым мы подвергаем наше плотное тело, противодействует, насколько это в его силах, жизненное тело, постоянно борющееся против смерти тела физического.

– Ну и ну, а где же высший Разум, коллега? – резко прервал Бердяев Шульгина.

– Структуру жизненного тела можно грубо сравнить с инкрустированной картиной, сделанной из сотен ма-

леньких кусочков дерева, – продолжал говорить Шульгин, не реагируя на реплику Бердяева. – Жизненное тело представляется для наблюдателя как миллионы точек. Эти точки входят в **пустые** центры плотных атомов тела, наполняя их жизненной силой, которая заставляет их вибрировать с гораздо большей частотой, чем минералы земли, не вибрирующие с такой повышенной частотой и неодушевленные.

– Можно ли дать конкретные примеры этой взаимосвязи? – спросил Шульгина Родион.

– Да, можно. В некоторых случаях жизненное тело частично покидает плотное тело, например, когда рука «затекла». Тогда «точки» причиняют особое чувство покалывания, ощущаемое, когда эфирная рука возвращается в плотную руку

– А как бы вы объяснили отсутствие покалывающего эффекта при гипнотических явлениях? – профессионально спросил коллегу профессор Вахрушев.

– И здесь нет ничего фантастического. При гипнозе отсутствие покалывающего ощущения при пробуждении объясняется тем, что во время гипноза часть жизненного тела гипнотизёра заменяла жизненное тело гипнотизируемого, – с улыбкой заметил Шульгин.

Тема гипноза заинтересовала присутствующих, начали разговаривать о новейших достижениях в учении о человеке, дискуссию вызвало учение Дарвина. Здесь присутствующие вспомнили К.А. Тимирязева – известного русского дарвиниста, профессора Московского университета, который в 1911 году покинул университет в знак протеста против действий реакционного министра просвещения Кассо. Внимание обратил на себя профессор Г.Р. Симон – ученик Тимирязева, который с хода, руководствуясь общими представлениями об эволюции, попытался объяснить эволюцию группового духа в индивидуальный человеческий. Впрочем, его весьма поверхностные и примитивные рассуждения вызвали резкий протест как со стороны Бердяева, сторонника христиан-

ской религиозно-идеалистической традиции, так и со стороны теософа-окультиста Шульгина, который заметил:

– Человек никак не мог произойти даже от самых высокоорганизованных животных. Всё, что мы делаем, говорим или чем мы являемся, отражается в нашем окружении. Вот почему кажется, что высшие домашние животные «думают». Они являются высшими в своем виде, поскольку мыслительные вибрации человека «индуктировали» в них сходную деятельность низшего порядка. За исключением этого, животное царство не приобрело способности мыслить. Животные – **не индивидуализированы**. В этом и состоит громадное и кардинальное различие между человеческим и другими царствами.

В ходе оживлённой дискуссии все присутствующие согласились с тем, что человек – индивидуален. Именно поэтому для изучения повадок льва или любого другого вида низших животных, достаточно взять один экземпляр из этого вида. Узнав повадки одного животного, мы узнаем повадки вида, к которому он принадлежит. Лев, или его отец, или его сын, все будут действовать одинаково в сходных обстоятельствах. Но если мы хотим узнать характер Ивана Грозного, нам мало что даст изучение характера его отца или его деда...

– Ну, а если мы немного пофантазируем, если вдруг нам каким-то образом удалось вернуть к жизни человека, жившего, скажем, две тысячи лет тому... Что мы тогда увидим? – лукаво улыбаясь, обратился к профессору Симону Родион.

– Да ничего не увидим, потому что это невозможно! – резко возразил тот.

– Можно допустить и такое, – поддержал Родиона Шульгин. – Только дело в том, что люди умирают в принципе потому, что они оказываются неспособными и дальше «сохранять свои позиции». В развивающейся Жизни только тот, кто способен эволюционировать вместе с ней, добивается успеха. Прогресс или Регресс – это неотвратимый закон развития, это то, что Гераклит называл Лого-

сом. Более того, в пику дарвинистам я скажу, что не человек произошел от антропоида, а, напротив, антропоид деградировал из человека...

Расставшись с гостями, Родион и Вахрушев, находившиеся под впечатлением высказанных учеными идей, отправились в лабораторию. Необходимо было ещё раз осмыслить и переосмыслить происходящее. Прежде всего весьма продуктивными им показались идеи П.П. Шульгина. В какой-то мере они давали ответ на то, что может происходить с клонированными животными. В этом направлении можно было производить дальнейшие эксперименты. И ближайшие месяцы показали, что со смертью материнского животного клонированное приобретало его качества.

В этой связи возникло много принципиальных, как заметил сам Вахрушев, мировоззренческих вопросов. А Родиона не оставляла какое-то назойливое воспоминание, какой-то образ. Хотя и с трудом, но память услужливо подсказала нужное. Вспомнилось, что в папке, подаренной Фёдоровым, он что-то важное уже видел, но не обратил на это внимания. Родион начал лихорадочно перебирать в папке листы и наконец нашёл искомое: «... нательная карта продолжает жить и после смерти человека... в надлежащее время, во время, определяемое свыше, и тело, и душа нового существа человеческого входят в уже существующую карту подобно как рука входит в уже предназначенную для неё рукавицу».

Своим открытием Родион поделился с Вахрушевым. Они начали внимательно перечитывать рукопись Григория Саввича Сковороды и комментарии Николая Фёдоровича Фёдорова.

– Вы знаете, Родион Валентинович, здесь определённо что-то есть, – задумался профессор. – Определённо, что-то есть... Оккультизм есть точно...

– Оккультизм, говорите? – отреагировал на реплику Родион. – Не знаю, оккультизм ли это, но то, что вереница тел, побывавших в этой «перчатке», не сводится лишь к одному телу, это уж точно!

– Тогда, что же получается, согласно такой логике? Получается, что подлинное воскрешение уготовано может быть лишь одному телу, а остальные? – спрашивал сам себя Вахрушев.

– А остальные, – это просто телесные оболочки, наделённые простейшими инстинктами и двигательными рефлексами, – то ли утвердительно, то ли с сомнением, умозаключил Родион.

– А вы знаете, здесь определённо что-то есть, – уже значительно увереннее заявил профессор. – Говорите, «пустые оболочки»? Возможно... Но ведь это же весьма занятно!? И это может иметь оч-ч-чень большое значение в перспективе.

Родион услышал в словах профессора странные нотки, которых он не замечал в нём ранее и задумался.

Эти «пустые оболочки» на протяжении всего позднего вечера стояли перед его мысленным взором как немой укор, как спровоцированная им идея. И тут его осенило! Он увидел в реальности шеренгу пустых оболочек, ведомую одним одушевлённым телом. И понял суть догадки Вахрушева.

Наряду с философскими прозрениями в лаборатории имели место и практические достижения. Химикам, наконец, удалось добиться производства пудры абсолютно идентичной той, которая была подарена Яном Кефером. В новых экспериментах варьированием доз пудры и переливанием крови от других животных стало возможным изменять внешний вид подопытного животного. Более того, инъекция физиологического раствора, включавшего в себя пудру и особым образом приготовленные незначительные фрагменты останков ранее живших животных, позволяла также изменять внешний облик подопытного животного до неузнаваемости.

Эксперименты Вахрушева дали еще один важный результат. Медико-биологическая наука уже тогда располагала знаниями о некоторых аспектах инокуляции (прививки, внедрения) крови одной особи в вены другой особи иного вида. Известно было, что более низкоразвитая особь

вследствие вливания ей крови погибает. Так, например, животное, инокулированное кровью человека, погибает. Многократно проведенные Вахрушевым и его лаборантами опыты показали, что кровь собаки, введенная в вены птицы, убивает птицу, но собаке не повредит, если в её вены ввести кровь птицы.

– Так что же происходит? – спросил Родион. – Выходит, что Шульгин рассуждает верно?

– Да, после его сегодняшних разъяснений я могу сказать, что всё дело в силе группового духа. Очевидно, когда кровь более высокоразвитого животного инокулируется в вены особи низкоразвитого вида, дух в крови более высокоразвитого, конечно, сильнее, чем дух низкоразвитого; поэтому, когда он пытается утвердиться, он убивает, заключаящую его форму и, тем самым, освобождается.

– Понятно, – прервал Родион профессора, – а когда кровь менее развитой особи инокулируется в вены высокоразвитой, более высокий дух в состоянии изгнать менее развитый дух чужой крови и ассимилировать эту кровь для своих целей, причем никакой видимой катастрофы не происходит. Думаю, что эти выводы будут способствовать экспериментам с клонированием и селекцией различных животных. Не правда ли, Дементий Иванович?

– Правда, Родион Валентинович! Мы будем комбинировать кровь с пудрой и ископаемыми останками.

Но самым впечатляющим для Родиона явилось признание-покаяние профессора Вахрушева. Оказалось, что уже четыре года он тайно проводил клонирование человеческих индивидов. Первый клон был взят от семидесятилетнего мужчины, имевшего внушительную аристократическую родословную. Всего к моменту признания Вахрушев наблюдал за пятью клонированными детьми, которые находились в сиротском доме. Бескорыстным помощником ему стал один из его учеников – выпускник Московского университета, врач, еще на студенческой скамье серьезно интересовавшийся биологией.

Глава девятая. А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ И ДРУГИЕ

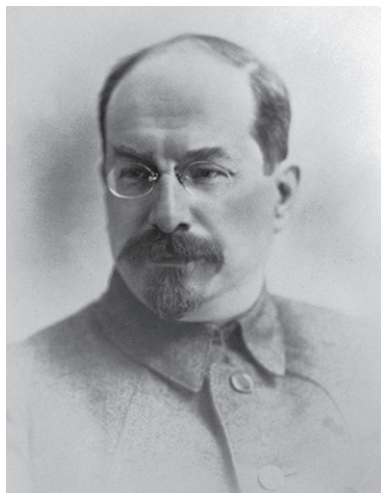
Наступил февраль семнадцатого года, ставший временем великим и потрясающим для всего русского народа. Дала множество трещин сама имперская государственность, и сквозь образовавшуюся брешь миллионы человеческих душ увидели пробудившимся духовным зрением голубое сияние соборной души российской метакультуры. Вдруг миллионы людей увидели перспективу осуществления миссии русского народа – путь ко всечеловеческому братству.

Да, то была вера в свершение вековой мечты – в наступление всеобщего счастья. То было дивное время, незабвенные дни на рубеже февраля и марта 1917 года, когда священный хмель бескровной революции залил Петербург и Москву, катясь от сердца к сердцу, от дома к дому по всем губерниям.

Но возможностями этого временем сумели воспользоваться иначе. Февральская революция 1917 года в Москве сопровождалась насилием, погромами и пожарами. Пока непосредственной опасности своему делу Родион Валентинович не видел. В подземной лаборатории, лабораториях Московского университета и детском приюте продолжались эксперименты.

Однако уже в начале марта на совещании с участием ведущих ученых и инженеров было принято решение максимально ограничить круг участников экспериментов, а наиболее ценные документы и образцы сосредоточить в тайном помещении в подземной лаборатории. За последние годы была проведена большая инженерно-техническая работа по оборудованию подземной лаборатории. Все помещения, находившиеся на глубине более десяти метров были тщательно отреставрированы, обеспечены системой водоснабжения, а также имели современные источники тепло- и электроснабжения, которые могли бы обеспечить их автономное функционирование в течении года как минимум. Все помещения верхнего яруса были приведены

в нерабочее состояние и по возможности разрушены. Таким образом, даже строительство новых зданий не могло бы помешать работе лаборатории, по-прежнему имевшей два законспирированных выхода. Инженеры предусмотрели, в случае необходимости, возможность строительства еще двух новых выходов и уничтожение существующих. Лаборатория была готова к самому непредвиденному развитию событий.

А. В. Луначарский (1875-1933)

В первых числах мая к Родиону в контору неожиданно заявились Максим Горький с незнакомым высоким худощавым мужчиной в пенсне и с узкой интеллигентской бородкой. Горький по дружески обнялся с Родионом Валентиновичем и представил гостя:

– Анатолий Васильевич Луначарский, мой старинный друг и товарищ, литератор, критик, философ и прочая, и прочая.

– Весьма рад, – учтиво пожал протянутую ему руку Луначарский.

Родион пригласил гостей к столу и извинившись за не очень обильное угощение, выставил бутылку водки, холодную осетрину, колбасу и хлеб. Гости выпили по рюмке за начало революционных преобразований и дружно принялись за закуску. Спустя немного времени Луначарский, несколько раз порывавшийся говорить, начал рассказ о своих скитаниях за границей:

– Я сразу же, как только получил известие о Февральской революции, оставил семью в Швейцарии, и начал предпринимать меры, чтобы приехать в Россию. И вот теперь еду в Петроград. Спасибо, Алексей Максимович

встретил меня в Москве и любезно взялся доставить в Петроград. Ужасно хочется помочь большевикам в деле передачи власти «трудовым классам народа».

Горький спокойно и даже несколько снисходительно слушал разглагольствования Луначарского. Родион же слушал, пытаясь понять, что из себя представляет новый знакомый, хотя имя этого литератора он уже слышал и раньше, но мнения о нём у разных собеседников сильно отличались.

– Какой видится вам перспектива развития революции? – спросил он Луначарского.

– Я думаю, что в первую очередь надо ликвидировать Государственную Думу и Государственный совет и передать власть Советам рабочих и солдатских депутатов, а также через пролетарские газеты и журналы вести активную культурно-просветительскую деятельность среди пролетариата.

Горький скептически заметил:

– Фантазируете, уважаемый...

– Никоим образом, – обиделся Луначарский. – Задача пролетарской революции – создать **нового человека!** Более того, мы создадим и **новую реальность!**

– Интересно, как это вам удастся? – снова с нескрываемой издёвкой спросил его Горький.

– Мы жаждем такого будущего, в котором справедливость станет само собою разумеющимся базисом красоты, стремимся к идеалу личности прекрасной и гармонической в своих желаниях, общества творческих людей, в котором борьба между людьми принимает характер соревнования...

– Анатолий Васильевич, опять фраза и ничего больше, – заметил Горький.

– Неправда. Мы не отрываемся от действительности, мы её принимаем, но не статически, а прежде всего мы принимаем её как задание, как развитие!

– Минуточку... Давайте всё-таки уточним, принимаете ли вы действительность как то, что есть, или же всё-таки

действительность для вас – задание? – не удержался от вопроса Родион.

Но здесь в разговор вмешался Горький:

– Родион Валентинович, вы вспомните, что говорил Фёдоров Николай Фёдорович. Он сетовал, что прогресс в искусстве не довольствуется лишь признанием зла, он жаждет удвоения его, выпячивания, «упивается им в реалистическом искусстве». Естественно, что новый реализм должен будет зло скрыть, воспевая идеальное добро будущего. Социалистический реализм принимает и другую идею мыслителя, что с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, **что есть**, к знанию того, **что должно быть**. И на эти слова мы обращаем особое внимание.

В это время разговор был прерван еще одним гостем. В комнату вошел Николай Александрович Бердяев. Родион представил его собеседникам. Оказалось, что все они уже давно знакомы друг с другом. Бердяев неоднократно, читая их работы, жёстко оппонировал идеям, пропагандируемым Горьким и Луначарским. Бердяева пригласили за стол и дискуссия продолжилась.

– Вот я и говорю, – продолжил свою мысль Луначарский, – что люди, не умеющие жить в будущем, в творчестве, в стремлении будут уходить с той площади, где медленно воздвигают величественный храм жизни, где поколение трудится вслед за поколением, но где пока видна лишь груда камней, ямы с цементом, стропила, листы железа, очерк фундамента на земле... где всё обещает, но мало что радует уже взор. Останутся лишь те, кто верит в будущее...

– С природой будете бороться? – спросил Бердяев.

– Да, и с природой будем бороться! Социализм для нас – это организованная борьба человечества с природой для полного её подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил. Но покоряя природу, которая окружает человека, в глубине души мы видим уже и преобразованную, покорённую природу человека про-

шлого. Властвовать над природой, значит быть выше её законов, а посему, – выше людей и законов, регламентирующих жизнь общества. Изменить человечество, значит превратить его из конгломерата разумов в монолит воли и интуиции, спаяв в единомыслии, – на одном дыхании выпалил Луначарский.

Горький одобрительно закивал головой. Здесь Бердяев взорвался:

– Позвольте, господа! Так это же утверждение субъективно-волюнтаристского подхода к реальности! Такие как вы первопроходцы нового мироустройства ведь дойдут до того, что самым жестоким образом будут загонять миллионы «несовершенных» человек в концлагеря, кнутом и пряником будут понуждать писателей и литераторов создавать образ «нового» человека.

– Да, я убеждён, нынешний человек должен жить ради будущего! – продолжал настаивать Луначарский.

– Но по своей сути, жизнь ради будущего, – это идея религиозная, – не соглашался Бердяев. – Только верующий человек может со смирением принимать все невзгоды, страдания и неупорядоченность жизни нынешней, земной, ожидая всевозможной и всеблаготворительной компенсации в мире ином. Как же вы, атеисты, можете сегодня выступать в духе религиозном, и сам социализм рассматривать как объект веры? Впрочем, правы были и Гоголь и Достоевский... Печальным виделось им наше будущее с такими богоискателями...

– Я стою на позициях позитивной эстетики... Своим умственным взором я вижу будущий дворец для трудящихся; он ещё не достроен, и вы нарисуете его в этом виде и скажете «Вот ваш социализм, – а крыши-то и нет». Вы будете, конечно, реалистом – вы скажете правду: но сразу бросается в глаза, что эта правда в самом деле неправда...

– И опять – это фантазия, – не удержался Бердяев, – ведь может статься, что вы ещё только роете котлован под этот дворец. Где же ваша правда жизни, где реализм материалиста-атеиста?!

При этих словах Бердяева Горький задумчиво начал смотреть в окно, а Луначарский, заёрзав на стуле, взорвался:

– Вы не понимаете! Правда – она не похожа на себя самое, она не сидит на месте, правда летит... и нужно её видеть именно так, а кто не видит её так – тот реалист буржуазный, а посему – пессимист, нытик и зачастую мошенник и фальсификатор и во всяком случае вольный или невольный контрреволюционер и вредитель... С точки зрения социалистического реализма, это не правда – это ирреальность, ложь, подмена жизни мертвечиной.

Николай Александрович вздохнул и сочувствующе посмотрел на Родиона Валентиновича, ожидая его оценки происходящего. Тот не стал отмалчиваться:

– Тема сложная, философская. Но, что я слышу из уст известного литератора и публициста Луначарского? Я слышу потрясающую эквилибристику мысли, антидиалектику и софистику. Из заявления Анатолия Васильевича мне лично понятно, что жизни, исполненной смятения, переживаний, страданий душевных и телесных не место на страницах произведений нового реализма. Понятно и то, что неудобная правда для этой идеологии равноценна лжи. И уже совсем понятно, что чем масштабнее вымысел, а то и ложь, чем они фантастичнее, отвечая при этом интересам новоявленных апологетов, тем более они отвечают делу строительства социализма. Не правда ли?

– Вы не учитываете того, что в новых исторических условиях проявятся **инстинкты** и **дух** массы, влекомой историей к жизни по истине новой, – поддержал Луначарского Горький, пристально заглядывая в глаза то Родиону, то Бердяеву.

Бердяев, упершись взглядом в глаза Горького, с горечью произнёс:

– Алексей Максимович, не пристало пролетарскому писателю, гуманисту апеллировать к мистико-интуитивным аргументам. Побойтесь Бога, подумайте о том, не провоцируете ли вы с Луначарским своим «новым реализмом» многомиллионные жертвы...

– Нет, новый социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле!

– Но ведь «ради великого счастья жить на земле» вот в этих котлованах иллюзорно-фантастических дворцов для трудящихся, ваши выученики истребят многие и многие миллионы ни в чем не повинных людей. Жаль... история не один раз демонстрировала, что благими намерениями... – продолжал настаивать Бердяев.

– Да, возможно, будут жертвы! Но ведь дело-то какое великое задумано! – воскликнул Луначарский.

Здесь неожиданно Горький встал из-за стола и патетически произнёс:

– Эти жертвы мы вернём к жизни потом, после полной победы нашего дела. Да, будут мешать нам, но не по злу, а по непониманию. Вот этих непонимающих **сейчас** мы вернём из праха **потом** и покажем им, чему они мешали! Наша наука позволит сделать это!

Глаза Луначарского заблестели в восторге, а Бердяев в недоумении произнёс:

– М-м-мда... Вспоминается мне дух русской пророческой литературы. Вот, Константин Леонтьев, он еще в 1880 годы предсказывал, что коммунистическая революция в России будет тиранической и кровавой, что уничтожат либерально-радикальную интеллигенцию. И я сейчас вижу, как это будет делаться практически. И Владимир Соловьев предчувствовал исторические катастрофы, видел, что Россия поставлена перед бездной.

– Но были же и оптимисты! – возразил Луначарский.

– Ну, судя по тому, что вы верите во всеобщее воскрешение убиенных, точно вы считаете оптимистом Н.Ф. Фёдорова, – заметил Бердяев. – Да, Фёдоров искал Царства Божьего и имел свой план спасения. Предчувствуя апокалипсис коммунистического преобразования мира, он не

видел в нем ничего фатального. Если люди объединятся ради «общего дела» воскрешения, то не будет царства антихриста, конца мира и страшного суда и люди перейдут непосредственно в жизнь вечную. Всё зависит от активности людей, на которую, кстати, уповаете и вы с Алексеем Максимовичем.

Здесь Горький несказанно вдохновился:

— Да, бытие как деяние, как творчество, к тому же и неслыханная активность человека должны победить природу, организовать космическую жизнь, победить смерть и воскресить мертвых!

— И мы, большевики, это сделаем! — добавил Луначарский.

Бердяев не стал ему возражать, но обратил внимание «господ большевиков» на их слишком некритическую привязанность к учению Маркса, который основные идеи своего учения формулировал в середине прошлого века:

— Посмотрите внимательно на внутреннюю противоречивость этого учения, на разрыв между его идеалами и его методами. Экономическая сторона учения Маркса глубоко обоснована теоретически и оправдана морально. Но как только появится возможность к его практическому воплощению, сразу возникнут проблемы. Конечно, их попытаются разрешить, но поскольку идеалы утратят свою духовность, будет господствовать грубый материализм.

— Почему сразу материализм? — запротестовал Луначарский.

— Да потому, что для вас, большевиков, единственный путь к претворению идеалов учения лежит через вооружённую борьбу классов, через насильственный захват власти и диктатуру одного класса, чего ваши вожди и не скрывают.

— Мы будем отстаивать интересы пролетарского государства!

Бердяев горько усмехнулся в усы:

— Кончится это плачевно. Ваше государство окончательно удушит всякую социальную свободу, а тем самым

и самостоятельность. Общество вынудят жить для государства, человека – для государственной машины. И поскольку это всего лишь машина, исправность и состояние которой зависят от живой силы окружения, в конце концов государство, высосав из общества все соки, выдохнется, зачахнет и умрёт самой мёртвой из смертей – ржавой смертью механизма.

Взглянув на часы, Бердяев заторопился и попрощавшись с собеседниками кивком головы удалился. Вскоре ушли и Луначарский с Горьким.

Пролетарская революция, отчасти под водительством партии большевиков, отчасти под влиянием других партий, а в значительной мере под влиянием народной стихии бунта, набирала обороты. И даже в этой круговерти трагических событий лаборатория Родиона Валентиновича продолжала функционировать. Тесные контакты с ним продолжал поддерживать Григорий Зиновьев, систематически передавая необходимые суммы денег и обеспечивая защиту от чрезмерно ретивых чекистов. Некоторые из них, опасно приблизившиеся к тайне лаборатории, были уже беспощадно отстранены от жизни.

В середине января 1920 года скрытно, в секретной обстановке состоялась встреча Родиона с Лениным и Зиновьевым. Владимир Ильич живо интересовался достижениями лаборатории, с восторгом принял сообщения о трансмутации, о клонировании. Просил Зиновьева лично поддерживать средствами сиротский приют, в котором взрослели клонированные дети.

– А теперь, Родион Валентинович, вопрос практический, – обратился к нему Ленин. – Вы – человек держащийся в отдалении от политики, но человек опытный, знаете, чем заканчиваются революции?

– Догадываюсь, Владимир Ильич. Философы говорят, что революция пожирает собственных детей. Политики говорят, что революция начинается умеренными, совершается непримиримыми, завершается реставрацией, так что ли?

– Отчасти так, – нахмурился вождь. – Думаю, что перспективы и нашей революции в общих чертах будут в русле исторической традиции. Так вот, продолжается жесточайшая Гражданская война. Жертв и так уже немеряно... А сколько их ещё будет...

Здесь Ленин на какое-то время замолчал, отпил чаю и продолжил:

– Буду откровенен с вами, Родион Валентинович, ибо мы давние знакомые. Я почему-то верю в успешность вашего «общего дела». Поэтому и говорю, что есть люди, которые достойны того, чтобы жить даже в условиях послереволюционного террора своих по отношению к своим же... Вот если бы им ещё изменить и облик?

– Да, есть разные, – меланхолично и невпопад включился в беседу Зиновьев.

– Как вы думаете, Родион Валентинович, чем может практически помочь ваша лаборатория в этом деле?

– Есть два пути, Владимир Ильич. Всё дело в душе...

– Родион Валентинович, я – атеист, боженька для меня не более чем сладкая иллюзия, а чужая душа – потемки... Так что, не надо о душе.

– Нет, Владимир Ильич, надо. Дело в том, что наши эксперименты с изменением внешнего вида человека, которое прежде всего касается его лица, показывают, что изменяется и психика человека, и его реакции на внешний мир, то есть он воспринимается людьми, ранее знавшими его, как совершенно другой человек. И это надо сугубо учитывать. Идя по этому пути, мы практически сохраняем уже другого человека.

– А как с бессмертием?

– Сегодня мы убеждены, что бессмертия нет в том смысле, как об этом мечтают фантасты. Но бессмертие есть в относительном аспекте. Возможно, пользуясь наличными у нас средствами, значительно продлить жизнь человека, ну, например, до нескольких сотен лет, – произнес Родион, глядя в глаза Ленина.

– И всё?

– Нет, насколько мы знаем сейчас, потом можно клонировать этого человека, многократно добавляя эти сотни лет.

– И он будет всё время оставаться тем же человеком? – с надеждой спросил Ленин.

– Отчасти...

– Как это понимать? – спросил Ленин, вплотную придвинувшись к Родиону.

– Всё дело в крови и в продолжительности жизни материнской особи.

– Кровь, кровь, – задумчиво произнёс Ленин. – Подождите, Григорий Евсеевич, а Богданов... Что делает Александр Богданов?

– Он создаёт Институт крови, – подсказал Зиновьев.

– Это вам поможет в ваших экспериментах, Родион Валентинович?

– Если этот Институт будет наряду со своими отрабатывать и нашу программу, естественно, не зная о нашей цели, то, надеюсь, поможет. А там, пусть занимаются и своими планами...

– Вот и отлично! – обрадовано воскликнул Владимир Ильич. – А что вы имели в виду, говоря о продолжительности жизни материнской особи?

– Эксперименты показывают, что после смерти материнской особи клонированная особь получает все материнские душевные качества.

– А что происходит до того? – взволнованно произнёс Ленин. – Душевные качества, то бишь психика, – другая?

– Да, другая, и более того, складывается ощущение психически ущербного человека, простой физической телесной оболочки. Сегодня под нашим наблюдением несколько клонированных детей разного возраста от двух до девяти лет. У двоих старших материнские особи умерли и после этого мы видим у них нормальное психическое развитие. Остальные...

– Понятно, понятно... А вам, Григорий Евсеевич, всё понятно? Пустые оболочки, душевные качества, психика...

– Да, Владимир Ильич! Основное я понял. Вижу обнадеживающую перспективу. Можно подключить и наших «интернационалистов». Понятно, что надо создавать базу за границей, где-нибудь в тихой Швейцарии, а?

– Это вы правильно, насчёт помощи «интернационалистов»! Умница Григорий Евсеевич, не правда ли, Родион Валентинович?

– Правда, Владимир Ильич! Умный человек, всё схватывает на лету, – с улыбкой поддержал Родион вождя.

Серьезный разговор на какое-то время прервался. Молча пили чай, перебрасывались незначительными фразами о московской жизни, о событиях на фронтах. Наконец, Ленин, обращаясь к Зиновьеву, заметил:

– Григорий Евсеевич, займись созданием Русского дома где-нибудь в пригороде Лозанны и непременно чтобы в живописном. Думаю, – это лучший вариант. Продумайте с Родионом Валентиновичем, как его лучше устроить, финансы, персонал, библиотека, окружение, конспирация и прочее и прочее. Что же касается наших московских проблем, какие трудности видите вы, Родион Валентинович?

– Есть опасность, поскольку некоторые московские чекисты проявляют ненужное рвение...

– В чём дело, Григорий!?

– Владимир Ильич, необходимые меры я предпринимал и предпринимаю.

– Значит, мало! Поручи провести тщательное и быстрое расследование, кто мог что-то знать. Наиболее опасных убрать немедленно, остальных отправить на фронт, в эпицентр боевых действий, и проследи, чтобы геройской смертью... Что же касается детского приюта, обеспечить работу без помех. Дети всё-таки...

– Сделаю, Владимир Ильич! Детей мы любим.

– Как насчет материальных средств, Родион Валентинович?

– Спасибо, Владимир Ильич, пока средств достаточно.

– Так что же будем делать с людьми **нашими**? – заметил Ленин, особенно напирая на последнем слове и заглядывая в глаза Родиона.

– Думаю, что пока надо создавать архив материалов для клонирования.

– Вот и отлично. Создавайте архив, а мы с Григорием Евсеевичем подумаем над тем, кого необходимо клонировать уже сейчас. Думаю, что ради жизни, пусть и «условно вечной», истинные большевики готовы претерпеть и грядущие репрессии от нового режима.

– А как вы лично, Владимир Ильич? – чуть замялся Родион.

– Ах, вы об этом... Запомните, Ленин был, есть и останется навеки один!

– Запомнил. Тогда следующий вопрос, как скоро могут начаться упомянутые репрессии, Владимир Ильич? – спросил Родион.

– Сейчас они идут перманентно, тихо, незаметно. Но лет через семь-восемь станут заметными, – флегматично заметил вождь, на прощание пожимая его руку.

– Так я проведу гостя, – обратился к Ленину Зиновьев.

– Конечно, но помните о конспирации.

Вышли на улицу и Зиновьев осторожно, скорее даже робко, спросил Родиона:

– Последнее время Ильич иногда ведёт себя не совсем адекватно. Может быть, устал, а может быть... Вы мудрый человек, так, может быть...

Родион внимательно посмотрел в лицо Зиновьеву, который, смутившись, не закончил вопроса. Желая понять, насколько искренно тот интересуется судьбой вождя, Родион уточнил:

– Вы хотите спросить, есть ли какая-то возможность предвидеть, сколько ещё осталось Владимиру Ильичу? Может, что-то можно и нужно сделать? Так?

В ответ Зиновьев молча кивнул головой.

Почувствовав его нетерпеливое желание, Родион развернул ладонь и медленно растопырил пальцы.

– Пять лет! – выдохнул Зиновьев. – Мало, очень мало. Но ведь это только ваше личное мнение?

После этого вопроса Родион, подумав недолго, медленно прижал к ладони большой палец.

– Так, понятно, всё-таки всего лишь четыре... Но будет здоров? – с надеждой переспросил Зиновьев.

Родион отрицательно покачал головой:

– Увы, необратимые склеротические изменения уже начались... А мнение это не только моё. Двадцать лет назад мы могли бы попытаться откорректировать...

– Так почему же не попытались, не откорректировали? – вскинул голову Зиновьев.

– Потому что он и слушать не хотел. Потому что у него железная, упорная, негибкая, всё преодолевающая воля, с которой можно горы рушить, как сказал мой чешский друг много лет тому...

– Чудные слова сказал ваш чешский товарищ о Ленине, надо бы запомнить, записать, может и впрямь пригодиться, – вздохнул Зиновьев. – Тяжеловато нам будет без Ильича, но, авось, справимся. А, может быть, мы его как-нибудь, незаметно...

– Григорий Евсеевич, что вы говорите; Ленин ясно выразил свою волю.

Так закончилась последняя встреча Родиона с Лениным.

И несколько слов в конце...

Поздней осенью 1922 года при участии Института крови в законспирированной лаборатории при одной из пригородных московских клиник, специалистам под руководством доцента Павла Р. удалось добиться давно ожидаемого успеха. Несколько лет они целенаправленно исследовали особенности ранних стадий развития животного эмбриона. Уже двумя годами ранее обнаружилось, что оплодотворённая яйцеклетка до имплантации в стенку матки, а также эмбрион после нескольких первых делений яйцеклетки могут достаточно долго вырастать вне организма. Самым важным открытием стало то, что они могли превращаться в клетки любых органов взрослого организма. Таким образом, подтвердились предположения, высказанные пятнадцать лет назад профессором Вахрушевым.

Давно ожидаемый успех заключался в том, что проведенные эксперименты уже с человеческим эмбрионом подтвердили то, что было открыто при изучении эмбрионов животных: эмбриональные клетки оказались полифункциональными. Отсюда открывалась перспектива получения неограниченного источника специализированных клеток для различных тканей и органов человеческого тела.

Члены исследовательской группы Лаборатории, кто практически инициировал, отслеживал и управлял процессом научной работы, были вдохновлены достигнутыми успехами. Стало возможным говорить о перспективе регенерации больных, а то и удалённых в силу различных причин живых тканей и органов.

Профессор Вахрушев поставил перед доцентом Р. новую задачу: исследовать механизмы редуцирования клеток живого организма в сперматозоиды и яйцеклетки.

– Боюсь, Дементий Иванович, что это ненужная задача, – заметил Родион, когда они остались наедине.

– Родион Валентинович, мы должны идти до конца! – горячо уверил его профессор. – Тем более, что всё пока получается! Поверьте мне, – это возможно!

Удобно расположившись в кресле, Родион Валентинович задумчиво смотрел в окно, наблюдая последние листья, медленно опадавшие с лип и клёнов, растущих возле его конторы. Наконец, он заметил:

– В то, что это возможно, я верю. Но меня не покидает навязчивая мысль; я думаю о другом, а нужно ли это?

– Сомнения всегда возникают при решении сложных научных проблем, – философски заметил Вахрушев, – но время ставит всё на свои места.

Последующий год работы принёс новые положительные результаты. Задача, поставленная Вахрушевым, успешно решалась: в подмосковной клинике из опытного материала, из фрагментов тела живого человека были получены функционально здоровые и жизнеспособные сперматозоиды. Работа, проводившаяся параллельно в подземной Лаборатории, дала ещё более впечатляющие результаты. Здесь из фрагментов тканей и даже из костей, взятых из давних захоронений, были получены первые человеческие сперматозоиды, вполне жизнеспособные и пригодные для репродукции. Совместно предпринимаемыми усилиями дело пошло быстрее, и вторая часть задачи, – воспроизводство жизнеспособной человеческой яйцеклетки, была блестяще решена уже через полгода.

Об этом впечатляющем успехе профессор Вахрушев поспешил сообщить Родиону.

– Это большой успех, – заметил Родион, – но откуда вы можете знать, что получится из всего это-

го? Ведь для получения более или менее вразумительного результата, каковым явится родившийся и выросший до какого-то возраста человек, требуется ждать лет двадцать, а то и более.

– Вы не вполне понимаете, что достигнуто. Успех явный, успех налицо. Базовая конструкция человеческой индивидуальности заложена в момент рождения человека, она подгоняется к моменту рождения. И мы сейчас заняты тем, чтобы научиться «прочитать» то, что несёт в себе зародыш. Задача чертовски сложная!

Оба задумались, размышляя над сущностью достигнутого результата. Согласились, что на каком-то сравнительно отдалённом этапе развития науки конструкцию человеческой индивидуальности возможно будет прочитать средствами биологии, хотя раньше, по-видимому, единственным средством была астрология, которая осуществляла это постфактум.

– Вы понимаете, Дементий Иванович, если попытаться подробно и максимально точно описать индивидуальность средствами астрологии, то придётся оперировать многими и многими тысячами параметров:

расположение планет в знаках и домах с точностью до минуты, а может быть и до секунды, что позволяет учитывать их качественные характеристики;

все аспекты между планетами, учитывая сходящиеся и расходящиеся;

расположение вершин домов относительно знаков Зодиака;

связи, существующие между планетами, светилами и неподвижными звёздами и т.д. и т.д.

– Ну, Родион Валентинович, тут пахивает уже сотнями тысяч исходных составляющих элементов и массой формул, в которые их следует вписать!

– Конечно, если бы поручить всё это просчитать математику, то формула может получиться огромной, неподъёмной для человека. Впрочем, опытный астролог пишет не так много, поскольку ему помогает опыт предшественников и собственная интуиция.

– Пройдёт какое-то время, думаю, что не очень большое, и биологи научатся всё-таки сводить образ индивидуального человеческого естества к ясной и недвусмысленной формуле, – мечтательно заметил Вахрушев. – Во всяком случае, и я, и мой молодой коллега – доцент Р., который есть фактически главным реализатором наших идей, уверены в таком развитии событий. И даже необходимость учитывать сотни тысяч параметров нас не может остановить. Всё разрешится!

– Ещё, какие видятся вам перспективы? – насторожился Родион.

– Перспективу, Родион Валентинович, мы видим в том, чтобы научиться регулировать, а точнее, исправлять исходную формулу.

– Власть над человеком отдать биологу или врачу... Ну, это уж слишком. Многим это не понравится. Хотя...

Родион рассеянно оглянулся по сторонам, протянул на прощание руку и они расстались.

При очередной встрече с Константином Эдуардовичем Циолковским, проходившей 23 декабря 1923 года, о состоявшемся открытии под большим секретом сообщил ему Родион. Вечерние сумерки давно опустились на Москву, и на востоке всходила яркая жёлтая полная Луна. Циолковский был в неопишемом восторге, технократический оптимизм его достиг крайней степени:

– Ты представляешь, Родион Валентинович, – а жизнь наша не прошла даром! И я кое-чего добился благодаря Николаю Фёдоровичу и тебе! Я уверен,

что техника будущего даст человеку возможность одолеть земную тяжесть и путешествовать по всей Солнечной системе. Уже в ближайшие годы земляне посетят и изучат все её планеты. Наши люди, да, наши люди несовершенные миры ликвидируют и заменят собственным населением. Мы окружим Солнце искусственными жилищами, заимствуя материал от астероидов, планет и их спутников. Всё это даст возможность существовать населению в 2 миллиарда раз более многочисленному, чем население Земли. Отчасти она будет отдавать небесным колониям свой избыток людей, отчасти переселенные кадры сами будут размножаться. Но самое главное, размножение будет проходить страшно быстро, так как огромное количество производимых вами в лабораториях яичек (яйцеклеток) и сперматозоидов будет пущено в дело.

Несколько помолчав, он уверенно продолжал свою речь:

– Заселив Солнечную систему, человек пойдёт дальше в просторы Млечного Пути. Ведь Земля, как очаг жизни, крайне редкое явление во Вселенной. Потому мучительная жизнь Земли редкость, что она получилась самозарождением, а не заселением. Но в космосе господствует заселение, как процесс более выгодный, и значительность роли Земли в том, что она пополнит убыль регрессирующих пород космоса.

Итак, разум и могущество высших существ, зародившихся на высших планетах, ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством. Подобно этому огородник выпалывает на своем огороде сорные травы и сажает на нем полезные овощи. Мы заполним Вселенную только совершенными существами. На бесконечном большинстве планет совершенная жизнь прямо станет на ноги, без долгих тысячелетий пред-

варительных мук самозарождения. Из миллионов миллиардов планет только немногие потерпели чашу страданий, подобно нашей, так как жизнь на них началась самозарождением.

Но спустя некоторое время Константин Эдуардович вдруг замолчал, очевидно, что-то припомнив. Родион заметил перемену в его настроении:

– Что-то случилось? – спросил он.

– Трудно стало работать. Рабочий класс, гегемон... Ты понимаешь, Родион, нет ничего духовного в продукции, произведенной этим рабочим классом, его интеллектуальная продукция ничтожна.

Родион внимательно посмотрел на Циолковского. Тот поднял глаза и их взгляды встретились.

– Да, ты прав, Константин, – заметил Родион. – Не надо всерьёз принимать рабочий класс как творческую силу. Рабочий класс – не венец человечества, а его трагедия. Миллионы людей, потенциально ничем не отличающиеся от остального полноценного общества, осуждены этим обществом на духовную деградацию, на культурное вырождение: возня с машинами, радостное восприятие индустриального пейзажа, карты, водка, кабак, кинематограф. Но, пожалуй, самое страшное – это их боязнь тишины, ибо тишина ставит их лицом к лицу с их душевной опустошенностью.

Родиону припомнились его многочисленные поездки в Германию, Чехию, Польшу, его наблюдения над тамошней жизнью, его восприятие рабочего люда в тех европейских странах.

– Этот пролетариат восстаёт из небытия как серая масса, для которой природа мертва, философия смертельно скучна, литература и искусство доступны им лишь в самых примитивных формах, и только наука вызывает у них чувство инстинктивного уважения, как нечто такое, что выше их понимания. Особенность нашего времени в том и со-

стоит, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, начинают всё увереннее, наглее и безбоязненнее утверждать своё право на заурядность, навязывая её всем и всюду. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Это, наверное, беспокоит тебя более всего? – уточнил он у Циолковского.

– Как тонко ты всё это подметил, Родион Валентинович!

– Я читал нынешних авторов, рассуждающих о судьбах европейской культуры, о цивилизации. Буквально на днях я был поражён, насколько метко обозначил ситуацию Ратенау, говоря, что нынешний мир цивилизован, но не цивилизован обитатель его – человек. Он назвал это вертикальным вторжением варваров. Представь себе: из люка подвала на подмостки современной цивилизации вылез дикарь. Каково?

Циолковский внимательно слушал Родиона, сжимая пальцы в замок.

– И я порой смотрю на рабочего, на мелкого делопроизводителя и им подобных, и вижу всех их как тотальную массу. Но ведь ради их счастья, Родион, мы с тобой работаем. Ведь они будут развиваться? Ведь не могли же мы и нам подобные жить бессмысленной жизнью, а? – с надеждой спрашивал Циолковский то ли Родиона, то ли самого себя.

Родион молча кивнул головой и ободряюще пожал руку старому товарищу. Сгорбившись, Циолковский повернулся уходить. Потом вдруг резко остановился, что-то вспомнив.

– Родион, ты говорил что-то о их вожде. Я услышал тревогу в твоём голосе. Он что, отходит? Скоро?

– Все мы куда-то отходим, – попытался отшутиться Родион. – Думаю, что январь ему не пережить.

– А что же будет дальше?

– Ничего, будем жить!

Циолковский согласно кивнул головой и начал уходить. Он уходил всё дальше и дальше, ступая по хрустящему снегу старой аллеи институтского парка. Отец русской космонавтики, сгорбившись и низко опустив голову, уходил всё дальше навстречу восходящей полной Луне.

А Родион в глубокой задумчивости вернулся к себе в контору. Он долго и молча сидел за столом, глядя в большое незашторенное окно. Мороз крепчал и за окном с неба монотонно кружились редкие снежинки, покрывая всё вокруг свежим белым покрывалом. Вскоре сквозь ветви дерева проглянула поднимающаяся Луна.

В голове адвоката роились навязчивые слова: «однообразие», «повторяемость», «круговерть». Открыв дверку буфета, Родион достал бутылку коньяку, налил стопку, выпил и негромко промолвил, точно обращаясь к кому-то отсутствующему, с кем разговор всё ещё продолжался:

– Нет, это всё-таки задача ненужная... Мавр сделал своё дело...

Он решительно поставил бутылку обратно и быстро вышел на улицу, отправляясь домой отдыхать. Было уже далеко за полночь. Где-то в отдалении прогремело несколько хлёстких винтовочных выстрелов, слышались чьи-то крики, ещё выстрелы, но глухие, револьверные. Потом всё стихло. А на небе ярко блистала полная Луна, равнодушно взирая на преходящие дела земные.

Родион был спокоен и сосредоточен. Решение было принято.

* * *

Наступил решающий для «Общего дела» Родиона Вечного январь 1924 года. 21-го умер Ленин. 23-го были найдены мёртвыми профессора Д.И. Вах-

рушев и Г.Р. Симон, а также доцент Павел Р. На телах были явственно видны следы насилия, как будто от жертв чего-то домогались. В квартирах, где они проживали, кем-то профессионально был проведен тщательный осмотр бумаг, документов и книг учёных. Многое исчезло. Родион предпринимал неотложные и решительные меры, что требовало принятия жестких решений, касающихся программы проведения дальнейших исследований. Важно, что основных фигурантов процесса, хранивших в своих умах все нити исследований, уже не было в живых.

* * *

После смерти В.И. Ленина, несмотря на неоднократные требования Крупской, Зиновьева и Богданова похоронить его по христианскому обычаю рядом с могилой матери, Сталин настоял на своем предложении тело вождя забальзамировать и после этого выставить на всеобщее обозрение. В ответ на резкие слова в свой адрес, Сталин категорично заметил:

— Я, может быть, любил его больше, чем все вы, взятые вместе. Не мешайте мне делать то, что я делаю. Политбюро меня поддерживает... Я знаю, зачем это...

* * *

Институт переливания крови продолжал выполнять второстепенные программы Лаборатории до самой героической смерти руководившего институтом А.А. Богданова. А умер Богданов в 1928 году вследствие проводимого на себе медицинского эксперимента. После этого Лаборатория прекратила свои отношения с Институтом.

* * *

В начале лета 1929 года в Москве стали уничтожать старые кладбища, в первую очередь при монастырях. Как только Родиону стало достоверно известно о решении городских властей, он предпринял необходимые меры. И в то время, когда началось разрушение кладбища Скорбященского монастыря, когда там громоздились груды земли и мусора, работники Лаборатории тайно вырыли останки Николая Фёдоровича Фёдорова и перенесли их в одно из подземных помещений Лаборатории. Хотели забрать и надмогильный крест, но Родион запретил это делать, дабы не осталось никаких подозрений.

* * *

Дом, где находился трактир «Бегемот», был снесен в 1932 году в соответствии с новым Генпланом Москвы, а на его месте было выстроено огромное административное здание. Так один вход в Лабораторию был надежно уничтожен. В том же году Сталин отдал устный приказ: трупы умерших и расстрелянных руководителей партии и правительства, а также крупных военачальников сжигать и пепел рассеивать. С прахом «выдающихся», помещаемым в Кремлевскую стену, поступать так же. Об исполнении докладывать ему лично.

* * *

В 1935 году, после взрыва храма Христа Спасителя, был разрушен и второй вход в Лабораторию, где под толщей земли и камня руководители лаборатории решили оставить основные архивы исследований, копии лабораторных дневников и огромную коллекцию материалов для клонирования. Таким образом, существовавшая в Москве Лаборатория прекратила свою деятельность...

* * *

1935 год оказался с самого начала роковым и для Григория Евсеевича Зиновьева, инициатора избрания тов. Сталина на пост Генерального секретаря партии. Зиновьев был арестован по сфабрикованному обвинению, что в те времена стало нормой. Тюремные письма его к И.В. Сталину говорят о многом:

«10 апреля 1935 г. Еще в начале января 1935 года в Ленинграде в ДПЗ секретарь ЦК тов. Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: “Политически Вы уже расстреляны”.

Я знаю, что и физическое мое существование нынче во всяком случае³ кончается. Один я чувствую и знаю, как быстро и безнадежно иссякают мои силы с каждым часом, да и не может быть иначе после того, что со мной случилось...

14 апреля 1935 г. При всех обстоятельствах мне осталось жить в этом теле во всяком случае⁴ очень недолго: вершок жизни какой-нибудь, не больше.

Одного я должен добиваться теперь: чтобы об этом последнем вершке сказали, что я осознал весь ужас случившегося...

Владимир Ильич был прав, говоря, что ради жизни, пусть и «условно вечной», истинные большевики готовы претерпеть и грядущие репрессии от нового режима... Что ж, претерпевать и моя доля.

1 мая 1935 г. Ну где взять силы, чтобы не плакать, чтобы не сойти с ума, чтобы продолжать жить...».

Будучи доставлен из Челябинской тюрьмы в Москву уже в качестве обвиняемого по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», Зиновьев пишет тов. Сталину письмо:

3 Подчёркнуто Родионом Вечным.

4 Подчёркнуто Родионом Вечным.

«12 июля 1936 г. Состояние моё совсем плохое. Я боюсь, что не доеду.

Горячая просьба: издать мою книгу, написанную в В. Уральске. Она не кончена (не успел), но всё-таки главное сказано. Писал ее кровью сердца...».

* * *

Поздним вечером 24 августа 1936 года военная коллегия Верховного суда СССР огласила приговор: высшая мера наказания – расстрел. Григорий Евсеевич встретил приговор спокойно. Приговоренных к смерти стали выводить из зала суда. Здесь, воспользовавшись моментом, Зиновьев попросил у Н.И. Ежова лист бумаги и карандаш:

– Хочу написать прощальное письмо старому другу – товарищу Сталину.

– Он вам давно **не товарищ**, – подчёркнуто резко возразил Ежов, но просьбу удовлетворил.

Ни на мгновение не задумываясь над текстом, Зиновьев быстро набросал записку. Сложив лист, на обороте крупно написал: «Тов. И. Сталину. Лично. Строго конфиденциально».

Обращаясь к Ежову и передавая ему записку заметил:

– Читать не советую. Хотя, думаю, что всё равно очень скоро и вы последуете за мной.

Ежов осмотрелся, позвал одного из следователей и спросил конверт. Через минуту чистый конверт нашли и подали.

Н. И. Ежов (1895–1940)

Ежов вложил записку в конверт, лично заклеил и подал Зиновьеву:

– Подпишите конверт! – потребовал он от приговоренного.

Зиновьев молча повторил имя адресата на конверте. Отобрав у него конверт, Ежов криво ухмыльнулся:

– Так что, Овсей-Гершен Аронович, считайте, что теперь вы уже не только политически, но и физически – расстреляны.

Через четверть часа конверт был доставлен Сталину.

Усмехаясь в усы, он достал из конверта записку и прочитал:

«ЗИНОВЬЕВ – СТАЛИНУ: в ожидании смерти.

И всё-таки, Коба, я тебе благодарен. Благодарен тебе – тогдашнему, молодому романтику-революционеру, мастеру эксов, что-то важное сделавшему, во всяком случае, и для моего посмертного бытия.

Да, мне 53 года, дело моей жизни, очевидно, сейчас я не смог завершить...

Но вопреки всем сакральным тайнам, которым тебя учили в духовной семинарии, товарищ Коба, я сходу вступаю в третью «четверть». Думаю, что в этот раз закончу непременно и с отличием...

Без души, да и телесно уже не ваш, – Г. ЗИНОВЬЕВ».

Куранты на Спасской башне начали отбивать полночь. Вождь набил трубку, встал из-за рабочего стола и подошёл к окну. На небе ярко блистали звёзды. Резкая линия ровно посередине отделяла невидимую половину от светлой части восходящей Луны, окрашенной в кроваво-красный цвет.

Глядя на небо, Сталин задумался, сложил записку, но потом ещё раз развернул и перечитал. Несколько времени спустя в кабинет неслышно вошёл Поскрёбышев:

– Приговор приведен в исполнение, Иосиф Виссарионович. Будут ещё какие-то указания?..

– Проследите, кто будет кремировать... Впрочем, они своё дело знают... А что с «Русским домом»? Почему до сих пор нет никаких сообщений, – вскинул голову Сталин.

– Сообщение есть. Весь персонал в Лозанне захвачен, допрошен и ликвидирован! Бумаги изъяты. Доклад вам готовят. Хотя ничего существенного и здесь не нашли. Будут ещё указания?..

Хозяин кабинета внимательно взглянул в глаза адъютанта и кивком головы отпустил его.

Поскрёбывшись вышел, а Сталин торопливо разорвал папиросу, наполнил табаком трубку и прикуривая пробурчал:

– Лабораторию в Москве упустили, бестолочи! И в Лозанне то же случилось... Все существенные материалы исчезли. И концы в воду...

Вождь снова повернулся к окну и глядя на Луну, равнодушно взиравшую на всё происходящее сверху, промолвил:

– Ишь ты, и вообразил же: «телесно уже не ваш». Нет, голубчик, ошибаешься, теперь ты навсегда наш, и в третью четверть тебе не вступить. И итог не в твою пользу, – никаких следов, никакой памяти!

И. В. Сталин (1879–1953)

Содержание

<i>Общие замечания</i>	4
<i>От автора</i>	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВАРСАВА

Глава первая. Начало	14
Глава вторая. Вена. Буддист	31
Глава третья. «Наркисс». В.М. Земборский	42
Глава четвёртая. Три мира, три образа, три слова. Г.Г. Урюпин	53
Глава пятая. Аристократ духа	64
Глава шестая. Мир не поймал меня!	77
Глава седьмая. Университет. П. П. Никулин	90
Глава восьмая. Сон. Встреча с Философом	103
Глава девятая. Путь. Вечный странник	116

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ХОЗЯИН КАТАЛОЖНОЙ

Глава первая. Рафаил Гриневский	132
Глава вторая. Николай Федорович Федоров	144
Глава третья. Сиддхартха	155
Глава четвертая. Илья Сергеевич Донат	166
Глава пятая. Георгий Плеханов	178
Глава шестая. Никола Тесла	190
Глава седьмая. Процентщица	202
Глава восьмая. Константин Циолковский	214
Глава девятая. Александр Михайлович	224

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
«ОБЩЕЕ ДЕЛО» РОДИОНА ВЕЧНОГО

Глава первая. Дмитрий Иванович.....	236
Глава вторая. Ян Кефер	248
Глава третья. Алексей Пешков	259
Глава четвёртая. В. Ульянов (Ленин)	269
Глава пятая. А. А. Богданов и другие	281
Глава шестая. Зиновьев. Прага	295
Глава седьмая. Гаврило Принцип	307
Глава восьмая. Профессор П. П. Шульгин и другие...	319
Глава девятая. А.В. Луначарский и другие	330
<i>И несколько слов в конце...</i>	344

Учебное издание

Вандышев Валентин Николаевич

ВарСава, или Жизнь после

Руководитель издательских проектов – А. А. Ястребов

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки – Переломов Антон Юрійович

Верстка – М. В. Кухаришина

Формат 60х84 1/16. Подписано в печать 28.04.2016.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнітура SchoolBookC.

Усл. п. листов – 20,9. Уч.-изд. листов – 18,7.

Тираж 300 пр.

ООО «Кондор-Издательство»

Свидетельство Серия А01 №376847 от 28.07.2010 г.

03067, г. Киев, ул. Гарматная, 29/31

тел./факс (044) 408-76-17, 408-76-25